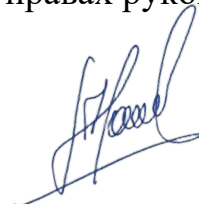

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЖУКОВА АКАДЕМИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Аврамов Степан Олегович

**ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО
СУБЪЕКТА ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ):
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Научная специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской
Федерации, Почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации
Сальников Виктор Петрович

Санкт-Петербург – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Правовые стимулы и ограничения: ценностные категории юридической науки.....	17
1.1. Правовые ограничения: генезис и теоретико-правовая характеристика.....	17
1.2. Правовые стимулы: генезис и теоретико-правовая характеристика	50
1.3. Ценность права в контексте диалектического взаимодействия правовых стимулов и ограничений.....	69
Глава 2. Правовые стимулы и ограничения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации как специального субъекта права	92
2.1. Правовые ограничения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: нормативно-правовая природа, содержание и особенности реализации	92
2.2. Правовые стимулы военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: содержание, формы и особенности реализации	126
2.3. Профессиональная правовая культура как детерминанта эффективности правовых стимулов и ограничений	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	172

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практического обеспечения реализации правовых стимулов и правовых ограничений в отношении специального субъекта права – военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. В общей теории права стимулирующие и ограничительные средства выполняют взаимодополняющие функции: они ориентируют адресата на социально полезные модели правомерного поведения и одновременно устанавливают пределы дозволенного, предотвращая действия, сопряженные с угрозами правопорядку и публичной безопасности. Теоретически обоснованное понимание природы, функций и пределов этих средств принципиально важно для согласования частных и публичных интересов и обеспечения предсказуемости правового воздействия в условиях, где дисциплина и законность приобретают системообразующее значение.

Актуальность исследования в прикладном измерении связана со спецификой задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, включая участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, противодействии терроризму и экстремизму. Реализация указанных задач предполагает особый правовой режим службы, сочетающий ограничительные предписания и поощрительные меры. Эффективность служебно-боевой деятельности напрямую зависит от мотивации и дисциплины личного состава, вследствие чего выработка научно обоснованных ориентиров управления через баланс поощрительных и ограничительных мер приобретает практическую востребованность.

Отдельного внимания требует соотнесение рассматриваемой проблематики с современными государственными приоритетами в части мер поддержки и признания заслуг участников специальной военной операции. В официальных заявлениях и поручениях, озвученных на уровне Президента Российской Федерации, акцентируется необходимость единых подходов к мерам поддержки,

развитие институциональных форм помощи (включая деятельность фонда «Защитники Отечества»), а также обеспечение статуса участника боевых действий как элемента справедливого признания заслуг. Эти ориентиры объективно усиливают требования к нормативной ясности и доктринальной определенности при описании стимулирующих средств и границ допустимых ограничений в отношении военнослужащих, поскольку речь идет о правовых инструментах, затрагивающих существенные интересы личности и публичные интересы безопасности.

В правовой доктрине сохраняется вариативность подходов к определению и разграничению стимулирующих и ограничительных правовых средств, а также к установлению критериев их соразмерности и результативности применительно к особому правовому положению военнослужащих. Различия в трактовках понятий «правовой стимул», «правовое стимулирование», «правовое ограничение», «запрет», «ограничение прав» затрудняют формирование внутренне согласованного понятийного аппарата и единых методологических ориентиров. Дополнительного осмысления требует роль профессиональной правовой культуры как фактора восприятия и реализации указанных средств, поскольку от уровня правовых знаний, ценностных установок и практической готовности к правомерному поведению во многом зависит их воздействующий потенциал.

Степень разработанности проблемы исследования. Выбор темы исследования обусловлен ее актуальностью и недостаточной разработанностью целостного теоретико-правового подхода к анализу взаимосвязи правовых стимулов и правовых ограничений применительно к специальному субъекту права.

Анализ степени разработанности проблемы предполагает обращение к работам, раскрывающим исторические предпосылки, общетеоретические основания и отраслевые особенности исследуемых средств правового регулирования.

Вопросы правовых ограничений получили разработку в трудах Ю.Н. Андреева, В.М. Баранова, А.Г. Братко, З.Д. Ивановой, И.Н. Кондрат,

А.В. Малько, А.А. Подмарева, И.М. Приходько, С.В. Пчелинцева, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашова, Н.Н. Рыбушкина, Н.Н. Семенюты, М.М. Султыгова, Ф.Н. Фаткуллина и других ученых.

Исследованию правовых стимулов посвящены работы В.М. Баранова, А.Г. Бережнова, В.М. Ведяхина, В.В. Глазырина, Ю.В. Голика, И.Э. Звечаровского, С.А. Иванова, В.И. Курилова, Е.Н. Лебедевой, О.В. Левина, Р.З. Лившица, А.В. Малько, Н.И. Матузова, С.В. Мирошник, Д.И. Провалинского, Б.Г. Прошкина, А.Ф. Сизого и других ученых.

Теоретической основой диссертационного исследования выступили труды отечественных ученых, научные взгляды которых использованы при осмыслении различных аспектов диссертационной проблематики: С.С. Алексеева, А.И. Александрова, И.А. Антонова, М.И. Байтина, А.Б. Венгерова, Н.В. Витрука, М.Х. Гельдибаева, И.Л. Третьякова, М.Ю. Гутмана, С.И. Захарцева, С.В. Игнатъевой, Р.Ф. Исмагилова, И.И. Иванова, О.С. Иоффе, Д.А. Керимова, С.В. Кодана, С.А. Комарова, А.В. Комиссарова, А.В. Корнева, Г.Н. Крижановской, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, Е.А. Лукашевой, С.Г. Лысенкова, Е.В. Мищенко, В.С. Нерсисянца, Т.Г. Николаевой, В.П. Сальникова, О.Э. Старовойтовой, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, Н.И. Уткина, Е.А. Фроловой, А.Г. Хабибулина, Л.С. Явича.

Вместе с тем при всей значимости имеющихся исследований, затрагивающих отдельные аспекты правовых стимулов и ограничений, в современной отечественной правовой литературе не сформирована целостная теоретико-правовая модель их взаимосвязи применительно к военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации. Настоящее диссертационное исследование направлено на систематизацию понятийного аппарата, уточнение критериев разграничения и выявление условий эффективного применения указанных средств в рамках специального правового статуса.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией правовых стимулов и правовых ограничений в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации как специального субъекта права.

Предмет исследования – система правовых стимулов и правовых ограничений, применяемых к военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации, их теоретико-правовые характеристики, содержание и формы проявления, особенности реализации и влияние профессиональной правовой культуры на эффективность указанных средств.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в разработке целостного теоретико-правового подхода к анализу юридической природы и роли правовых стимулов и правовых ограничений, обусловленных специальным правовым статусом военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, а также в выявлении проблемных аспектов их реализации и формулировании предложений по совершенствованию практики применения указанных средств в интересах обеспечения надлежащего прохождения военной службы.

Для достижения поставленной цели были поставлены и решены следующие **задачи:**

1. Проанализировать генезис правовых ограничений и раскрыть их теоретико-правовую характеристику.
2. Исследовать генезис правовых стимулов и дать их теоретико-правовую характеристику в системе юридических категорий.
3. Обосновать социальную ценность права через анализ диалектического взаимодействия правовых стимулов и правовых ограничений, выявив значение их соразмерного сочетания для правового воздействия.
4. Раскрыть нормативно-правовую природу, содержание и особенности реализации правовых ограничений, установленных для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации.
5. Охарактеризовать содержание, формы и особенности реализации правовых стимулов, предусмотренных для военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации.
6. Определить роль профессиональной правовой культуры в обеспечении эффективности правовых стимулов и правовых ограничений

в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в работе обоснован теоретико-правовой подход к анализу диалектики правовых стимулов и правовых ограничений в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации как специального субъекта права, раскрывающий их ценностно-регулятивное взаимодействие и обусловленность уровнем профессиональной правовой культуры.

По результатам проведенного исследования: сформулированы авторские определения правового стимула и правового ограничения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, а также профессиональной правовой культуры; предложена классификация правовых стимулов и двухуровневая система правовых ограничений с описанием особенностей их реализации; обоснован принцип адаптивного баланса правовых стимулов и правовых ограничений в зависимости от уровня профессиональной правовой культуры.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных представлений о правовых стимулах и правовых ограничениях как взаимосвязанных юридических средствах, определяющих направленность и пределы правомерного поведения специального субъекта права. Результаты диссертации вносят вклад в общую теорию права, уточняя содержание и соотношение указанных категорий и раскрывая особенности их проявления применительно к военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации. Сформулированные в работе теоретические обобщения и выводы расширяют представление об эволюции стимулирующих и ограничительных правовых средств в отечественной правовой традиции, способствуют обеспечению понятийной определенности в юридической науке и могут быть использованы при дальнейшем теоретико-правовом исследовании проблематики правовых стимулов и ограничений.

Практическая значимость исследования определяется возможностью

использования полученных результатов в организационно-методической и учебной деятельности, направленной на обеспечение законности и дисциплины при прохождении военной службы военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации. Выводы об особенностях реализации правовых стимулов и правовых ограничений, а также о роли профессиональной правовой культуры как фактора их эффективности могут быть востребованы при разработке и актуализации программ подготовки, правового информирования и правового воспитания личного состава, включая элементы диагностики и мониторинга состояния профессиональной правовой культуры. Материалы исследования применимы при проведении занятий по дисциплинам теоретико-правового и военно-правового профиля в военных и юридических образовательных организациях, а также в научно-исследовательской работе обучающихся. Отдельные положения могут использоваться при подготовке учебно-методических материалов и в программах повышения квалификации должностных лиц, организующих правовое обучение и контроль соблюдения установленных ограничений и применения мер поощрения.

Методология и методы исследования. В соответствии с поставленной целью и сформулированными задачами исследования применен комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволивший рассматривать правовые явления в их развитии и взаимосвязи.

Общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция), а также системный подход использовались при изучении нормативно-правового материала и научных источников, что позволило сформировать целостную концепцию исследования.

Из частнонаучных (специальных юридических) методов применялись: историко-правовой метод, позволивший проследить эволюцию правовых стимулов и правовых ограничений; историко-филологический метод (в части анализа терминологического аппарата и смысловых оттенков ключевых категорий в правовой доктрине и источниках права), использованный для

уточнения понятийного аппарата исследования и особенностей закрепления соответствующих категорий; формально-юридический метод, обеспечивший выявление юридической природы и содержания правовых норм и анализ законодательных и ведомственных актов; сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления правовых подходов различных исторических периодов; метод структурного анализа политико-правовых учений, позволивший систематизировать и сопоставить доктринальные модели стимулов и ограничений, выявить их внутренние связи (цели – средства – гарантии – пределы) и использовать полученные результаты при построении теоретико-правовой конструкции исследования.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирический (фактический) материал составили архивные документы и опубликованные исторические источники. Их анализ позволил реконструировать основные этапы развития правового регулирования и выявить особенности институционального закрепления правовых режимов в различные исторические периоды, а также сопоставить нормативные конструкции с практикой их оформления и применения.

Нормативно-правовую основу диссертационного исследования составляет действующее законодательство Российской Федерации, определяющее правовое регулирование применения правовых стимулов и правовых ограничений в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Нормативный массив включает Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, а также ведомственные правовые акты, конкретизирующие порядок реализации стимулирующих мер и ограничительных предписаний.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историко-правовой анализ отечественных источников свидетельствует о преемственном развитии ограничительных механизмов и их устойчивом присутствии в правовом регулировании в качестве средства установления

пределов дозволенного поведения в целях поддержания правопорядка и защиты публичных интересов. При изменении исторических условий трансформировались формы и основания введения правовых ограничений (в том числе ограничений сословного, имущественного и идеологического характера, а также ограничений, обусловленных особыми правовыми режимами), что предопределяло вариативность их содержания и способов реализации. В связи с этим в диссертации уточнено содержание категории «правовое ограничение» и систематизированы подходы к ее разграничению со смежными правовыми конструкциями (запретами, обязанностями, изъятиями и специальными режимами). Указанное направлено на повышение определенности понятийного аппарата и уточнение границ допустимого ограничительного воздействия права при обеспечении баланса частных и публичных интересов.

2. Осуществлено разграничение категорий «правовые стимулы» и «правовое стимулирование» на основе анализа стимулирующего воздействия права. Правовые стимулы представляют собой нормативно закрепленные поощрительные юридические средства, создающие более благоприятные условия правомерной активности специального субъекта права. Правовое стимулирование охватывает совокупность процедур установления и реализации таких средств и включает две базовые стадии – правотворческую и правореализационную (включая правоприменение). Смещение стимулов как юридических средств с механизмом их реализации, равно как и избыточная детализация стадий стимулирования, снижает определенность теоретических выводов и затрудняет единообразное понимание стимулирующих норм. Классификация правовых стимулов по характеру воздействия на материально-экономические, морально-психологические и социально-статусные обеспечивает сопоставимость мер стимулирования, закрепленных в различных нормативных источниках, при осуществлении теоретико-правового анализа.

3. Обосновано, что регулятивное воздействие права проявляется через сопряжение поощряющих и сдерживающих юридических средств. Такое воздействие носит синкретический характер: стимулирование правомерной

активности не действует изолированно, поскольку предполагает одновременное закрепление пределов допустимого поведения. В свою очередь, ограничительные предписания выполняют не только запретительную, но и направляющую функцию, ориентируя адресата на социально приемлемые модели действий. В этой связи правовые стимулы и правовые ограничения выступают функционально взаимосвязанными элементами правового воздействия, а их корреляция наиболее наглядно проявляется в институтах поощрения и наказания как противоположных формах юридических последствий.

4. Сформулирован вывод о том, что социальная ценность права как регулятора определяется степенью сбалансированности правового воздействия, в котором сочетаются стимулирование правомерной активности и установление необходимых ограничений. Перекос в сторону чрезмерных ограничений ослабляет регулятивный потенциал права и снижает легитимность восприятия предписаний, тогда как дефицит ограничительных механизмов ослабляет охранительную функцию права и повышает риск дестабилизации правопорядка. Баланс правовых стимулов и правовых ограничений выступает практическим условием реализации базовых ценностей права (свободы, равенства, справедливости) в правоприменительной деятельности.

5. Правовые ограничения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации представляют собой установленные федеральным законодательством пределы осуществления отдельных конституционных прав и свобод, обусловленные публично-служебной природой военной службы и ориентированные на обеспечение национальной безопасности, суверенитета государства и поддержание общественного порядка. Указанные ограничения обладают внутренней системностью и могут быть представлены в виде двух групп – общей и специальной. Общая группа охватывает ограничения, вытекающие из статуса военнослужащего и затрагивающие политическую, экономическую и социальную сферы. Специальная группа включает ограничения, обусловленные особым правовым режимом и условиями прохождения военной службы, направленные на обеспечение устойчивого функционирования

и дисциплинарной вертикали. Реализация и толкование указанных ограничений предполагают соответствие требованиям законности, соблюдение соразмерности и правовой определенности. Практическое обеспечение двухуровневой системы ограничений достигается организационно-правовыми мерами, внутриорганизационным контролем и применением мер юридической ответственности, ориентированных на укрепление единоначалия, дисциплины и законности.

6. Правовые стимулы военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации представляют собой совокупность правовых средств поощрительного и обеспечительного характера, ориентированных на формирование добросовестного и инициативного исполнения воинского долга и поддержание высокой дисциплины. Указанные средства систематизируются по характеру воздействия на: материальные (денежное довольствие, надбавки, премии и иные выплаты), нематериальные (морально-психологические) (государственные и ведомственные награды, досрочное присвоение воинских званий и др.), а также социально-правовые гарантии, льготы и компенсации. Стимулирующее воздействие проявляется не только через состав мер, но и через формы их реализации (индивидуальные и коллективные, разовые и долгосрочные, включая комплексные сочетания материального и нематериального поощрения). В условиях военной службы правовые стимулы обладают выраженной дисциплинарно-мотивационной направленностью и коррелируют с ценностями военной службы (долг, честь, верность присяге, готовность к самопожертвованию). Тем самым стимулы приобретают прикладное значение в процессе исполнения военнослужащими служебных обязанностей, способствуя согласованию требований национальной безопасности, суверенитета государства и общественного порядка с законными правами и интересами военнослужащих, включая членов их семей, а также повышению предсказуемости и устойчивости правового регулирования.

7. Профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации представляет собой комплексную

характеристику профессиональной группы, включающую повышенный уровень правовых знаний, степень приверженности правовым ценностям, практическую готовность к правомерному поведению и соблюдению требований служебной этики, что обеспечивает эффективное и законное исполнение служебных обязанностей. Она сочетает общие правовые принципы с профессиональной спецификой военной службы и выступает индикатором правовой зрелости военнослужащего, предполагающей соотнесение приказа с требованиями законности и осознание личной юридической ответственности. Структура профессиональной правовой культуры конкретизируется через взаимосвязанные элементы: специальные юридические знания и понимание нормативных требований службы; систему профессиональных правовых ценностей; стандарты правомерного поведения и уставной дисциплины; культуру профессионального общения при реализации властных полномочий; способность осуществлять правовую оценку служебных ситуаций и принимать юридически обоснованные решения в нестандартных условиях обстановки.

8. Установлено, что эффективность правовых стимулов и правовых ограничений в значительной мере обусловлена уровнем профессиональной правовой культуры военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: при ее достаточном уровне стимулирующие меры воспринимаются как значимые и справедливые, а ограничения – как оправданные и необходимые, что способствует поддержанию дисциплины не только посредством внешнего контроля, но и через внутреннее принятие правовых требований. При недостаточном уровне профессиональной правовой культуры одни и те же стимулы и ограничения утрачивают результативность: поощрения обесцениваются и воспринимаются формально, а ограничительные предписания и меры юридической ответственности обуславливают преимущественно внешнее соблюдение требований без устойчивой установки на правомерное поведение, вследствие чего возрастает потребность в жестком контроле и снижается профилактический эффект ограничений. Одновременно имеет место обратная зависимость: сами правовые стимулы и ограничения способны укреплять либо,

напротив, подрывать профессиональную правовую культуру. Это позволяет сформулировать принцип адаптивного баланса – соразмерное применение мер поощрения и принуждения должно учитывать исходный уровень профессиональной правовой культуры личного состава (подразделения) и сопровождаться целенаправленным ее повышением, обеспечивая переход от доминирования внешней дисциплины к дисциплине, основанной на правовых убеждениях.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается применением комплекса взаимодополняющих методов, соответствующих предмету, цели и задачам диссертации, а также соблюдением методологических требований научного познания, что способствует внутренней согласованности полученных выводов. Обоснованность результатов подтверждается анализом доктринальных источников и нормативных правовых актов, включая ведомственные правовые акты, привлечением исторических и архивных материалов, а также использованием основных положений исследования в образовательной деятельности.

Апробация результатов исследования осуществлена в ходе обсуждения на заседании кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации.

Основные итоги и выводы по диссертационному исследованию изложены в 22 научных публикациях, 10 из которых входят в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук.

Результаты и выводы, полученные в ходе разработки темы, были представлены на следующих научных конференциях: международной научно-практической конференции «Подвиг сотрудников и военнослужащих органов и войск НКВД СССР в годы фашистской блокады Ленинграда» (Санкт-Петербург, 25 января 2024 года); II Всероссийской научно-практической конференции

«Актуальные вопросы развития российской военной науки (ко Дню российской науки)» (Саратов, 8 февраля 2024 года); Международной научно-практической конференции «Идеи и взгляды А.Ф. Кони в работах о нравственных основах в российском праве и его роль в развитии современной правовой науки» (Санкт-Петербург, 22 февраля 2024 года); III Межведомственной научно-практической конференции с международным участием «Яковлевские чтения» (Новосибирск, 20–21 марта 2024 года); Международной научно-практической конференции «Противодействие идеологии терроризма: актуальные направления совершенствования профилактической деятельности» (Саратов, 24 апреля 2024 года); XXI международной научно-практической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития» (Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года); Международной научно-практической конференции «Судебно-правовая реформа в России 1864 года: история и современность» (Санкт-Петербург, 3 декабря 2024 года); Межведомственной научно-практической конференции «Актуальные вопросы противодействия коррупционным правонарушениям и преступлениям» (Санкт-Петербург, 12 декабря 2024 года); Международной научно-практической конференции «Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы» (Санкт-Петербург, 26 марта 2025 года); IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе» (Новосибирск, 26 февраля 2025 года); Всероссийской научно-практической конференции «Государственно-правовые явления: история и современность (ко Дню Российской науки)» (Саратов, 6 февраля 2025 года); Межведомственной научной конференции с международным участием «Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Ученый, Наставник (к 100-летию со дня рождения В.Я. Слепова)» (Санкт-Петербург, 25 февраля 2025 года) и другие.

Результаты диссертационного исследования были внедрены в образовательную деятельность Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной

гвардии Российской Федерации, Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена логикой исследования, predetermined целью и задачами и состоит из введения, двух глав, состоящих из шести параграфов, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Правовые стимулы и ограничения: ценностные категории юридической науки

1.1. Правовые ограничения: генезис и теоретико-правовая характеристика

Выявление содержания и правовой природы правовых ограничений предполагает обращение к их историко-правовому измерению. В рамках настоящего параграфа ключевым является анализ формирования и последующей эволюции ограничительных механизмов в системе отечественной государственности. Такой ретроспективный анализ позволяет реконструировать генезис ограничительных средств, выявить устойчивые признаки и закономерности их правоприменительной реализации, а также уточнить их соотношение со смежными правовыми категориями, близкими по функциональному назначению.

Истоки нормативного закрепления ограничений в российской правовой традиции прослеживаются уже в одном из древнейших памятников национального законодательства – Русской Правде. Именно с этим сводом норм возможно увязывать первоначальные формы юридически оформленных ограничений. Не вдаваясь в дискуссии относительно правовой природы данного источника, примем точку зрения С.В. Кодана, полагающего, что «Русская Правда сыграла ключевую роль в становлении как последующих российских правовых актов (например, Псковской и Новгородской судных грамот), так и нормативных текстов зарубежного законодательства, включая Судебник Казимира и Литовский Статут и др.»¹.

Проведенный анализ указанного историко-правового источника дает основания полагать, что одно из исходных оснований формирования института

---

¹ Кодан С. В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX - начало XX века) // Российский юридический журнал. 2012. № 1(82). С. 172.

правовых ограничений связано с имущественной стратификацией раннефеодального русского общества. Русская Правда, в частности, нормативно закрепляла подчиненное и зависимое положение представителей низших социальных групп, включая челядь. Так, согласно статье 10 краткой редакции Русской Правды, «беглый челядин подлежал возврату прежнему владельцу, а лицо, предоставившее ему укрытие сроком более трех дней, обязывалось выплатить компенсацию в размере трех гривен в пользу хозяина»². Кроме того, в тексте документа прослеживается дифференциация правовых последствий за причинение вреда жизни в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего: «за убийство тиуна, выступавшего в роли княжеского управителя, предусматривался штраф в размере 80 гривен, тогда как за убийство раба, выполнявшего функции кормильца, – 12 гривен»³. Аналогичный размер возмещения (12 гривен) устанавливался и за неправомерное завладение холопом, что свидетельствует о формировании ранних механизмов правовых ограничений, коррелирующих с социальной иерархией.

На основании приведенных примеров, можно сделать вывод, что одной из форм правовых ограничений выступало юридически закрепленное восстановление прежнего состояния общественных взаимоотношений. Отдельные статьи Русской Правды характеризовались значительной степенью конкретизации и нормативной определенности в закреплении таких ограничений, выступавших преимущественно в виде наказаний. Данный подход получил свое развитие и был отражен в более поздних правовых источниках, таких как Судные и Уставные грамоты: Двинская, Белозерская, Онежская, Пермская, Псковская, Новгородская и другие.

Одним из наиболее ранних из указанных нормативных документов является Двинская Уставная грамота, предоставленная Двинской земле князем Василием Дмитриевичем в 1397 (1398) году. Данный правовой акт четко фиксирует преимущественный правовой статус князей, бояр и купечества, одновременно

---

² Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций // Изд. Н. Калачов. М., 1846. С. 2

³ Там же. С. 3

усиливая степень правовых ограничений, распространяемых на холопов. В частности, статья 11 грамоты устанавливала норму, согласно которой господин, нанесящий своему холопу или рабе смертельный удар без умысла, полностью освобождался от судебной ответственности и наказания⁴. Неумышленное убийство холопа не квалифицировалось как преступление и не рассматривалось в суде. Поскольку умысел доказать было почти невозможно, холопы фактически оставались без какой-либо правовой защиты.

Грамота также узаконила торговые пошлины для приезжих купцов, тогда как двинские торговцы были от них освобождены. Схожие нормы встречаются в Белозерской Уставной грамоте 1488 г., Белозерской таможенной грамоте 1497 г. и ряде других актов. Как торговые, так и судебные сборы вводились строго формализованно, что отражало стремление властей того времени упорядочить фискальные и административные механизмы.

Хотя Новгородская и Псковская Судные грамоты считались более демократичными, их нормы преимущественно оберегали интересы правящей элиты – князей, бояр и состоятельных горожан. Псковская грамота, в частности, включает положения, ограничивавшие имущественные и процессуальные права отдельных социальных групп. Так, в статье 9 данного источника содержится предписание, в соответствии с которым, если на протяжении четырех-пяти лет лицо фактически владеет спорным земельным участком или водным объектом, а другая сторона в этот период не заявляет притязаний и не инициирует судебное разбирательство, то дальнейшее рассмотрение дела исключается⁵. Земля или вода признаются собственностью фактического владельца, а целование креста как форма заверения утрачивает юридическое значение. Указанная норма вводила правовые ограничения как на осуществление права собственности, так и на реализацию процессуальных прав, в том числе права на судебную защиту, по сути приближаясь по своей логике к современному институту исковой давности.

---

⁴ Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV—XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 163.

⁵ Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисловием и кратким объяснительным словарем / сост. А. Б. Гинцбургом. СПб., 1888. С. 12.

Кроме того, положения статьи 58 Псковской Судной грамоты устанавливали ограничения на осуществление процессуального представительства. Согласно тексту, возможность прибегнуть к представителю предоставлялась лишь ограниченному кругу лиц – женщинам, детям, монахам, престарелым и людям с физическими ограничениями, например, глухим. Всем остальным сторонам по делу запрещалось участвовать в процессе при помощи представителей⁶. Грамота закрепляла правовые ограничения, ограничивавшие доступ к представлению интересов в суде, что наглядно иллюстрирует дифференцированный подход к процессуальной дееспособности различных социальных групп.

На основании вышеизложенного, в числе характерных черт становления правовых ограничений в рассматриваемый исторический период можно выделить две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, прослеживается стремление к унификации правовых норм с целью формирования целостной системы регулирования общественных отношений. С другой – сохраняется действие и влияние материальных факторов, обуславливающих содержание и направленность вводимых ограничений. Указанное противоречивое развитие института правовых ограничений наиболее ярко проявляется в правовом положении зависимых социальных слоев. Их статус служил одновременно объектом нормативной стандартизации и инструментом правового закрепления интересов родовой наследственной знати.

Следующий этап эволюции отечественного права соотносится с процессом формирования централизованного Московского государства и становлением сословно-представительной монархии как особой модели публичной власти. В данный период ключевое значение приобрели кодификационные акты конца XV – середины XVI века, прежде всего Судебники, принятые при Иване III и Иване IV. Эти правовые памятники выступили не только инструментами унификации судебной практики, но и средствами целенаправленного усиления центральной власти.

---

⁶ Там же. С. 18.

Судебник 1497 года, изданный в правление Ивана III, был ориентирован на институциональное укрепление властной вертикали и утверждение верховенства московского князя над иными политико-правовыми центрами. Реализация данной задачи предполагала, с одной стороны, формирование поместной системы как основы служилого землевладения и административного управления, а с другой – последовательное усиление феодальной зависимости крестьянства. Последнее неизбежно влекло расширение объема правовых ограничений, налагаемых на сельское население, и сужение пространства его социальной и экономической мобильности.

Именно в Судебнике 1497 года впервые было нормативно закреплено правило, определявшее строго регламентированный порядок выхода крестьянина из зависимости от землевладельца. Право на смену владельца допускалось лишь один раз в год – в течение недели до и после Юрьева дня, что фактически превращало формально признанную возможность ухода в исключение из общего режима зависимости⁷. Дополнительным ограничительным элементом выступала обязанность уплаты «пожилого» – денежной компенсации за пользование земельным наделом в период нахождения в зависимости. С этого момента выражение «Юрьев день», как справедливо отмечал И. Е. Энгельман, «стало употребляться в русской речи как эвфемизм для обозначения ограничений свободы»⁸. Тем самым Судебник 1497 года заложил правовую основу для дальнейшей эволюции ограничительных механизмов в отношении крестьянства, превратив временные и условные ограничения в устойчивый элемент государственно-правовой системы Московского государства.

В дальнейшем, по мере усложнения правовой системы и оформления норм крепостного права, правовой статус крестьянства характеризуется последовательным ужесточением и устойчивым закреплением ограничительных механизмов. Принятый в 1550 году Судебник при царе Иване IV Грозном

---

⁷ Законы Великого Князя Иоанна Васильевича и Судебник Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами. М., 1878. С. 14

⁸ История крепостного права в России / И. Энгельман; пер. с нем. В. Щерба, под ред. А. Кизеветтера. М., 1900. С. 23.

сохранял установленный ранее срок возможного перехода крестьянин, что отражено в статье 88 данного акта. Однако при этом усилился экономический характер правовых ограничений: размер отступной платы («пожилого») был увеличен на два алтына по сравнению с аналогичной нормой Судебника 1497 года⁹. По мнению исследователя М.А. Литвинова, это повышение носило явно обременительный характер и не соответствовало реальным экономическим возможностям крестьянства того времени, фактически ограничивая возможность реализации даже формально сохранившегося права на переход¹⁰.

Следующим значимым источником, закреплявшим систему правовых ограничений, стало Соборное Уложение 1649 года, принятое при царе Алексее Михайловиче. Этот кодифицированный акт не только нормативно оформил ограничения прав и свобод, но и закрепил углубленную социальную стратификацию российского общества. В Уложении население было классифицировано по сословному признаку на три обширные группы: высшее (включающее бояр, окольных, думных людей, стольников, дворян и детей боярских), среднее (гостей, сотни, посадских) и низшее (крестьян и холопов). Внутри каждой из этих категорий проводилось дополнительное деление, фиксирующее юридическое положение отдельных групп. Особенно отчетливо система правовых ограничений проявлялась в отношении холопов. Нормы права разделяли зависимых людей на две группы: кабальные холопы служили только своему заимодавцу по договору кабалы и освобождались с его смертью, тогда как полные («старинные») холопы считались полной собственностью владельца и могли отчуждаться без каких-либо ограничений.

Кроме того, правоспособность холопов была существенно ограничена имущественно: им прямо запрещалось владеть недвижимостью, а для крестьян устанавливалась система бессрочного сыска в случае бегства, что означало отмену ранее действовавших «урочных лет» и окончательное закрепощение.

---

⁹ Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближайших его приемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым / предисловие изд. Г. Ф. Миллера. 2-е изд. М., 1786. С. 112.

¹⁰ Литвинов М.А. История крепостного права в России. М., 1897. С. 47

Существенные правовые ограничения касались и несовершеннолетних: родители имели право отдавать детей младше 15 лет в кабальное холопство за собственные долги, что легитимизировало включение несовершеннолетних в зависимые формы существования без их воли. Экономическую деятельность крестьян также ограничивали: им запрещали городскую торговлю, а их лавки обязаны были перейти к посадским и тяглым торговым людям.

При этом даже в условиях крепостного права сохранялось неотчуждаемое право на жизнь, выражавшееся в установленном законом запрете для помещиков произвольно лишать крестьян жизни. Данное ограничение господской власти носило охранительный характер и было направлено на минимальную защиту наиболее уязвимой части населения, фактически лишенной гражданской самостоятельности. Одновременно законодательство предусматривало отдельные юридически значимые основания, при наступлении которых зависимые лица могли перейти в свободное состояние, что свидетельствовало о сохранении в правовой системе элементов, формально допускавших выход за пределы крепостной зависимости. Например, крестьянин освобождался, если был захвачен в плен и вернулся из него; при государственной измене феодала – даже после его прощения – холопы, отпущенные в период его отъезда, не возвращались; если господин по бедности отпускал холопа в «голодное время», то позже не имел права вернуть его. Иностраный кабальный холоп мог получить свободу при обращении в православие и уплате 15 рублей. Эти положения устанавливали правовые ограничения власти феодала: запрещали возвращать в зависимость ранее освобожденных и обязывали признавать факты освобождения. Они демонстрируют, что правовые ограничения могли носить защитный характер, направленный на смягчение социальной незащищенности зависимых слоев.

Соборное Уложение 1649 года закрепляло также комплекс правовых ограничений в сфере частноправовых отношений, что свидетельствовало о расширении предмета нормативного регулирования за пределы публично-властной сферы. Так, устанавливались пределы реализации брачной правоспособности, выраженные в допустимости вступления в законный брак

не более трех раз. Одновременно впервые в отечественном праве была нормативно утверждена обязательность судебного порядка разрешения имущественных споров, что исключало возможность самоуправного восстановления нарушенных прав и тем самым усиливало монополию государства на отправление правосудия. Существенное значение имело и закрепление сроков исковой давности: для долговых обязательств – пятнадцать лет, для вотчинных споров и иных категорий требований – сорок лет. Указанные положения отражают тенденцию к постепенной формализации и упорядочению гражданско-правового оборота.

В целом специфика правовых ограничений периода действия Соборного Уложения проявлялась, во-первых, в их тесной взаимосвязи с процессом оформления и укрепления норм крепостного права. Во-вторых, в усилении зависимости объема и содержания прав от сословной принадлежности субъектов. В-третьих, в расширении нормативного регулирования в сфере частного права, охватывавшего наследственные, имущественные и семейные отношения. При этом правотворческая деятельность данного периода отличалась значительным масштабом и стремлением к систематизации правового материала, что обусловило формирование относительно целостной и внутренне согласованной модели правового регулирования.

Последующий этап эволюции российского государства характеризуется институциональным оформлением абсолютизма и последовательным усилением централизации публичной власти, что нашло прямое выражение в трансформации законодательного массива и изменении его функционального назначения. Масштаб и многообразие нормативных актов указанного периода таковы, что их всесторонний и детализированный анализ объективно выходит за рамки настоящего исследования. В этой связи методологически оправданным представляется обращение к обобщенному историко-правовому обзору, ориентированному на выявление системообразующих новаций, оказавших принципиальное влияние на становление и развитие правовых ограничений.

Процесс укрепления абсолютной монархии получает импульс во второй

половине XVII века в период правления Алексея Михайловича и достигает логического завершения в ходе петровских преобразований. Законодательная политика данного времени носила целенаправленный и последовательный характер, будучи ориентированной на консолидацию властной вертикали и нормативное закрепление сословной дифференциации общества. Вскоре после принятия Соборного уложения 1649 года были изданы указы, направленные на централизацию управления и усиление государственного контроля в социально-экономической сфере. Характерным примером стали запреты земельных сделок в Заонежских погостах (указы от 20 июня и 31 сентября 1649 года), отражавшие стремление ограничить экономическую активность зажиточного крестьянства и предотвратить перераспределение земель¹¹. Такие сделки сокращали число тягловцев и подрывали фискальные интересы государства. Запрет на них стал формой правового ограничения, обеспечивавшего сохранение налоговой и социальной базы в условиях усиливающейся централизации.

Чтобы усилить государственный контроль над имущественным оборотом, Петр I в 1699 г. ввел обязательное использование гербовой бумаги при заключении сделок, а с 1701 г. установил крепостной (нотариальный) порядок оформления большинства гражданско-правовых актов¹². Эти меры существенно сузили свободу договоров, подчиняя частную инициативу формализованному надзору государства. Именной указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имениях»¹³ закрепил принцип единонаследия: все имущество переходило лишь одному наследнику. Как отмечал В. О. Ключевский, нововведение заметно ограничило свободное распоряжение землей¹⁴. В итоге реформы Петра I определили облик зрелого абсолютизма: они усилили

---

¹¹ Памятники русского права. Вып. 7 (Вторая половина XVII в.) / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1963. С. 39, 130.

¹² Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Т. 4: История российских гражданских законов. Ч. 2. Кн. 2: Об имуществах. СПб., 1857. С. 59–73.

¹³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1986. С. 295–300.

¹⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958. С. 89.

самодержавную вертикаль, юридически закрепили дворянские привилегии и задали устойчивый курс на заимствование западно-европейских институтов, при этом сохранив основу экономической модели в виде крестьянского труда. Правовые ограничения в этот период стали инструментом преобразования социальной структуры в интересах централизованного государства.

Изложенное позволяет сделать несколько обобщенных выводов относительно характера правовых ограничений в эпоху становления абсолютной монархии в России. Прежде всего, изменение законодательного процесса затронуло саму сущность правовых ограничений: усложнившаяся юридическая техника породила рост бюрократических процедур. На место обычного и церковного права постепенно пришло светское регулирование, опирающееся на западно-европейские модели, нормы Соборного Уложения и других актов прежней эпохи, а также формально действовавшие положения средневекового законодательства. Во-вторых, обоснованием правовых ограничений все чаще служила размытая категория «государственного интереса», в которую включались идеи укрепления монархии, поддержки служилого дворянства, развития административной системы, создания постоянной армии и др. В-третьих, существенно возросла правовая дифференциация: объем предоставляемых прав и степень их ограничения оказались в еще большей мере обусловлены сословной принадлежностью. Права крестьян систематически урезались в пользу дворянства, чьи привилегии расширялись. В результате, несмотря на стремление к правовой модернизации, Россия осталась феодальным государством с множественными правовыми режимами, дифференцированными по сословному признаку.

До крестьянской реформы Александра II крестьяне полностью зависели от помещиков. Манифест от 19 февраля 1861 г. признал их гражданскую дееспособность и ограничил власть помещиков, но заменил крепостной статус на «временнообязанное» состояние, сохранив зависимость минимум на два года. Полное освобождение связывалось с выкупом: либо по добровольному соглашению, либо по обязательной схеме. В некоторых губерниях (Минская,

Киевская, Волынская) обязательный выкуп ввели уже в 1863 г.¹⁵, тогда как в других он растянулся до 1881 г.¹⁶ Сам размер выкупных платежей стал новой правовой преградой, а неспособность большинства крестьян выплатить его превратила это юридическое требование в фактическое ограничение их свободы. Однако неспособность большинства крестьян выплачивать эти суммы из-за низкой платежеспособности уже представляет собой фактическое, а не юридическое ограничение. Аналогично, передача определения размеров наделов и повинностей на усмотрение сторон – крестьян и помещиков – привела к закреплению неравенства в правоприменительной практике, формируя дополнительные фактические ограничения в условиях сохраняющегося социального дисбаланса.

С вступлением на престол Александра III правовая политика Российской империи претерпела заметную переориентацию, сместив акценты в сторону приоритетного укрепления государственной власти и обеспечения внутренней устойчивости преимущественно посредством императивно-охранительных механизмов. Данная установка получила нормативное закрепление в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданном 14 августа 1881 г., которым были институционализированы два специальных правовых режима – «усиленной» и «чрезвычайной» охраны¹⁷. В условиях действия режима «усиленной охраны» высшие должностные лица на местах – генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники – наделялись существенно расширенным дискреционным усмотрением, включая право применения внесудебных мер принуждения. В частности, предусматривалась возможность наложения административных штрафов в размере до 500 рублей либо применения краткосрочного лишения свободы сроком до трех месяцев, что свидетельствует о сознательном отходе от судебных процедур в пользу превентивного административного контроля и подчеркивает охранительную

---

¹⁵ Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗ РИ). Второе собрание. Т.38. Ч.1. СПб., 1866. Док. № 39337; 39928. С. 196-198, 870-871.

¹⁶ ПСЗ РИ. Третье собрание. Т.1. СПб., 1885. Док. № 575-577. С. 372-376.

¹⁷ ПСЗ РИ. Третье собрание. Т.1. СПб., 1885. Д. №350. С. 261-266.

направленность правового регулирования данного периода. Также допускался запрет на проведение любых собраний, включая частные, и издание распоряжений о закрытии торговых и промышленных заведений на неограниченный срок. Кроме того, власти могли ограничивать свободу передвижения, запрещая отдельным лицам находиться в населенных пунктах, охваченных режимом усиленной охраны. Таким образом, закреплялась система административных правовых ограничений, отражая стремление к централизованному контролю и подавлению потенциальной социальной нестабильности.

Указанное Положение существенно расширило компетенцию местных полицейских органов, наделив их правом применения широкого спектра внесудебных мер принудительного характера. В частности, полиции предоставлялась возможность осуществлять задержание лиц без санкции суда, налагать арест на имущество, проводить обыски в любых помещениях, а также использовать иные инструменты административного воздействия. Тем самым формировалась правовая конструкция, ориентированная на оперативное и превентивное вмешательство государства в сферу частных прав и свобод.

Режим «чрезвычайной охраны» предполагал еще более жесткую модель правового регулирования. В рамках его действия генерал-губернаторы фактически приравнивались по объему полномочий к военным главнокомандующим, при сохранении в полном объеме всех мер, предусмотренных режимом «усиленной охраны». Как отмечает Е.А. Скрипилев, к 1901 году действие режима исключительного положения охватывало более трети территории Российской империи¹⁸. Данное обстоятельство свидетельствует о масштабном и системном характере передачи чрезвычайных полномочий органам местной власти, что неизбежно сопровождалось существенным сужением объема личных прав и свобод населения и смещением баланса в пользу административно-полицейского начала.

---

¹⁸ Скрипилев Е.А. Права личности в России до октября 1917 г. // Права человека: время трудных решений. М., 1991. С. 158.

Сформированный в указанный период механизм правовых ограничений затронул и сферу избирательных отношений. Многоступенчатость избирательной системы была нормативно закреплена дифференцированно по куриям: для землевладельческой и городской – двухступенчатая модель, для рабочей – трехступенчатая, для крестьянской – четырехступенчатая. Одновременно вводились дополнительные условия допуска к участию в выборах, основанные преимущественно на имущественном и возрастном цензах, при сохранении принципа неравного представительства различных избирательных курий¹⁹. В совокупности данные меры институционализировали структурное неравенство в политическом представительстве.

Кульминацией указанной ограничительной тенденции стали роспуски I и II Государственных дум, за которыми последовало изменение Основных государственных законов 3 июня 1907 года²⁰. Проведенная трансформация избирательной системы привела к дальнейшему сужению политических прав наименее обеспеченных городских слоев, крестьянства и рабочего класса, что объективно снизило степень их участия в формировании органов государственной власти и закрепило доминирование охранительно-административной логики в правовой политике рассматриваемого периода.

Следующий этап формирования системы правовых ограничений обусловлен реализацией политики военного коммунизма и нормотворческой деятельностью первых месяцев существования советской власти. Указанный период характеризуется предельной концентрацией регулятивных и охранительных функций государства, что нашло отражение в принятии актов, направленных на коренную трансформацию базовых социально-экономических и политико-

---

¹⁹ Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную Думу 6 августа 1905 г. // ПСЗ РИ Собрание третье. Т. 25. Ч.1. СПб., 1908. № 26662. С. 645-651; Именной Высочайший Указ об изменении положения о выборах в Государственную думу // Там же. № 27029. С. 877-882.

²⁰ Манифест от 3 июня 1907 г. О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Государственной думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу // ПСЗ РИ Собрание третье. Т.27 №29240. С. 319-320.; Именной Указ Сенату О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Государственной думы // Там же. №29241. С. 320-321; Положение О выборах в Государственную Думу // Там же. №29242. С. 321-335.

правовых институтов. Уже на начальном этапе новая власть прибегает к нормативному оформлению жестких ограничений, затрагивающих фундаментальные субъективные права.

Так, Декрет «О земле» от 26 октября 1917 года закрепил принципиальный отказ от прежней модели частной собственности на землю, легитимировав конфискацию помещичьих владений без какого-либо возмещения²¹. Тем самым было не только устранено имущественное право как юридическая категория в традиционном понимании, но и создан прецедент нормативного приоритета публичных интересов над частноправовыми притязаниями. Аналогичную направленность имели меры, принятые в сфере информационных отношений. Декрет «О печати» от 27 октября 1917 года ввел прямые ограничения свободы слова, установив режим предварительного и последующего контроля в отношении печатных изданий, содержащих призывы к сопротивлению или неповиновению советской власти, а также материалы, квалифицируемые как способствующие дестабилизации общественного порядка либо побуждающие к действиям, признаваемым «явно преступными»²².

Указанные положения получили дальнейшее развитие в Резолюции ВЦИК от 4 ноября 1917 года «По вопросу о печати», которой была нормативно санкционирована конфискация частных типографий и иных технических средств печати, находившихся в собственности частных лиц²³. Тем самым государство последовательно устраняло материальную базу независимой информационной деятельности, формируя монопольный контроль над средствами массовой коммуникации. Дополнительным элементом данной политики стал Декрет «О государственной монополии на печатание объявлений», обязавший все агентства по размещению частных объявлений передавать соответствующие заказы исключительно в ведение Советов под угрозой привлечения

---

²¹ Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 17-20.

²² Декрет СНК РСФСР от 27 октября 1917 г. «О печати» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 28.10.1917. №1.

²³ Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 43-44.

к ответственности²⁴. Указанная мера свидетельствует о стремлении подчинить даже вспомогательные сегменты информационного оборота централизованному административному регулированию.

Правовые ограничения данного периода затронули и сферу трудовых отношений. Так, Приказ «По министерству финансов» от 30 октября 1917 года фактически запрещал забастовочную деятельность служащих финансового ведомства, устанавливая угрозу ареста как средство обеспечения повиновения²⁵. Подобная практика демонстрирует отказ от признания трудовых прав в их классическом содержании и подмену их императивными предписаниями, обеспечиваемыми репрессивным механизмом.

В совокупности принятые нормативные акты отражают целенаправленное стремление советской власти к установлению жесткого и всеобъемлющего контроля над ключевыми сферами общественной жизни – собственностью, информацией и трудом. Система правовых ограничений в этот период приобретает централизованный и карательный характер, выступая не вспомогательным, а базовым инструментом политического и социального управления.

Несмотря на декларируемое в нормативных актах формальное равенство граждан, в раннесоветский период представители дворянства и буржуазии в правовой и политической доктрине фактически квалифицировались как социально чуждые группы по отношению к утверждавшемуся государственно-политическому режиму. Формальная отмена прежних сословных и национальных привилегий сопровождалась одновременным формированием новых правовых ограничений, адресно ориентированных на отдельные категории населения, рассматриваемые как носители «эксплуататорского» начала. Тем самым демонтаж дореволюционной системы неравенств не приводил к установлению универсального правового равенства, а предполагал переориентацию и перераспределение ограничительных механизмов в соответствии

---

²⁴ Декрет СНК РСФСР от 8 ноября 1917 г. «О государственной монополии на печатание объявлений» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 08.11.1917. №6.

²⁵ Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С. 31.

с идеологически заданными критериями социальной принадлежности. В результате складывалась практика правового регулирования, основанная на дифференциации правового статуса и закреплявшая структурные изменения общественных отношений в логике классового противопоставления.

Процесс нормативного закрепления ограничений прав и свобод в условиях политики военного коммунизма приобрел ярко выраженные черты чрезвычайного, по сути военного, правового режима. Стремление новой власти обеспечить финансово-экономическую устойчивость и управляемость хозяйственной системы обусловило резкое усиление национализационных мер и жесткую централизацию экономической жизни. В этом контексте принятие Кодекса законов о труде 10 декабря 1918 года стало ключевым этапом институционализации мобилизационного подхода в сфере трудовых отношений. Введение всеобщей трудовой повинности для граждан в возрасте от 16 до 50 лет означало принципиальное ограничение свободы труда и подчинение индивидуального выбора интересам государства. Дополнительным элементом выступили ограничения мобильности рабочей силы и фактический запрет свободного увольнения по инициативе работника, допускавшегося лишь после специальной проверки и признания причин уважительными²⁶. Тем самым трудовые отношения трансформировались в инструмент государственной мобилизации, а правовые ограничения приобрели функционально-обеспечительный характер в условиях социально-экономического кризиса.

Одним из наиболее трагичных последствий указанной политики стал массовый голод, тесно связанный с введением жестких ограничений свободы распоряжения имуществом, прежде всего продовольствием. Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 года, наделивший Народного комиссара продовольствия чрезвычайными полномочиями, «допустил безвозмездное изъятие у населения так называемых «излишков хлеба» и установил ответственность за их сокрытие»²⁷. Дальнейшее

---

²⁶ Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917- 1918 гг. М., 1942, № 87-88, ст. 905. С. 1229-1248.

²⁷ Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы

нормативное развитие данной линии получило выражение в Декрете СНК РСФСР от 11 января 1919 года о разверстке зерновых хлебов и фуража, который фактически узаконил продразверстку как систему принудительного отчуждения сельскохозяйственной продукции в пользу государства²⁸. Практика ее применения приводила к тому, что объемы продовольствия, оставляемые крестьянам, нередко не обеспечивали даже минимальных условий физического выживания.

В период Гражданской войны правовые ограничения приобрели откровенно репрессивное измерение. Массовая депортация была нормативно оформлена как допустимый способ борьбы с политически неблагонадежными элементами. Одновременно существенно сужались процессуальные гарантии обвиняемых, дела которых рассматривались Революционными военными трибуналами, наделенными практически неограниченными дискреционными полномочиями²⁹. Усиление репрессивного механизма получило дополнительное закрепление в Положении о Командующем армией, входящей в состав армий флота, утвержденном постановлением СНК от 15 декабря 1918 года. В соответствии с ним Революционный Военный Совет армии мог применять широкий круг мер административного воздействия, включая принудительную высылку граждан, ограничения на въезд и выезд из районов дислокации войск и иные меры, перечень которых носил открытый характер и допускал расширительное толкование. В совокупности с многочисленными актами, направленными на подавление «контрреволюционных выступлений», это сформировало системный подход к использованию правовых ограничений как инструмента политической и военной мобилизации.

Анализ данного этапа позволяет выделить несколько обобщающих

и спекулирующей ими» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942, №35, ст.468. С. 488-490.

²⁸ Декрет СНК РСФСР от 11 января 1919 г. «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. №1, ст.10. С. 12.

²⁹ Инструкция Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии Местных Народных Судов» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. М., 1942, №53, ст.597. С. 699-708.

характеристик. Во-первых, ограничения прав и свобод сохраняли избирательный характер, однако критерий их применения трансформировался: на смену сословному признаку пришел идеологический, в рамках которого объектами ограничений становились реальные и предполагаемые противники режима. Во-вторых, отказ власти от диалога и признания альтернативных позиций стал одним из факторов политической дестабилизации и эскалации гражданского конфликта, а сами ограничения отличались крайним уровнем жесткости и репрессивности. В-третьих, именно в этот период произошел беспрецедентный в отечественной истории полный разрыв правопреемственности – отмена всех актов Российской империи и сознательный демонтаж прежней правовой системы. В-четвертых, нормативные акты широко использовали оценочные и неопределенные формулировки («борьба с контрреволюцией», «угроза завоеваниям революции» и т.п.), что создавало благоприятные условия для произвольного правоприменения и злоупотреблений.

Формирование правового режима военного времени в период Великой Отечественной войны началось уже в день нападения нацистской Германии на Советский Союз с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении»³⁰. Данным актом вся полнота власти на территориях, переведенных на военное положение, передавалась военным советам фронтов и армий. Одновременно узаконивались обязательная трудовая повинность, военно-квартирная обязанность, безвозмездное изъятие транспорта и имущества для нужд фронта, а также ограничения свободы передвижения. В последующем вводились дополнительные трудовые и дисциплинарные меры: допускалась сверхурочная работа, отменялись отпуска³¹, повышался минимум трудодней в колхозах³², ужесточалась ответственность за деяния, способные

---

³⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР (далее – ВС СССР) от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости ВС СССР. 1941. №29.

³¹ Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Ведомости ВС СССР. 1941. №30.

³² Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР). 1942. №4, ст. 61.

повлиять на обороноспособность государства³³. В результате система правовых ограничений приобрела всеобъемлющий мобилизационный характер и была подчинена задаче концентрации ресурсов в условиях военной угрозы.

Несмотря на отдельные злоупотребления и нормативные перекосы, включая принудительные депортации отдельных народов и введение специфических фискальных мер, правовая политика военного времени в целом способствовала мобилизации материальных и человеческих ресурсов и консолидации общества перед лицом экзистенциальной опасности. Ограничения прав и свобод в этих условиях выступали не аномалией, а элементом глубокой перестройки всей правовой системы, ориентированной на выживание государства в чрезвычайной ситуации.

При этом значительная часть установленных в годы войны ограничений сохраняла действие и в послевоенный период. Уголовная ответственность за прогул существовала до 1956 года³⁴, повышенный минимум трудодней для колхозников сохранялся и после войны³⁵, а санкции за его невыработку были отменены лишь в начале 1960-х годов³⁶. Сама система трудодней фактически функционировала до середины 1960-х. Это свидетельствует о пролонгированном характере мобилизационной модели правового регулирования, выходящей за рамки собственно военного времени.

Переход к следующему этапу исторического и политико-правового развития государства, традиционно обозначаемому как период «развитого социализма», позволяет рассматривать систему правовых ограничений в логике устойчивого и относительно однородного режима. Целесообразность анализа

---

³³ Указ ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Ведомости ВС СССР. 1941. №32.

³⁴ Указ Президиума ВС СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» // Ведомости ВС СССР. 1956. № 10. ст. 203.

³⁵ Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 3: 1941–1952 годы / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. М., 1968. С. 422.

³⁶ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 27 декабря 1962 г. № 214 «О признании утратившими силу решений ЦК КПСС и Правительства СССР в связи с принятием новых уголовных, уголовно-процессуальных законов и законов о судостроительстве Союза ССР и союзных республик» // СП СССР. 1962. №4, ст. 28.

данного этапа без дробления на подфазы обусловлена целостностью управленческой модели, единством идеологических установок и высокой степенью систематизации законодательства, охватывающей период с конца 1950-х – начала 1960-х годов до середины 1980-х.

Ограничения прав и свобод в этот период характеризовались комплексной регламентацией, затрагивавшей имущественные отношения, информационную сферу и свободу передвижения. Устанавливались пределы реализации имущественных прав, действовала разветвленная система цензуры, сохранялся запрет на свободный выезд граждан за пределы страны. Все указанные ограничения имели выраженную идеологическую обусловленность: отклонение от господствующей доктрины квалифицировалось как диссидентство и могло повлечь меры государственного принуждения. Принципиальной особенностью законодательства данного времени являлось отсутствие формализованного понятия ограничений прав и свобод: сам термин практически не использовался в нормативном обороте и в Конституции СССР 1977 года упоминался лишь в негативном контексте как синоним «ущемления»³⁷, что подчеркивало декларативность провозглашенных правовых гарантий и их зависимость от политико-идеологических приоритетов государства.

Современный этап эволюции правовых ограничений формируется под воздействием качественно новых вызовов, адресованных как государству, так и обществу в целом. С нормативно-декларативной точки зрения он опирается на конституционные установки Российской Федерации, ориентированные на утверждение принципов правового государства, признание приоритета прав и свобод человека и гражданина, включенность в международное правовое пространство, а также на задачу сохранения историко-культурного наследия. В рамках данной модели права и свободы личности формально провозглашаются высшей ценностью, призванной определять пределы и содержание государственной деятельности.

---

³⁷ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята ВС СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. ст. 617.

Вместе с тем реализация нормативно закрепленных правовых идеалов осуществляется в неоднородных социально-экономических условиях, что усложняет их прямое воплощение. Различия в ресурсных возможностях территорий, динамика общественных ожиданий и наличие рисков общественной безопасности могут обуславливать вариативность управленческих решений и способов правового обеспечения публичных интересов. В результате в отдельных сферах возникает напряжение между ценностными ориентирами, закрепленными в праве, и механизмами их практической реализации.

В таких условиях возрастает роль правовых ограничений как юридического средства согласования индивидуальных прав и публичных интересов при обеспечении стабильности правопорядка. Ограничительные конструкции применяются не только как исключение, но и как инструмент нормативного оформления управленческих решений в ситуациях, требующих усиления режима дисциплины, безопасности и контроля. Это актуализирует необходимость строгой процедурной регламентации, проверки соразмерности и поддержания правовой определенности при установлении и применении ограничений.

Историко-правовой анализ демонстрирует, что каждый этап отечественного государственно-правового развития сопровождался специфическим набором ограничительных механизмов: от сословно-имущественных регуляторов Русской Правды до идеологически мотивированных и чрезвычайных практик XX века. Очевидно, что многообразие форм, целей и последствий таких мер не сводится лишь к их историческому контексту, напротив, оно отражает универсальные закономерности взаимодействия государства, общества и личности. В этой связи представляется обоснованным обратиться к методологическому инструментарию современной теории права, выделив в качестве исходного этапа концептуализацию исследуемого явления – уточнение понятийного аппарата и выработку критериев разграничения правовых ограничений, запретов и обязанностей. Одновременно требуется аксиологический анализ ограничительных норм, позволяющий выявить их целевые и ценностные основания, а также параметры легитимации и соразмерности соответствующих

предписаний. Данное методологическое построение обеспечивают систематизацию историко-правового материала и формируют теоретические предпосылки для последующей оценки действующего регулирования и разработки научно обоснованных предложений по его совершенствованию.

Правовые ограничения занимают важное место в системе права, выполняя ключевую функцию поддержания баланса между интересами общества, государства и отдельных лиц. Ограничения служат важным средством правового воздействия, создавая условия для защиты и реализации правомерных интересов. Без их установления и применения невозможно обеспечить устойчивость правопорядка, так как они направлены на предотвращение активности субъектов, способной затруднить или исключить реализацию охраняемых законом интересов других участников общественных отношений. Правовые ограничения в полной мере необходимо анализировать с позиции ценностей права³⁸.

Понимание роли ограничений в механизме действия права имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет выявить общие закономерности функционирования права как социального регулятора, а также раскрыть особенности его применения в условиях современных вызовов

---

³⁸ Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Философия права Ф. М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 9. С. 168–181.; Виноградова Е. В. Грани современного российского конституционализма: монография / Ин-т гос-ва и права РАН. М.: РИТМ, 2021. С. 130–163.; Жуков В. Н. Право как ценность // Государство и право. 2010. № 1. С. 21–34.; Жуков В. Н. Россия и Запад: ценности, политика, право: монография. М.: Юнити-Дана, 2025. 840 с.; Захарцев С. И., Сальников В. П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 17–31.; Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 8; Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3–14.; Клименко А. И. Рассмотрение права в ценностном ракурсе с позиций социологической общеправовой теории: идеи, значение, потенциал // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 309–323.; Петров А. В., Жичкина С. Е. Справедливость как критерий ценности права // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 40–47.; Право. Порядок. Ценности: монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Блок-Принт, 2022. 688 с.; Сергеева Т. Н. Ценность права и его влияние на благополучие человека // Теория государства и права. 2024. № 3-2(40). С. 174–177.; Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2025. С. 153–188.

и изменений. Исследование сущности, назначения и эффективности правовых ограничений дает возможность не только глубже понять механизм правового регулирования, но и выработать подходы к его совершенствованию.

Ключевые признаки правового государства, охватывающие принципы верховенства закона, разграничение ветвей власти и взаимную ответственность личности и государства, неизбежно предполагают введение определенных правовых ограничений³⁹. При отсутствии действенных механизмов такого сдерживания государственная власть рискует превратиться в неконтролируемую структуру, утрачивающую свою исходную миссию по обеспечению интересов граждан и общества в целом. Для решения этой проблемы требуется комплексные меры, включая детальный анализ и пересмотр существующих правовых норм и принципов, чтобы сформировать сбалансированную правовую систему, способную оперативно отвечать на вызовы современности и одновременно защищать основные права и свободы граждан⁴⁰.

³⁹ Боер В. М., Городинец Ф. М., Григонис Э. П., Сальников М. В., Янгол Н. Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: науч. изд. / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Алетейя, 1999. 256 с.; Захарцев С. И., Лежнева О. Ю., Сальников В. П., Чабукиани О. А. Справедливая судебная власть как гарант правового государства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2021. № 4. С. 26–34; Мазурин С. Ф., Сальников М. В. Правовое и социальное государство в славянских странах: может ли оно отличаться от европейских? // Мир политики и социологии. 2019. № 5. С. 78–91; Раянов Ф. М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 320 с.; Сальников В. П. От права к правовому государству // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 1(51). С. 12–15; Сальников В. П., Ромашов Р. А., Сальников М. В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2002. № 3(15). С. 3–14; Сальников В. П., Сальников М. В., Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3(41). С. 16–22.

⁴⁰ Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Право, свобода, закон. Контрфорс // Образование и право. 2021. № 9. С. 30–35.; Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 399 с.; Права человека и правовое социальное государство в России: монография / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 400 с.; Сальников В. П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 9. С. 6–15.; Трансформация прав человека в современном мире: монография / отв. ред. А. Н. Савенков. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 256 с.; Цивилизационные аспекты проблемы прав человека (К 75-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): сб. ст. X Общерос. годового собр. теоретиков права (г. Москва, 22 февр. 2023 г., Центр. дом ученых) / [Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. И. Ковлер и др.]; редкол.: В. В. Лазарев (ред.) [и др.]. М.: Ин-т законодательства и

До настоящего времени в правовой науке отсутствует единая концепция интерпретации правовых ограничений, что существенно осложняет процесс развития отраслевого законодательства, которое в свою очередь несет ключевую функцию в регулировании общественных отношений, связанных с конкретными правовыми сферами.

Термин «ограничение» широко используется в различных областях знаний и характеризуется схожими, но несколько различными оттенками значений в зависимости от контекста. В большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова ограничение определяется как действие, связанное с установлением границ, рамок или условий, регулирующих определенные явления или процессы⁴¹. Согласно толковому словарю русского языка под редакцией С.И. Ожегова, ограничение – это, во-первых, действие, связанное с введением границ или условий, а во-вторых, конкретное правило, регулирующее действия субъектов, например, «отмена ограничений»⁴². В толковом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой понятие ограничений рассматривается как процесс и результат установления пределов⁴³. Наконец, в толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева понятие ограничений определяется как действие, направленное на сокращение или уменьшение чего-либо, а также как система правил, устанавливающих допустимые границы поведения или деятельности⁴⁴. Анализ различных определений показывает, что ограничение рассматривается преимущественно в двух аспектах: как процесс введения пределов, границ или норм, направленных на регулирование определенных явлений и как результат действия, выражающийся в установленных правилах, нормах или условиях.

В научном обороте параллельно используются понятия «правовые ограничения» и «ограничения в праве», что указывает на необходимость четкого

сравнит. правоведения при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2024. 208 с.

⁴¹ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [А–Я]. СПб.: Норинт, 2004. С. 698.

⁴² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2024. С. 671.

⁴³ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Т.2. М.: АСТ, 2011. 973 с.

⁴⁴ Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2003. 1582 с.

выяснения их взаимного соотношения и связей. Ю.Н. Андреев полагает, что «правовые ограничения и «ограничения в праве не тождественны друг другу. Первое понятие, обладая более широким содержанием, следует рассматривать наряду с другими типами ограничений – нравственными, религиозными, физическими и так далее. Соответственно, если речь идет о конкретных ограничениях в отдельной правовой отрасли или о нормативах, установленных законом, судебными инстанциями или договоренностями, то уместнее говорить именно об ограничениях в праве»⁴⁵.

В этой позиции чувствуется ориентация на синкретизм современной правовой культуры. Профессор Ф.Х. Галиев обосновал данную ситуацию с позиций влияния на поведение людей всей совокупности социальных регуляторов (морали, обычаев, корпоративных правил, религиозных таинств и т.д.). Так, он пишет: «В современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей»⁴⁶.

По нашему мнению, следует учитывать различие между «правовыми ограничениями» и «ограничением прав», поскольку последнее имеет более узкую сферу применения, касаясь непосредственно субъективных прав и свобод человека и гражданина. Ограничение прав, как правило, подразумевает сужение или сокращение объема субъективных прав участников правоотношений. Скажем, такие ограничения могут быть связаны с уголовно-процессуальной

---

⁴⁵ Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. Монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 400 с.

⁴⁶ Галиев Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12.

деятельностью⁴⁷ или оперативно-розыскной деятельностью⁴⁸, что порой предполагает принятие по этому поводу судебного решения. Может идти речь об ограничении прав граждан при чрезвычайных ситуациях, при введении военного положения либо в период действия иных особых правовых режимов⁴⁹.

Дополнительные сложности вызывает необходимость разграничения правовых ограничений с иными смежными категориями юридической науки, прежде всего с правовыми запретами. Несмотря на схожесть в механизмах воздействия, эти понятия имеют различную нормативную направленность. Правовые запреты исключают возможность совершения определенных действий, тогда как правовые ограничения создают условия, при которых реализация субъективных прав возможна лишь в установленных законом пределах.

---

⁴⁷ Кондрат И. Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. 2011. № 3. С. 38–44.; Кондрат И. Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 10. С. 139–152.

⁴⁸ Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. 2006. № 5. С. 31–32.; Захарцев С. И., Сальников В. П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: матер. междунар. науч.-теорет. конф. Душанбе: Ирфон, 2014. С. 84–89.; Захарцев С. И., Сальников В. П., Кирюшкина Н. О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конф. по конституц. праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. / под общ. ред. А. А. Ливеровского, В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», СПбГЭУ, 2017. С. 127–138.

⁴⁹ Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2005. 464 с.; Каюми Т. Ограничение гражданских прав в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства в период введения военного положения // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности: сб. ст. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 147–153.; Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации: конституционные основы и законодательное регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77). С. 50–54.; Потапов Ю. А. Ограничения прав человека в период действия особых правовых режимов // Образование и право. 2019. № 8. С. 101–107.; Сальников М. В., Реуф В. М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: матер. междунар. науч.-теорет. конф. Душанбе: Ирфон, 2014. С. 160–164.

Тем не менее, в правовой доктрине до сих пор отсутствуют универсальные критерии для четкого различения этих явлений, что порождает неопределенность при их правоприменении.

В исследованиях Т.Н. Радько, предпринималась попытка комплексного анализа правовых запретов, в ходе которых выделено несколько существенных признаков: «во-первых, в отличие от многочисленных норм, ориентированных на позитивное поведение, правовой запрет выражает безусловное осуждение государством возможного правонарушения; во-вторых, он может быть осмыслен как своего рода юридическая обязанность участников общественных отношений, обязанных воздерживаться от деяний, идущих вразрез с интересами общества; в-третьих, подобный запрет дает возможность охватить широкий спектр вариантов нежелательного для государства и общества поведения»⁵⁰. Отметим, что данные характеристики, определение объектов запрещающей нормы и роль в регуляции отношений, в дальнейшем были использованы другими исследователями при анализе правовых запретов в различных областях права.

В ходе исследования правовых запретов С.С. Алексеев обращает особое внимание на их «функциональную роль в укреплении правопорядка, за счет чего закрепляются общественные отношения, определяются ключевые аспекты государственной и гражданской дисциплины, непреложный минимум нравственных требований, а также очерчиваются границы допустимого и недопустимого в действиях граждан и государственных органов»⁵¹. Подобное определение подчеркивает правоохранный характер правовых запретов и их ориентированность на ограничение субъектов, как граждан, так и власти в рамках правомерного поведения.

Продолжение вышеупомянутой идеи обнаруживается у З.Д. Ивановой, которая подчеркивает вклад правовых запретов в «укрепление правопорядка через зафиксированный в норме призыв не совершать действий, нежелательных для

---

⁵⁰ Радько Т. Н. О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1969. № 1. С. 88.

⁵¹ Алексеев С. С. Правовые запреты в структуре советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1973. № 5. С. 43.

государства, указывая на внешнее выражение правового запрета, проявляющееся в пассивной обязанности воздерживаться от поведения, которое государство и считает нежелательным»⁵².

Аналогичную особенность правовых запретов отмечает и А.Г. Братко, рассматривающий их как «государственно-властные предписания, главной целью которых становится предотвращение возможных действий, наносящих ущерб общественным интересам»⁵³. Н.Н. Рыбушкин также указывает на роль правовых запретов как «инструмента устранения вредоносных общественных отношений, утверждая, что к ним прибегают в ситуациях, когда наблюдается либо прогнозируется определенная антисоциальная тенденция, которую необходимо пресечь при помощи запрещающих норм»⁵⁴.

Схожую трактовку правовых запретов предлагают А.В. Малько и М.М. Султыгов. Так, с точки зрения А.В. Малько, «запреты представляют собой государственно-властные сдерживающие средства, которые под угрозой ответственности должны предотвращать возможные нежелательные, противоправные деяния, причиняющие вред как личным, так и общественным интересам»⁵⁵. По мнению М.М. Султыгова, «правовые запреты – это такие юридические средства, с помощью которых обозначаются пределы правовой свободы индивида и в то же время ограничиваются возможности вмешательства государства в сферу субъективных прав и свобод»⁵⁶.

Нетрудно увидеть, что во всех указанных случаях речь идет о необходимости предотвращения противоправного поведения личности. Направлено оно на профилактику правонарушений и обеспечение правомерного

---

⁵² Иванова З. Д. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования // Советское государство и право. 1975. № 11. С. 108.

⁵³ Братко А. Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 17.

⁵⁴ Рыбушкин Н. Н. Реализация запрещающих норм советского общенародного права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1986. С. 31.

⁵⁵ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (Теоретико-информационный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. С. 95.

⁵⁶ Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 25.

поведения субъектов правоотношений⁵⁷.

Ф.Н. Фаткуллин практически приравнивает понятия «ограничение» и «запрет», отмечая, что «ограничение близко к запрету, но рассчитано не на полное вытеснение какого-либо общественного отношения, а на его сохранение в жестко очерченных границах»⁵⁸. По сути, автор трактует ограничение как запрет, не реализованный в полной мере.

Н.М. Семенюта определяет ограничение как «вспомогательный способ правового воздействия, с помощью которого устанавливаются исключения (изъятия) из конкретного запрета или дозволения»⁵⁹. Впрочем, автор не приводит убедительных доводов, которые подтвердили бы тезис о вторичном характере ограничений по отношению к запретам.

Таким образом, правовые запреты представляют собой императивные предписания, направленные на предотвращение правонарушений и защиту общественного порядка. Они являются неотъемлемым элементом правового регулирования, формируя границы допустимого поведения субъектов. Запрещающие нормы выступают инструментом государственной власти, позволяя формировать нормативную основу общественных отношений. Их обязательность обеспечивает устойчивость правовой системы и дисциплину субъектов права. Правовые запреты сочетают в себе как карательную, так и превентивную функции. Они не только фиксируют недопустимость определенных действий, но и ориентируют субъектов права на соблюдение установленного порядка.

В отличие от жестких ограничений, запреты могут быть абсолютными (полностью исключаящими возможность совершения действия) или

---

⁵⁷ Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Профилактика преступности: от концепта к конструкту // *Юридическая наука: история и современность*. 2023. № 3. С. 111–119.; Никодимов И. Ю. Комплексные меры профилактики экстремизма и терроризма как одна из функций государства // *Мир политики и социологии*. 2016. № 4. С. 143–151.; Петровский А. В. Институционно-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2024. 597 с.; Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // *Защита и безопасность*. 2020. № 4(95). С. 30–31.; Яковлева М. А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. 23 с.

⁵⁸ Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987. С. 127.

⁵⁹ Семенюта Н. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 11.

относительными (допускающими исключения или применение при определенных условиях). Это делает их эффективным инструментом регулирования.

Несмотря на их значимость, чрезмерное использование запретов может привести к правовому нигилизму и снижению эффективности нормативного регулирования. Оптимальной стратегией является их сочетание с позитивными правовыми механизмами, обеспечивающими баланс между запретами и мерами стимулирования правомерного поведения.

Эти выводы подчеркивают значимость правовых запретов как инструмента правового регулирования, а также их функциональную многогранность и необходимость рационального применения в современных правовых системах, то есть как ценностей права.

В научной литературе высказывается и альтернативная позиция, согласно которой правовое ограничение следует рассматривать как более широкое понятие по отношению к правовому запрету. В рамках данного подхода подчеркивается, что правовой запрет представляет собой лишь одну из форм выражения ограничительного воздействия права, тогда как само правовое ограничение охватывает более широкий спектр юридических средств и механизмов. Иными словами, каждый запрет по своей природе выступает разновидностью правового ограничения, однако далеко не всякое ограничение в правовой сфере редуцируется к запретительной модели, поскольку может реализовываться посредством обязанностей, условий, процедурных барьеров и иных нормативных конструкций, не сводимых к прямому запрещению поведения. Так, по мнению Н.М. Приходько, правовые ограничения представляют собой «способ удерживать субъекта права в определенных рамках для поддержания порядка в общественных отношениях и обеспечения интересов противоположной стороны, выделяя при этом следующие формы правовых ограничений: запрет, приостановление, возложение обязанностей, умаление прав, установление пределов, лимитов, цензов, наказаний, принудительных и пресекающих мер, а также изъятий»⁶⁰.

---

⁶⁰ Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 18.

А.А. Подмарев дает еще более расширенное толкование способов ограничения, включив в их перечень: «1) абсолютный запрет, который означает полное запрещение осуществлять определенное право или свободу; 2) относительный запрет, предполагающий запрет на конкретные формы реализации прав и свобод путем определения границ поведения; 3) вмешательство государственных органов в права и свободы (характеризующееся активными действиями власти и пассивным поведением граждан); 4) обязанности; 5) ответственность»⁶¹.

С одной стороны, расширенное толкование категории «правовые ограничения» действительно способствует более детальному исследованию механизмов правового регулирования, позволяя выявить скрытые аспекты их функционирования и влияние на правоприменительную практику. Такой подход создает условия для более комплексного понимания динамики правовых отношений. Однако, с другой стороны, столь широкая трактовка несет в себе и определенные риски, связанные с возможностью размывания границ понятийного аппарата.

Строгое соблюдение логических конструкций и терминологической точности является необходимым условием обеспечения научной корректности и правовой определенности. Произвольное смешение смежных категорий, таких как правовые ограничения и правовые запреты, способно привести к терминологической неопределенности, усложняя процесс интерпретации норм права и их практического применения. Баланс между глубиной анализа и методологической строгостью должен оставаться ключевым ориентиром в исследовании данной категории, что требует дальнейшей систематизации научных подходов и уточнения дефиниций.

Попытки отождествления правовых ограничений с юридическими обязанностями, запретами или мерами ответственности требуют особенно внимательного подхода. Несмотря на тесную взаимосвязь этих правовых

---

⁶¹ Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 29.

категорий, их объединение под единым понятийным аппаратом может привести к размыванию границ между ними. Правовые ограничения, в отличие от обязанностей и запретов, представляют собой инструменты, направленные на сдерживание активности субъектов права для достижения баланса интересов и обеспечения защиты правопорядка. В то время как юридические обязанности концентрируются на необходимости исполнения установленных норм, а ответственность реализуется в ответ на нарушение таких норм, ограничения имеют более широкую функциональную нагрузку и касаются профилактики нежелательного поведения.

В контексте анализа соотношения ограничений, запретов и позитивных обязываний, ограничение можно рассматривать как процесс, через который реализуются эти механизмы, или как результат их воздействия. Ограничения обладают гибкостью в своей реализации и могут быть применены в различных формах в зависимости от целей правового регулирования и особенностей конкретной ситуации.

Одной из форм проявления ограничений является временное изменение объема субъективного права. Это может выражаться в частичном его умалении, полном лишении права или приостановлении его действия. Такие меры, как правило, используются для достижения правового баланса в условиях, когда реализация субъективного права одного лица может нарушить права и законные интересы других субъектов. Кроме того, ограничения могут проявляться в установлении конкретных запретов, позитивных обязанностей, лимитов, цензов или других формальных рамок, которые сужают поле допустимого поведения субъектов.

Дополнительно, реализация ограничений может включать меры принуждения или наказания, которые служат как сдерживающим фактором, так и способом восстановления нарушенного правопорядка. Эти механизмы обеспечивают не только соблюдение правовых ограничений, но и усиление их превентивной функции, предотвращая возможные правонарушения. Правовое ограничение, выступая в качестве инструмента правового регулирования, тесно

связано с запретами, обязанностями и санкциями, дополняя их и усиливая их эффективность. Оно не только ограничивает свободу действия, но и обеспечивает устойчивость правовой системы, способствуя гармонизации интересов всех участников правовых отношений⁶².

Таким образом, правовые ограничения выступают неотъемлемым элементом механизма правового регулирования, обеспечивающим баланс между интересами государства, общества и личности. Их функциональная природа позволяет устанавливать границы допустимого поведения, предотвращая возможные нарушения правопорядка и способствуя защите законных интересов субъектов права. Их следует отнести к ценностям права. В то же время отсутствие единой концепции правовых ограничений в юридической науке затрудняет их системное понимание и практическое применение, что обуславливает необходимость дальнейшей научной рефлексии.

Дальнейшее исследование данной проблематики должно быть направлено на разработку универсальных критериев разграничения правовых ограничений, запретов и обязанностей, что позволит повысить уровень правовой определенности и правоприменительной практики. Кроме того, в условиях цифровизации и трансформации правовых систем⁶³ требуется комплексный пересмотр традиционных подходов к ограничениям, адаптация их к новым вызовам, включая регулирование цифровых технологий и информационных отношений.

---

⁶² Бутов С. В. Правовые стимулы и ограничения в правовом регулировании: историко-теоретический анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4(47). С. 12.

⁶³ Анищенко В. Н., Выборный А. Н., Хабибулин А. Г. Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика). М., 2024. 376 с.; Галиев Ф. Х., Гутман М. Ю., Исмагилов Р. Ф. К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации // Теория государства и права. 2023. № 4-1(34). С. 96–104.; Ивлиев П. В., Крижановская Г. Н. Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития // Теория государства и права. 2023. № 4(33). С. 127–131.; Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналит. докл. / И. М. Рагимов, С. Н. Бабурин, Ю. В. Голик, Ю. И. Дук, А. И. Коробеев. СПб., 2019. 344 с.

1.2. Правовые стимулы: генезис и теоретико-правовая характеристика⁶⁴

Современная динамика правового регулирования характеризуется поиском сбалансированного соотношения принудительных и позитивно направленных юридических средств. В этой связи возрастает значение правовых стимулов как инструментов формирования и поддержания правомерного поведения и устойчивой правовой активности субъектов. Это обстоятельство обусловило развитие концепций «правовых стимулов» и «правового стимулирования», ориентированных на описание механизмов достижения социально значимых результатов средствами права. Вместе с тем доктринальный подход к правовым стимулам остается неоднородным: отсутствует единая дефиниция, а нормативное закрепление и содержание стимулов варьируются в зависимости от отраслевого контекста.

В механизме правового регулирования правовое стимулирование выступает особым способом правового воздействия, ориентированным на формирование добровольной правомерной активности и поддержание позитивной мотивации субъектов. В отличие от преимущественно санкционного (охранительного) воздействия стимулирующие средства не сводятся к реакции на правонарушение, а направлены на формирование и поддержание социально полезных моделей поведения. При этом стимулирование не исключает принудительных начал регулирования, а функционально дополняет их, смещая акцент с «реакции на нарушение» на создание юридически оформленной заинтересованности в соблюдении предписаний.

Необходимость обращения к правовому стимулированию обусловлена потребностью государства и общества в устойчивой социально полезной

---

⁶⁴ Положения настоящего параграфа находят свое отражение в следующих публикациях автора: Аврамов С. О. Правовые стимулы в системе социального управления: историко-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 1(30). С. 23-32.; Аврамов С. О. Правовые стимулы и правовое стимулирование: теоретико-правовые аспекты и практика применения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2(31). С. 12-19.

активности субъектов. В целях последующей концептуализации рассматриваемого явления представляется целесообразным обратиться к этимологическому анализу термина «стимул», позволяющему точнее обозначить исходный смысл побудительного воздействия, лежащего в основе правового стимулирования.

Термин «стимул» происходит от латинского «stimulus» – заостренная палка, первоначально обозначавшая средство управления движением животных. В современном значении стимул понимается как фактор, побуждающий к деятельности, создающий благоприятные условия для развития⁶⁵. В психологии стимул рассматривается как раздражитель, вызывающий определенную реакцию⁶⁶.

В юридическом контексте правовые стимулы представляют собой механизмы побуждения субъектов к правомерному поведению, направленные на достижение значимых социальных и государственных целей. Их суть заключается в формировании заинтересованности в соблюдении правовых норм путем предоставления дополнительных возможностей, преимуществ и гарантий.

Таким образом, правовые стимулы могут быть охарактеризованы как целенаправленные юридические средства правового воздействия, направленные на формирование и поддержание правомерного поведения субъектов. Реализуясь через создание правовых условий заинтересованности, они опосредованно воздействуют на мотивационную сферу личности, повышая вероятность добровольного соблюдения норм права

В доктринальной плоскости представляется обоснованным подход, связывающий стимулы с опосредованным воздействием внешних правовых условий на внутренние побуждения личности. Так, В.М. Ведяхин отмечает, что «стимулы связаны с использованием целенаправленных средств и методов

---

⁶⁵ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М., 1940. Т. 4. Стб. 518.

⁶⁶ Большой психологический словарь / ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ, 2009. С. 478.

воздействия внешней среды на внутренние побуждения человека»⁶⁷. Правовое стимулирование позволяет выстраивать такие режимы правового регулирования, при которых мотивационные основания правомерного поведения получают юридическую поддержку, а выполнение предписаний воспринимается адресатом как рационально предпочтительный вариант.

Важный пласт теоретического осмысления стимулов связан с западноевропейской политико-правовой мыслью, где идея сочетания поощрений и санкций рассматривалась как инструмент управления поведением. Одним из первых мыслителей, обративших внимание на позитивное влияние правостимулирующих средств, является И. Бентам – английский философ и юрист, основатель утилитаризма. В трактате «Теория наказаний и наград» он связывает регулятивный потенциал права с принципом наибольшего счастья (ориентацией закона на максимизацию общественного благополучия) и принципом психологического гедонизма (стремлением людей к удовольствию и избеганию страданий)⁶⁸. Бентам подчеркивал, что законы должны учитывать мотивацию людей, сочетая награды и наказания таким образом, чтобы побуждать к правомерному поведению, согласуемому с общественными интересами. Его идеи о сочетании наказания и поощрения как ключевых инструментов правового регулирования получили развитие во французской правовой мысли. Р. Грассери подчеркивал, что для эффективного управления обществом необходимо не только наказывать за преступления, но и поощрять добродетель, в том числе героизм и общественно значимые поступки⁶⁹.

Итальянский философ, историк и политолог Н.Боббио, подчеркивал, что «ключевой новацией в системе юридического контроля является не рост числа команд и предписаний, а расширение системы стимулов к их добровольному

---

⁶⁷ Ведяхин В.М. Правовые стимулы: понятие, виды // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 1. С. 50.

⁶⁸ Избранные сочинения Иеремии Бентама. Т. 1: Введение в основание нравственности и законодательства: Основные начала уголовного кодекса / пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А. Н. Пыпина и А. Н. Неведомского; с предисл. Ю. Г. Жуковского. СПб., 1867. 678 с.

⁶⁹ Р. де Ла Грассери Психология религий / пер. с фр. В. И. Писаревой. СПб., 1901. 330 с.

выполнении»⁷⁰. Этот подход отражает смену акцента в правовом регулировании: вместо усиления административного давления приоритет отдается созданию условий, при которых субъекты сами заинтересованы в соблюдении правовых норм.

Перенос указанной проблематики в плоскость отечественной правовой традиции требует историко-правовой реконструкции – прежде всего потому, что стимулирующее воздействие в праве неизбежно опирается на ценностные основания и представления о допустимых формах влияния государства на поведение личности. В этой связи показательно обращение к ранним текстам русской политико-правовой мысли. Так, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI век) фиксирует предпочтение побуждающего воздействия карательному, утверждая, что воздействие через милосердие и одобрение воспринимается более действенным, чем суровое наказание⁷¹.

Данный подход отражает фундаментальный принцип правового стимулирования – создание условий, при которых правомерное поведение становится более привлекательным, чем нарушение норм. Такое поведение будет ориентировано на нормы права, прежде всего, как на высшую ценность. В этом случае, следуя нормам права, человек включается в систему необходимых социальных ограничений, но при этом сохраняет свою свободу и достоинство. Удачно писали об этом петербургские философы права: «Свободный человек относится к праву как к «своему иному», воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость задается ему основаниями, несравненно более высокими, чем плоский прагматизм или страх перед силой государства»⁷². Милосердие в данном контексте можно рассматривать как метод

---

⁷⁰ Боббио Н. От структуры к функции. Новые исследования в теории права. // Право XX века: Идеи и ценности. отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2001. С. 131.

⁷¹ Слово о Законе и Благодати / предисл. митрополита Иоанна (Снычева); сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011. 176 с.

⁷² Захарцев С. И. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 323.

правового воздействия, противоположный принуждению.

А.Н. Радищев, рассматривая механизмы правового воздействия, выделял три группы правовых средств: воспретительные (запреты), побуждающие (стимулы) и предупреждающие (профилактика)⁷³. В этом классификационном подходе побуждающие меры можно рассматривать как предшественников современных правовых стимулов, поскольку они направлены на мотивирование граждан к правомерному поведению через предоставление определенных возможностей и благ.

П.А. Сорокин, исследуя социологические и правовые аспекты поощрения и наказания, утверждал, что «если уголовное право регулирует преступление и наказание, то наградное право должно содержать учение о подвиге и награде»⁷⁴. В его трактовке награждение представляет собой реакцию общества и государства на особые заслуги, выраженные в социально значимых и одобряемых действиях, а позитивная мотивация и общественное признание играют ключевую роль в формировании желаемого правомерного поведения. В современных правовых системах награды и поощрения продолжают выполнять эту функцию, выступая важным элементом механизма правового стимулирования.

Данный подход был поддержан и другими дореволюционными российскими учеными. Так, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев и другие исследовали механизмы правового воздействия, рассматривая стимулирующие меры как альтернативу жестким карательным методам⁷⁵. Их труды представляют значительный интерес для современной науки, поскольку позволяют восстановить историческую преемственность правовых идей, во многом утраченную в советский период. Именно эти идеи должны составить

---

⁷³ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения [К 150-летию со дня смерти. 1802–1952] / Под общ. ред. и со вступ. ст. И.Я. Щипанова. М.: Политиздат, 1952. С. 460.

⁷⁴ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / с предисл. М. М. Ковалевского. СПб., 1914. С. 103.

⁷⁵ Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / сост. и коммент. В. В. Сапова. М., 1999. 464 с.; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. 640 с.; Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998. С. 53–56.

действительную основу суверенной философии права современной России⁷⁶. Традиция поощрения правомерного поведения имеет глубокие исторические корни, подтверждая, что стимулирующие механизмы играют не менее важную роль, чем ограничения и принуждение, в формировании эффективной системы права.

Важно отметить, что система правового стимулирования не является статичной – она развивается в зависимости от социальных, экономических и политических условий, адаптируясь к новым вызовам и задачам общества. Изменения экономических и политических условий неизбежно влияют на государственно-правовую систему, трансформируя представления общества о механизмах правового регулирования. Эволюция правовых стимулов во многом определяется этими изменениями, поскольку они отражают актуальные государственные приоритеты и общественные ценности.

Исторический опыт подтверждает, что смена власти сопровождается заметной трансформацией системы стимулирующих правовых механизмов, в частности – в сфере наградного права⁷⁷. После Октябрьской революции 1917 года наградная система Российской империи была полностью упразднена: отменены военные чины, титулы и ордена⁷⁸, включая орден Святого апостола Андрея Первозванного, учрежденный Петром I в 1699 году⁷⁹. В советский период была создана новая система государственных наград, ориентированная на идеологию СССР и отказ от имперского наследия. Лишь в 1998 году Указом Президента Российской Федерации орден Святого апостола Андрея Первозванного был восстановлен, символизируя преемственность российской

---

⁷⁶ Керимов А. Д., Масленников Д. В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 14–18.; Сальников В. П., Исмагилов Р. Ф., Масленников Д. В., Прокофьев К. Г. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. 2024. № 3(38). С. 196–211.

⁷⁷ Винокуров В. А. Наградное право России: учеб. пособие. СПб., 2015. 735 с.

⁷⁸ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН СССР. М., 1957. 640 с.

⁷⁹ Костина Н. Б., Ручкин А. В. Государственные награды как фактор социальной стратификации и мобильности // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. № 2(15). С. 212–222.

государственности⁸⁰. Этот пример наглядно демонстрирует, что наградная система, как элемент правового стимулирования, тесно связана с политическим устройством и идеологией государства, меняясь в зависимости от исторического контекста.

Эволюция правовых стимулов всегда находилась в прямой зависимости от базисных социально-экономических и политических условий. Их содержание и объем, так же как и меры принуждения, определяются сущностью государства и правовой системы на каждом этапе исторического развития. С усложнением общественных отношений появляются новые формы правовых стимулов, адаптированные к изменяющимся потребностям общества. Этот процесс необратим: чем выше уровень развития государства, тем шире сфера применения стимулирующих механизмов как альтернативы принуждению.

При этом, несмотря на трансформацию правовых систем, человеческая природа остается неизменной. Исторический опыт подтверждает, что правовые стимулы во все времена апеллировали к основным мотивационным механизмам личности, влияя на поведение людей через систему поощрений, привилегий и иных стимулирующих мер, закрепленных в нормах права⁸¹. Уже в Древней Руси стимулирующие меры использовались наряду с наказаниями, о чем свидетельствуют нормы «Русской правды». Правда и закон в Древней Руси считались неразделимыми⁸². В частности, за возвращение беглого холопа предусматривалось вознаграждение, что являлось ранним примером правового стимула⁸³.

Впоследствии стимулирующие меры закреплялись в законодательных актах разных эпох. Судебник Ивана IV 1497 года предусматривал освобождение

⁸⁰ Указ Президента РФ от 1 июля 1998 г. № 757 «О восстановлении ордена Святого апостола Андрея Первозванного» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3151.

⁸¹ Провалинский Д. И. Гранты в системе правовых стимулов: общетеоретический и сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2017. 184 с.

⁸² Правда Русская / под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940–1963. Т. 1: Тексты / подгот. к печати В. П. Любимов [и др.]. 1940. 506 с.; Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. 176 с.; Ячменев Ю. В. Правда и закон. Из истории российского правоведения: монография. СПб., 2001. 445 с.

⁸³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 124.

от холопства как форму поощрения. Соборное уложение 1649 года стимулировало помещиков к розыску бесхозных земель, обещая передавать их в собственность заявителям. В XVII веке вознаграждением за военную службу могло стать освобождение из крепостного состояния или предоставление земельных наделов. С XVIII века термин «награда» вошел в официальное обращение, а государственные поощрения приобрели системный характер⁸⁴. В 1882 году был принят Свод учреждения государственных наград, формализовавший систему награждений, наряду с которым широко использовались и неофициальные формы поощрений, такие как денежные выплаты, пожалование оружия и драгоценностей⁸⁵.

Значимым примером правового стимулирования в дореволюционной России выступает Столыпинская аграрная реформа 1906 г., включавшая комплекс мер, ориентированных на решение аграрного вопроса и развитие сельского хозяйства⁸⁶. Основные меры реформы включали: закрепление частной собственности крестьян вместо общинного владения, ликвидацию сословных ограничений, препятствующих хозяйственной деятельности, поощрение покупки земель через льготное кредитование Крестьянским поземельным банком, финансовую поддержку сельского хозяйства, включая кредиты и субсидии, развитие кооперативного движения, содействие объединению крестьян. Реформа создала правовые условия, укреплявшие крестьянское хозяйство и формировавшие экономически значимые стимулы к более эффективному землепользованию, что отразилось на последующей эволюции отечественных стимулирующих механизмов.

В советский период правовое стимулирование развивалось в рамках

---

⁸⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3: Акты Земского Собора / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. С. 88.; Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2 / сост.: К. И. Батыр, С. Ю. Седаков, Т. П. Филипова; под ред. Е. В. Поликарпова. М., 1996. С. 27.

⁸⁵ Замысловский Е. Е., Петров И. И. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статуты: репр. воспр. изд. 1891 г. М., 2008. 534 с.

⁸⁶ Провалинский Д. И. Историко-правовые аспекты в исследовании правовых стимулов // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 10 авг. 2015 г. Ростов н/Д., 2015. Вып. II. С. 8–15.

командно-административной модели, в которой нормативное регулирование в значительной степени выражало публично-властные приоритеты и ограничивало пространство автономного усмотрения субъектов. В условиях доминирования директивных и обязательных предписаний мотивационный компонент правового воздействия нередко уступал место организационно-принудительным механизмам обеспечения исполнения. Вместе с тем стимулирующие меры сохраняли значение прежде всего в сфере трудового права: они использовались как средство повышения производительности труда, качества продукции и укрепления трудовой дисциплины, сочетаясь с мерами ответственности и дисциплинарного воздействия.

На современном этапе в российском праве оформляется система правового стимулирования, охватывающая широкий круг общественных отношений. В ходе эволюции правовые стимулы из разрозненных нормативных решений приобрели выраженный межотраслевой характер, получив закрепление как в сфере публично-правового, так и частноправового регулирования.

Расширение практики применения стимулирующих средств актуализировало необходимость их комплексного теоретико-правового анализа. Концептуализация правового стимулирования имеет принципиальное значение, поскольку позволяет определить пределы действия стимулов в системе права, выявить их регулятивный потенциал и уточнить роль стимулирующих норм в обеспечении устойчивости правопорядка. Кроме того, анализ стимулирующих конструкций дает возможность проследить, каким образом через правовую политику государства воспроизводятся публично значимые ориентиры, связанные с институциональной устойчивостью государственности и реализацией суверенных полномочий⁸⁷, а также с закреплением ценностных установок правового развития, формируемых в отечественной правовой традиции и отраженных в русской философии права⁸⁸.

---

⁸⁷ Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2024. С. 87–89.

⁸⁸ Бастрыкин А. И. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие

Проведенный анализ позволяет констатировать, что стимулирующие идеи и практики присутствуют в отечественной политико-правовой традиции с ранних этапов и в последующем получают институционализированное выражение в конкретных юридических формах – поощрениях, наградах, льготах и иных стимулирующих конструкциях. Вместе с тем историко-правовой анализ демонстрирует неоднозначное соотношение стимулирования и принуждения: в отдельные периоды доминировали ограничительно-охранительные механизмы, тогда как стимулирующие средства сохраняли вспомогательную либо преимущественно отраслевую направленность, изменяясь по содержанию и юридическим формам в зависимости от социально-политических условий. Тем самым исторический блок задает исходные ориентиры для последующего рассмотрения признаков, функций и механизмов действия правовых стимулов.

Концепция правового стимулирования разрабатывалась многими учеными, включая А.В. Малько, который определяет правовой стимул как «правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования»⁸⁹. Подобные определения встречаются и у других ученых, таких как В.М Баранов⁹⁰, С.В. Мирошник⁹¹, Е.Н. Лебедева⁹², О.В. Левин⁹³, которые рассматривают стимулы как средства, способствующие формированию социальной активности, повышению правосознания и укреплению правопорядка.

В результате, несмотря на то, что в юриспруденции сложились различные

философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников; вступ. слово проф. А. Александрова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2023. С. 302–321.; Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова; Ананских И. А., Виноградова Е. В., Грибов И. Н., Гутман М. Ю. [и др.]. СПб., 2022. 618 с.

⁸⁹ Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие. 5-е изд., испр. и доп. М., 2022. С. 228.

⁹⁰ Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. 148 с.

⁹¹ Мирошник С. В. Теория правового стимулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. 40 с.

⁹² Лебедева Е. Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (Проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 207 с.

⁹³ Левин О. В. Стимулирование в праве: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2006. 173 с.

подходы к определению правового стимула, большинство авторов акцентируют внимание на его влиянии преимущественно на поведенческую реакцию физических лиц. В то же время правовые стимулы обладают универсальным характером и применяются не только в отношении граждан, но и юридических лиц в экономической и иных сферах деятельности, что требует выявления их общих признаков, актуальных для всех субъектов общественных отношений.

Среди таких признаков, раскрытых в работах Н.И. Матузова и А.В. Малько, можно выделить следующие:

- 1) создание благоприятных условий для реализации интересов личности через предоставление определенных ценностей либо снижение ограничений;
- 2) расширение объема прав и возможностей субъектов путем закрепления льгот, поощрений и иных форм стимулирующего воздействия;
- 3) позитивная правовая оценка деятельности, направленная на поддержку и поощрение правомерного поведения;
- 4) активизация правовой активности, способствующая формированию устойчивых моделей социально одобряемого поведения⁹⁴.

Развитие теоретических представлений о правовых стимулах требует уточнения их сущностных характеристик, позволяющих более полно раскрыть их правовую природу и функциональное значение. Прежде всего, правовые стимулы представляют собой инструмент воздействия, исходящий непосредственно от государства, что предопределяет их нормативное закрепление в правовой системе. Их содержание и применение неразрывно связаны с целями, которые государство формулирует в сфере регулирования общественных отношений, обеспечивая целенаправленное формирование желаемых поведенческих моделей.

Будучи механизмом правового побуждения, стимулы представляют собой процесс внешнего воздействия на мотивацию субъектов правоотношений, что делает их действенным инструментом. Они адресно направлены на определенные

---

⁹⁴ Матузов Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 5-е изд. М., 2022. С. 510.

группы субъектов, деятельность которых представляет особый интерес с точки зрения общественного блага и государственной политики. Важным их свойством является ориентация на достижение конкретного ожидаемого результата, однако его достижение предполагается исключительно правомерными способами, что отличает правовые стимулы от иных средств регулирования, допускающих элемент принуждения.

Кроме того, правовые стимулы создают условия для формирования заинтересованности субъектов в достижении целей, определенных государством, за счет предоставления дополнительных возможностей, преимуществ или благ. Их применение в правовой системе не только способствует поддержанию правопорядка, но и выполняет стратегическую функцию социального и экономического развития.

Правовое стимулирование основано не на принуждении субъекта к определенному социально активному поведению под угрозой негативных последствий, а на создании условий, при которых правомерные действия становятся наиболее рациональным и предпочтительным выбором. В рамках правоустановления субъект обладает свободой выбора, однако предоставленные стимулы формируют у него заинтересованность в совершении действий, соответствующих государственным и общественным интересам. При этом стимулирующее воздействие выгодно не только государству и обществу, которым необходимо поддержание определенных правовых моделей поведения, но и самому субъекту, получающему дополнительные возможности, льготы или иные положительные последствия.

Характерной чертой правовых стимулов является их зависимость от господствующих в конкретный исторический период представлений о социально значимых проблемах и способах их правового регулирования. Их применение основывается на принципах, отражающих актуальные общественные потребности и государственные приоритеты, что предопределяет динамичность их содержания и механизмов реализации.

В юридической науке сформировались два ключевых подхода к пониманию

правового стимула. Первый рассматривает его исключительно как позитивное средство правового воздействия, закрепленное в нормативных актах и направленное на побуждение субъектов к определенному поведению. Такой позиции придерживаются Р.З. Лившиц, В.И. Курилов, С.А. Иванов, А.Г. Бережнов, которые акцентируют внимание на стимулирующей функции права как механизма, ориентированного на поддержку и развитие желаемых форм социального поведения⁹⁵.

Альтернативный подход к правовым стимулам рассматривает их как синтетический механизм воздействия, включающий не только позитивные меры поощрения, но и элементы принуждения. Данная концепция находит поддержку у таких исследователей, как Ю.В. Голик, Б.Г. Прошкин, И.Э. Звечаровский, которые утверждают, что стимулирование невозможно без сочетания поощрительных и ограничительных мер, направленных на коррекцию поведения субъектов⁹⁶.

Тем не менее, наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой правовые стимулы следует рассматривать исключительно как позитивные средства правового воздействия. В отличие от принудительных механизмов, они формируют у субъекта заинтересованность в правомерном поведении, способствуя достижению результата, отвечающего государственным и общественным интересам. Как справедливо отмечает С.В. Мирошник, ключевая функция стимулов заключается не в предупреждении правонарушений через угрозу санкций, а в формировании устойчивой мотивации к эффективному и социально полезному поведению, что делает их важным инструментом развития правовой системы и общества в целом⁹⁷.

---

⁹⁵ Личность в советском трудовом праве / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц; отв. ред. С. А. Иванов. М., 1982. С. 40.; Курилов В. И. Личность. Труд. Право. М., 1989. С. 126; Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 24.

⁹⁶ Звечаровский И. Э. Стимулирование в праве: понятие и структурные элементы // Правоведение. 1993. № 5. С. 113.; Голик Ю. В., Прошкин Б. Г. Теоретические вопросы стимулирования поведения человека: социология и право // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1990. С. 5.

⁹⁷ Мирошник С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1997. С. 3.

В юриспруденции также разграничиваются понятия «правовые стимулы» и «правовое стимулирование». Правовые стимулы представляют собой конкретные правовые средства, побуждающие субъектов к правомерному поведению, в то время как правовое стимулирование охватывает более широкий процесс, включающий разработку, закрепление и реализацию таких стимулов в правовой системе.

По своей сути правовое стимулирование представляет собой систему нормативно закрепленных мер, ориентированных на поддержание правопорядка и формирование желаемых моделей поведения преимущественно посредством позитивно направленного воздействия, без опоры на принуждение как основной механизм. Его результативность связана с комплексным и последовательным характером реализации, предполагающим прохождение взаимосвязанных этапов: от правоустановления (закрепления стимулирующих норм в законодательстве) до правореализации, выражающейся в их практическом применении и достижении предусмотренных целей.

С.В. Мирошник утверждает, что «данный процесс состоит из следующих взаимосвязанных между собою этапов:

- 1) юридическое закрепление правовых стимулов в соответствующих нормативно-правовых актах;
- 2) доведение информации о правовых стимулах до субъектов правового стимулирования;
- 3) воздействие правовых стимулов на сознание и психику человека с целью установления мотивации правомерного поведения;
- 4) реализация юридических норм, закрепляющих правовой стимул;
- 5) юридическое признание заслуг лица»⁹⁸.

Предложенная С.В. Мирошник система этапов правостимулирующего процесса не представляется универсальной, поскольку содержит избыточное разграничение стадий. В частности, правоустановление охватывает не только

---

⁹⁸ Там же. С. 3.

принятие нормативно-правового акта, но и его опубликование и вступление в законную силу, что делает выделение отдельного этапа распространения информации о стимулах избыточным. Действие правовых норм не зависит от уровня осведомленности субъектов, что делает этот аспект правореализационным, а не самостоятельным.

Кроме того, подход, акцентирующий внимание исключительно на поведенческих реакциях физических лиц, представляется ограниченным, поскольку правовые стимулы применяются также в отношении организаций, предпринимательских и иных субъектов. Аналогично, выделение отдельной стадии юридического признания заслуг оправдано лишь в случае поощрений и наград, тогда как такие формы правового стимулирования, как гарантии, льготы, привилегии, иммунитеты, преференции, субсидии и гранты, не предполагают подобной оценки.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным рассматривать правовое стимулирование как процесс, включающий две ключевые стадии: правоустановление и правореализацию, каждая из которых имеет внутреннюю структурную дифференциацию, влияющую на результативность стимулирующих мер. Оценка эффективности правового стимулирования должна учитывать такие критерии, как обоснованность и целесообразность, предполагающие не только экономико-правовое обоснование новых стимулов, но и адаптацию их объема и форм к изменяющимся социальным условиям. В ряде случаев объективная необходимость внедрения или отмены определенных стимулирующих механизмов диктуется динамикой общественного развития, что требует гибкости и системного подхода к их регулированию.

Эффективность правовых стимулов определяется их соответствием актуальным социальным условиям, правовой культуре общества и уровню правовой активности субъектов⁹⁹. Адекватность стимулирующих мер предполагает их адаптацию к существующим психологическим установкам, что

---

⁹⁹ Аврамов С.О. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений / М.В. Яковлев, Д.А. Никонов, С.О. Аврамов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 103.

повышает вероятность их реального воздействия на поведение адресатов.

В рамках правового стимулирования необходим тщательный анализ потенциальных последствий введения тех или иных стимулов. Это требует предварительной оценки ожидаемого результата с учетом экономических затрат, административных издержек и возможных отклонений в поведении субъектов, поскольку фактические эффекты правового регулирования могут отличаться от запланированных.

Оценка результативности правовых стимулов должна осуществляться не только в количественном измерении (в том числе посредством статистических показателей их применения), но и в качественном аспекте – с учетом их долгосрочного влияния на правосознание, устойчивость правомерного поведения и социальную стабильность. Рассмотрение стадий правоустановления и правореализации стимулирующих норм позволяет выявить масштабность и многогранность правового стимулирования, а также его стратегическое значение для развития правопорядка и регулирования общественных отношений. В этой связи представляется оправданным формирование концептуальных основ государственной правостимулирующей политики, ориентированной на систематизацию действующих механизмов стимулирования, обобщение правоприменительного опыта и учет динамики социально-правовой среды.

Такая политика должна стать системным нормативным ориентиром, охватывающим все ключевые сферы общественных отношений, обеспечивая целенаправленное формирование правомерного поведения посредством гибкого и экономически обоснованного стимулирования. Ее разработка позволит не только упорядочить существующие правостимулирующие механизмы, но и создать условия для эффективного внедрения новых инструментов, отвечающих актуальным вызовам и потребностям общества.

Следует отметить значительное разнообразие правовых стимулов в современном российском праве, что обусловило многократные попытки их систематизации в юридической науке. В частности, А.Ф. Сизый предлагает разделить правовых стимулов на две группы: стимулы-средства (юридические

механизмы воздействия, направленные на формирование правомерного поведения) и стимулы-объекты (поощрения и иные ценности, ради которых субъекты стремятся соблюдать правовые нормы)¹⁰⁰.

Однако предложенная классификация представляется недостаточно корректной, поскольку фактически объединяет в одну систему как сами стимулы, так и процесс их применения. Такое разграничение приводит к «смешению понятий правовые стимулы (как средства воздействия) и правовое стимулирование (как процесс формирования правомерного поведения), которые следует рассматривать как самостоятельные правовые категории, имеющие различное содержание и функциональную направленность»¹⁰¹.

А.В. Малько предлагает классификацию правовых стимулов, которая на сегодняшний день является одной из наиболее распространенных и фундаментальных в юридической науке:

«в зависимости от элемента структуры нормы права – юридический факт-стимул (гипотеза), субъективное право, законный интерес, льгота (диспозиция), поощрение (санкция);

в зависимости от предмета правового регулирования – конституционные, гражданские, экологические и т.п.;

в зависимости от объема – основные (субъективное право), частичные (законный интерес) и дополнительные (льгота);

в зависимости от времени действия – постоянные (надбавки к заработной плате, прописанные в трудовом договоре) и временные (разовая премия);

в зависимости от содержания – материально-правовые (материальное поощрение, премия) и морально-правовые (благодарность)»¹⁰².

---

¹⁰⁰ Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных (проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 1995. С. 131.

¹⁰¹ Аврамов С. О. Правовые стимулы в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях: сб. науч. тр. Всерос. межвуз. круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 г. СПб., 2024. С. 8.

¹⁰² Матузов Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 5-е изд. М., 2022. С. 510.

Динамичное развитие правовой системы требует от юридической науки постоянного теоретического осмысления правовых явлений с целью обеспечения единообразного их толкования в процессе законотворчества и правоприменения. Однако на практике нередко наблюдается смешение понятий, обозначающих различные формы реализации правовых стимулов, что приводит к правовой неопределенности и затрудняет их корректное применение.

Особенно показателен этот вопрос в контексте разграничения правовых льгот и правовых привилегий. В юридической литературе существует точка зрения, согласно которой привилегии рассматриваются как особая разновидность льгот, предоставляемых определенным субъектам для более эффективного выполнения ими должностных обязанностей¹⁰³. Однако такой подход не учитывает их различную правовую природу: если льготы направлены на общее социальное стимулирование, то привилегии имеют целевой характер и связаны со специфическими функциями конкретных категорий лиц. Корректное разграничение данных понятий является необходимым условием системного развития правостимулирующих механизмов и повышения эффективности их правоприменения.

Проблема разграничения правовых категорий не исчерпывается сопоставлением льгот и привилегий. В частности, в доктрине встречается трактовка правового иммунитета как разновидности привилегии¹⁰⁴, поскольку оба института закрепляют исключительные правовые возможности для определенных субъектов. Однако их юридическая природа различна: привилегия предполагает предоставление дополнительных прав и преимуществ, тогда как иммунитет ограничивает применение мер юридической ответственности либо исключает их в специально предусмотренных законом случаях.

Аналогично, существует точка зрения, согласно которой налоговые

---

¹⁰³ Берг Л.Н. Информационно-психологический аспект правового воздействия в сфере научной деятельности // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 94.

¹⁰⁴ Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 21.

преференции рассматриваются как разновидность правовых льгот¹⁰⁵. Однако их правовая природа существенно различается: льготы имеют социальную направленность и предоставляются широкому кругу лиц или организаций для обеспечения равных возможностей, в то время как преференции носят целевой характер и применяются в отношении конкретных субъектов в целях стимулирования определенных видов деятельности.

Неоднозначность разграничения данных правовых явлений также проявляется при сопоставлении гарантий и льгот, которые в юридической практике нередко употребляются как синонимы. Хотя оба института обеспечивают благоприятные условия для субъектов права, гарантии служат механизмом защиты и обеспечения стабильности правового положения, а льготы направлены на предоставление дополнительных возможностей, связанных с выполнением определенных социальных или экономических функций.

Анализ данных различий позволяет сделать вывод о необходимости классификации правовых стимулов на основе их ключевых признаков и целевых установок, что обеспечит более четкое понимание их правовой природы и сферы применения. Исходя из характера их воздействия, представляется авторская классификация по следующим категориям:

1. Материально-экономические правовые стимулы – направлены на предоставление субъектам материальных или финансовых преимуществ (налоговые льготы, субсидии, гранты, преференции).

2. Социально-статусные правовые стимулы – включают привилегии, иммунитеты и особые права, связанные с выполнением определенных социальных ролей или должностных обязанностей.

3. Морально-психологические правовые стимулы – представлены поощрениями и наградами, выражающими моральное одобрение государства и общества, способствующими формированию позитивной мотивации и правосознания субъектов правоотношений.

Данная классификация позволяет разграничить стимулирующие механизмы

---

¹⁰⁵ Красевич М.С. Содержание преференций и их влияние на формирование правосознания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 122.; Морозова И.С. Правовые льготы: проблемы формирования теории // Современное право. 2008. № 1. С. 53.

по форме их реализации и типу оказываемого воздействия, подчеркивая специфику мотивации субъектов в зависимости от характера предоставляемых благ и преимуществ. Учитывая динамичность правового регулирования, можно ожидать дальнейшего расширения спектра стимулирующих механизмов¹⁰⁶, что потребует корректировки и дополнения данной классификации с учетом новых форм правовых стимулов и тенденций их применения.

1.3. Ценность права в контексте диалектического взаимодействия правовых стимулов и ограничений¹⁰⁷

Проведенный в первых двух параграфах анализ позволяет перейти от характеристики отдельных юридических средств к выявлению их смысловых и ценностных оснований в механизме правового регулирования. Правовые ограничения рассмотрены как исторически сложившийся институт, обеспечивающий установление пределов дозволенного и поддержание устойчивости правопорядка. Одновременно правовые стимулы раскрыты как самостоятельный регулятивный ресурс, ориентированный на формирование добровольного правомерного поведения посредством поощрений, гарантий и предоставления юридически оформленных возможностей. Тем самым в рамках главы очерчены два взаимодополняющих компонента правового воздействия – ограничительный и стимулирующий, – каждый из которых обладает собственной логикой, инструментарием и условиями результативности. Вместе с тем их раздельное рассмотрение не исчерпывает реальную природу правового

---

¹⁰⁶ Аврамов С. О. Динамика права как отражение социально-экономической трансформации / С. О. Аврамов, М. В. Яковлев // Государственно-правовые явления: история и современность (ко Дню Российской науки): сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 06 февр. 2025 г. Саратов, 2025. С. 5–10.

¹⁰⁷ Положения настоящего параграфа находят свое отражение в следующих публикациях автора: Аврамов С. О. Ценность права: баланс стимулов и ограничений // Закон и право. 2025. № 3. С. 17-25.; Аврамов С.О. Правовые стимулы и ограничения: диалектическое единство в механизме правового регулирования // Теория государства и права. 2025. № 4-1(47). С.13-19

регулирования: в правовой действительности стимулы и ограничения функционируют во взаимосвязи, образуя внутренне согласованный комплекс средств, посредством которого право одновременно упорядочивает общественные отношения и формирует мотивационные основания правомерного поведения. Это обуславливает переход к более общему уровню анализа – выяснению того, каким образом баланс поощрительных и ограничительных начал влияет на восприятие права как социально значимого блага, доверие к юридическим предписаниям и способность права обеспечивать согласование частных и публичных интересов. В указанном проблемном поле раскрывается ценность права через диалектическое взаимодействие правовых стимулов и ограничений.

Современное общество представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, основанную на многообразии экономических, семейных, социальных и культурных связей. Для его устойчивого функционирования необходимо регулирование и упорядочение ключевых общественных отношений. Именно право в единении с другими социальными регуляторами¹⁰⁸ выполняет, наряду с охранительной¹⁰⁹, эту организующую функцию, обеспечивая стабильность и координацию социальных процессов.

Изменение системы общественных ориентиров требует адаптации правовых механизмов, которые, с одной стороны, реагируют на вызовы времени, а с другой – выступают активным инструментом преобразований. В этом контексте исследование ценности права приобретает особую актуальность, поскольку именно от его эффективности зависит оптимизация правового регулирования и устойчивое развитие правовой системы. Несмотря на очевидную важность данной проблемы, в научной литературе ей уделяется недостаточное внимание, что подчеркивает необходимость углубленного теоретико-правового анализа.

Аксиология, как философское учение о ценностях, позволила глубже

---

¹⁰⁸ Галиев Ф. Х., Исмагилов Р. Ф. Соционормативные регуляторы в политической системе общества // Теория государства и права. 2023. № 4(33). С. 95–100.; Галиев Ф. Х., Раянов Ф. М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа, 2018. С. 187–207.

¹⁰⁹ Радько Т. Н. Охранительная функция – сущностное свойство права // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 132–144.

осмыслить роль права в обществе. С этой точки зрения право – не только инструмент социального регулирования, но и важная общественная ценность, обеспечивающая устойчивость и порядок.

Понимание ценности права требует обращения к самому понятию «ценность», которое в широком смысле охватывает значимые для общества явления, поступки и культурные проявления. Ценности формируют основу социальной жизни и обеспечивают стабильность общества. По мнению Т. Парсонса, общество остается устойчивым даже при наличии конфликтов, если в нем существует общепринятая система ценностных ориентиров¹¹⁰.

Ценности издавна служили духовной опорой человека, помогая осмыслять реальность и определять ориентиры поведения. Они структурируют мир, задавая нормы, идеалы и эталоны, с которыми соизмеряются поступки. К таким ценностям относятся представления о добре и зле, а их выражением становятся убеждения и ценностные идеи¹¹¹.

Философские споры о природе ценностей ведутся с античности. Одни рассматривают их как объективные свойства, существующие независимо от человека, другие – как субъективные оценки, обусловленные потребностями общества и личности. Ценности нередко отождествлялись с бытием, их сущность выводилась не из самих объектов, а из человеческих потребностей. Если считать ценность свойством реальности, она становится неотличимой от истины. Однако еще Сократ, задавая вопросы о благе и справедливости, показал их различие. Знание само по себе не гарантирует достижения блага, так как явления природы и общества могут осознаваться либо в терминах истины – как существующее, либо в терминах ценности – как значимое для человека. Таким образом, истина описывает реальность, а ценность определяет ее значимость в человеческом восприятии. Также стоит отметить, что близки понятия «ценность» и «благо», но не идентичны. Благо – это нечто полезное и необходимое, тогда как ценность отражает его признание обществом или

---

¹¹⁰ Парсонс Т. Социальная система. М., 2018. 529 с.

¹¹¹ Гуревич П. С. Философия культуры. М., 1994. С. 121.

личностью. Благо имеет объективную природу, а ценность – субъективную. Например, материальные объекты могут рассматриваться как блага из-за их полезности, тогда как их ценность определяется значением в социальной системе.

Ценности носят субъективный характер, поскольку формируются через деятельность человека и изменяются вместе с ним. Реальность приобретает ценностное значение только в человеческом восприятии. Например, орудия труда средневековья когда-то были вершиной техники, а сегодня имеют лишь историческую ценность. Однако относительность ценностей имеет границы: они зависят как от объективных свойств явлений, так и от актуальных потребностей общества. Полезность объекта не всегда делает его ценностью – она проявляется только в контексте социальной деятельности и изменений в экономической и духовной сфере.

Ценности являются основой сознания и поведения, особенно в ситуациях выбора. Они формируются с раннего детства под влиянием поощрений, наказаний и эмоциональных переживаний. Согласно исследованию А.А. Черепанова и А.Г. Литвиненко, ценностная структура человека развивается на протяжении всей жизни, наиболее интенсивно – до 15–20 лет¹¹². Она уникальна для каждого, но схожие ценностные ориентиры позволяют выделять социальные группы с общими ценностными установками. Ценностные ориентации не являются неизменными – в разные периоды жизни могут доминировать разные ценности. Эти изменения обусловлены как внешними обстоятельствами, так и целенаправленным воздействием, что делает человека потенциальным представителем различных социальных групп.

Тем самым ценности выступают не абстрактными оценками, а регулятивными ориентирами, влияющими на выбор и поведение субъекта. В правовой сфере данное влияние приобретает институционализированную форму: значимые для общества ценностные установки закрепляются и

---

¹¹² Черепанов А. А., Литвиненко А. Г. Глобальные проблемы, их суть и поиск путей разрешения. Материал для дискуссий по теме: «Глобальные проблемы и принципы устойчивого развития». Новосибирск, 1998. 108 с.

транслируются через нормы права, реализуясь, в том числе, посредством стимулирующих и ограничительных механизмов.

Ценности права выражают фундаментальные принципы, определяющие отношение человека к правовой системе. Они тесно связаны с правовыми стимулами, поскольку именно они формируют мотивацию личности к правомерному поведению. Правовые стимулы, основанные на принципах свободы, справедливости и равенства, побуждают индивида к активному участию в общественных процессах, укрепляя правовую культуру.

В правовой науке различают ценности права и ценности в праве¹¹³. Ценности права – это ценности, «олицетворенные правом полностью или частично. Свобода, справедливость, равенство и взаимопомощь – ключевые ценности, формирующие правовую систему и ориентирующие поведение людей»¹¹⁴. Такие ценности «не были изначально правовыми, присущими только праву как социальному регулятору, это ценности той культуры, в которой возникало право. Правоведы заимствуют модели поведения из социальной практики, отражая ценностные установки общества»¹¹⁵. Таким образом, эти идеалы проникают в правосознание, становясь фундаментальными ценностями права.

Ценности в праве охватывают ценности, интегрированные в право из других сфер – этики, политики, экономики и культуры, формируя его нормативное содержание и социальную направленность.

Правовые ценности и оценки играют регулирующую роль в правосознании, определяя восприятие и применение норм. Сами правовые нормы, в свою очередь, становятся объектом оценивания и приобретают ценностное значение. Сознательное поведение человека формируется под влиянием усвоенных социальных норм, что делает правовые ценности неотъемлемой частью правового

---

¹¹³ Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. 248 с.

¹¹⁴ Графский В. Г. Традиции и обновление в праве // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 79.

¹¹⁵ Рашева Н. Ю., Гомонов Н. Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2006. Т. 9, № 1. С. 172–181.

регулируемая¹¹⁶.

Правовые нормы не всегда формируются исключительно эволюционным путем в рамках сложившейся правовой культуры. Нередко они заимствуются или конструируются как инструменты целенаправленных социальных преобразований. При этом их ценностная значимость не обязательно укореняется в длительной исторической традиции, а определяется степенью принятия обществом и соответствием доминирующим ценностным ориентирам, включая представления о справедливости. Именно ценностно-нормативная оценка нормы в общественном сознании, доктрине и правоприменительной практике во многом предопределяет ее жизнеспособность: она либо закрепляет устойчивость регулятивного воздействия, либо ведет к его ослаблению и утрате эффективности, задавая меру согласованности между правовыми предписаниями и социальной реальностью.

Однако важно помнить, что высшей социальной ценностью является человеческая личность, а право приобретает культурную значимость лишь в той мере, в какой оно защищает достоинство, права и условия жизни человека¹¹⁷. Оценка правовых явлений зависит от их социальной ценности, которая определяется способностью права удовлетворять общественные и индивидуальные потребности. Социальная ценность охватывает явления, удовлетворяющие потребности общества и личности, обеспечивая их развитие. Ценность права заключается в его способности выступать как целью, так и средством удовлетворения справедливых и прогрессивных интересов граждан и общества, раскрывая его положительную роль в социальной системе. Справедливость¹¹⁸ и прогресс¹¹⁹ должны шествовать вместе с правом, если

---

¹¹⁶ Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 6.

¹¹⁷ Лившиц Р. З. Современная теория права. Краткий очерк. М., 1992. С. 64.

¹¹⁸ Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Справедливое правосудие. М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.; Виноградова Е. В., Сальников В. П., Захарцев С. И. Правосудие для справедливости. М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194.; Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. 424 с.; Сальников В. П. Проблема отношения права и справедливости в контексте задачи развития российской правовой идеологии // Идеология, духовные ценности и проблемы

мы хотим, чтобы оно обеспечивало добро, доверие, свободу и благо в обществе¹²⁰.

О природе права существует множество мнений. Л.С. Явич отмечает, что основной недостаток определений права заключается в их статичности, тогда как само право – это динамичный, развивающийся феномен¹²¹. Оно постоянно изменяется под воздействием социальных, экономических и политических факторов, что делает невозможным его строго формализованное определение. Сущность права также трактовалась по-разному: как выражение воли государства, господствующего класса, народа или средство защиты интересов¹²².

Право выполняет инструментальную функцию, обеспечивая организованность, стабильность и согласованность общественных отношений. Оно регулирует экономические процессы, способствуя справедливому распределению благ и развитию форм собственности, характерных для данного общества. Будучи основным инструментом государственного управления, право создает упорядоченную и контролируемую социальную среду. В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук подчеркивали, что право играет ключевую роль в развитии общества, обеспечивая защиту прав личности, социальную стабильность

сохранения культурного наследия России: сб. ст. / под науч. ред. Е. П. Борзовой. СПб., 2019. С. 9–15.; Старовойтова О. Э., Сальников М. В., Захарцев С. И. Проблемы права и справедливости в условиях глобализации (по материалам XXII Всемирного Конгресса) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 169–188.

¹¹⁹ Захарцев С. И., Сальников В. П. Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина): сб. науч. ст. / под ред. В. В. Лазарева. М., 2022. С. 63–72.; Захарцев С. И., Сальников В. П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 175–192.

¹²⁰ Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): монография / под ред. С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев [и др.]. М., 2020. 288 с.

¹²¹ Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 111.

¹²² Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 416 с.; Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. М., 2001–2003. 750 с.; Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 7.; Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. 510 с.; Сущность права: сб. ст. к 100-летию со дня рождения проф. М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов, 2022. 312 с.

и порядок¹²³. Оно создает условия для экономического и социального прогресса, формируя устойчивую и организованную систему общественных отношений.

Сама жизнь подтверждает справедливость оценок права отечественными классиками XX века М.И. Байтиным, В.П. Казимирчуком, Д.А. Керимовым, В.Н. Кудрявцевым, О.Э. Лейстом, Л.С. Явичем. Н.И. Матузовым и другими. Безусловно, это динамичный и развивающийся феномен и, конечно, право должно быть нацелено на прогресс и движение вперед, а это обстоятельство постоянно стимулирует необходимость его дальнейшего изучения. Не случайно проблемы познания права всегда находились и сегодня находятся в центре внимания теории философии права. Отсюда необходимость и актуальность понимания в том числе и государства¹²⁴. Современные подходы к пониманию права¹²⁵ трудно даже перечислить. Но их обилие свидетельствует о прозорливости сделанных в XX веке выводов нашими выдающимися соотечественниками. Подходы же к познанию права в контексте ценностного ракурса всегда являются очень значимыми. Особенно ярко это продемонстрировано в коллективной монографии «Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста)», изданной под редакцией профессора Е.А. Фроловой¹²⁶.

Ценность права состоит в его способности согласовывать индивидуальные и общественные интересы, обеспечивая их гармоничное развитие.

¹²³ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 64.

¹²⁴ Корнев А. В. Цивилизационные особенности понимания государства в конкурирующих культурно-исторических типах // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 114–131.

¹²⁵ Захарцев С. И., Сальников В. П. Компреденная теория права заметно отличается от интегральной (интегративной) теории // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 7. С. 187–192.; Захарцев С. И., Сальников В. П. Современные подходы к пониманию права и творчество профессора О. Э. Лейста // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 73–80.; Кодан С. В. Исследовательская конструкция изучения политико-правовых доктрин О. Э. Лейста в контексте формирования методологии изучения истории политических и правовых учений // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 235–249.; Корнев В. Н. Философские и правовые предпосылки формирования синтетического (интегративного) подхода к пониманию сущности права // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 100–113.; Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20–29.

¹²⁶ Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. 576 с.

Оно не подавляет частные интересы, а интегрирует их в общий правовой порядок. Чем точнее право отражает реальные потребности общества и личности, тем выше его социальная значимость и эффективность.

Ценность права также заключается в том, что оно устанавливает границы и меру свободы личности, обеспечивая баланс между социальной активностью и ответственностью. Право не просто провозглашает свободу, а формирует порядок, исключая произвол и бесконтрольность. Оно является исторически обусловленной формой свободы, определяющей ее рамки в реальных общественных отношениях¹²⁷.

Право ценится за способность выражать и реализовывать идею справедливости. Оно обеспечивает равенство граждан перед законом, справедливое распределение благ и защиту социальных интересов. Право фактически является нормативным воплощением справедливости, поскольку в общественном сознании эти категории всегда тесно связаны, что отражено даже в латинском языке («jus» – право, «justitia» – справедливость). Право противостоит несправедливости, защищая согласованные интересы и обеспечивая баланс между свободой и равенством. Его гуманистическая природа выражается в доступе личности к социальным благам и в защите от произвола. В современных условиях право становится опорой для граждан, ожидающих справедливых гарантий в условиях экономических и социальных перемен¹²⁸.

Право играет ключевую роль в общественном развитии, выступая фактором прогресса и инструментом обновления. Особенно значимо оно в периоды трансформаций, таких как смена политических режимов или изменение

---

¹²⁷ Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф. М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 6. С. 176–181.; Жук А. С., Лукашин Е. В., Прокофьев К. Г. Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 9. С. 151–157.

¹²⁸ Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.): монография. СПб., 2017. 324 с.; Орехова Т. Р. Особенности правового воздействия на экономику в условиях становления и развития рынков современной России // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 151–163.

экономической системы, когда обеспечивает стабильность и новые формы социального взаимодействия. Возрастает значимость права, как и институтов гражданского общества, в условиях цифровизации государства¹²⁹.

В современных условиях право приобретает глобальное значение, являясь основным цивилизованным средством разрешения международных и межнациональных конфликтов. Как универсальный социальный регулятор, оно способствует миру, снижению социальной напряженности и решению глобальных проблем, включая экологические вызовы¹³⁰.

Право как социальный феномен обладает сложной структурой ценностных характеристик, среди которых ключевую роль играют стимулы и ограничения. Эти элементы обеспечивают нормативную упорядоченность общественных отношений, балансируя свободу и ответственность, личные и общественные интересы. Стимулирующая функция права выражается в его способности мотивировать социально одобряемое поведение, формируя правосознание личности и институциональные механизмы, способствующие развитию общества. Правовые стимулы воплощаются в гарантиях прав и свобод, льготах, преференциях, а также в создании благоприятной нормативной среды для реализации экономической, политической и социальной активности граждан. Они формируют у субъектов права уверенность в защищенности их интересов, что способствует интеграции личных и коллективных целей, укреплению правопорядка и развитию правовой культуры.

Ограничительная функция права, в свою очередь, заключается

---

¹²⁹ Галиев Ф. Х., Гутман М. Ю., Исмагилов Р. Ф. К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации // Теория государства и права. 2023. № 4-1(34). С. 96–104.; Овчинников А. И. Идея гражданского общества в условиях цифровизации государства: концептуальные модели и институты // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста): монография / отв. ред. Е. А. Фролова. М., 2025. С. 164–175.

¹³⁰ Александрова О.И. Мировой порядок: ценности в праве // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. М.: Росконгресс, 2024. С. 26–29.; Бастрыкин А.И. Правовая защита национальных интересов Российской Федерации в условиях трансформации миропорядка // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. М.: Росконгресс, 2024. С. 14–18.; Степашин С.В. Роль юристов в формировании дружественного цивилизационного пространства // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. М.: Росконгресс, 2024. С. 24–25.

в установлении границ дозволенного, предупреждении и пресечении антиобщественного поведения. Ограничения, будучи неотъемлемым элементом правового регулирования, обеспечивают социальную стабильность, защищая общество от хаоса и произвола. Именно нормативная регламентация допустимого поведения делает право эффективным инструментом социальной координации, способным предотвращать конфликты и обеспечивать баланс интересов различных социальных групп.

Диалектическое единство правовых стимулов и ограничений определяет ценность права в контексте его регулятивной миссии. От того, насколько гармонично сочетаются поощрительные и запретительные механизмы, зависит эффективность правовой системы в целом. Чрезмерные ограничения могут привести к правовому нигилизму и сопротивлению праву, в то время как избыточная либерализация без действенных механизмов правового контроля чревата правовым беспорядком. Таким образом, ценность права проявляется в его способности выступать универсальным социальным регулятором, формируя нормативную среду, в которой личная свобода соотносится с общественным благом, а стимулирующие механизмы дополняются необходимыми ограничениями, обеспечивающими правопорядок и справедливость.

Рассмотрим подробнее их диалектическую взаимосвязь. Диалектика правовых стимулов и ограничений заключается в их взаимодополняющем единстве и противоречивом взаимодействии в рамках механизма правового регулирования. Правовые стимулы и ограничения не являются обособленными категориями, напротив, они связаны между собой как противоположные, но неразрывно переплетенные элементы единого процесса юридического воздействия. С точки зрения диалектики, любое стимулирование одновременно подразумевает ограничение альтернативных действий, а каждое ограничение, сдерживая негативные проявления, косвенно побуждает индивида к социально одобряемому поведению.

Стимулы и ограничения образуют специфическую дихотомию, обеспечивающую баланс в правовом воздействии. Стимулы, поощряя социально

полезное поведение, устанавливают позитивные ориентиры, направляющие деятельность личности и общества. Однако любое стимулирование, утверждая одни формы поведения, косвенно ограничивает другие. С другой стороны, «ограничения прямо направлены на пресечение антиобщественного поведения, но одновременно стимулируют альтернативные, позитивные действия путем исключения нежелательных. Правовые стимулы и ограничения взаимно обусловлены: стимулируя одну сторону правоотношения, законодатель неизбежно ограничивает другую, обеспечивая устойчивость и социальную координацию»¹³¹.

Следовательно, рассмотрение правовых стимулов и ограничений в их диалектической взаимосвязи позволяет глубже осознать их роль в социальном регулировании. Это дает возможность выработать более эффективные инструменты правового воздействия, учитывающие как позитивные, так и негативные аспекты юридической информации, что существенно расширяет возможности права как регулятора общественных процессов и способствует достижению гармоничного баланса общественных и частных интересов.

Стоит отметить, что проблема парности юридических категорий остается одной из наименее исследованных в правоведении, хотя такой подход существенно расширяет возможности анализа правовых явлений, выявляя их внутренние взаимосвязи и противоречия. Для признания юридических понятий парными необходимо выявить их специфическое единство через различия и взаимопереходы, раскрывая диалектику их противоположностей.

Правовые стимулы и правовые ограничения представляют собой пример такой парности, «отражая действие диалектического закона единства и борьбы противоположностей в сфере социально-правового регулирования. Основания считать их парными юридическими категориями связаны с тем, что они выражают бинарную природу юридической информации, внутренне

---

¹³¹ Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 243.

взаимосвязаны, взаимно обеспечивают друг друга в процессе регулирования и формируют специфический баланс мотивационных средств права»¹³².

Именно эта бинарность делает стимул и ограничение четким средством фиксации юридических решений («действовать» или «воздержаться»), отражающих либо наличие, либо отсутствие определенных изменений в поведении. Стимул и ограничение, несмотря на свою противоположность, диалектически взаимосвязаны. Согласно Гегелю, каждая противоположность в своем понятии уже содержит другую¹³³. Так, любое правовое стимулирование одних действий одновременно предполагает ограничение других, а каждое ограничение, сдерживая одни формы поведения, косвенно побуждает к альтернативным действиям. Таким образом, правовой стимул и правовое ограничение представляют собой своеобразную дихотомию, наглядно демонстрирующую диалектическое единство и различие, что усиливает эффективность правового регулирования.

В.М. Баранов определяет стимулирование как диалектическое понятие, объединяющее две противоположности – поощрение и ответственность. Поощрение стимулирует позитивную социальную активность, такую как инициативность и новаторство, а ответственность ограничивает негативные действия, выступая своеобразным «стопором»¹³⁴. Так, ответственность отражает ограничивающую сторону правового регулирования, а поощрение – стимулирующую, хотя оба этих элемента находятся в неразрывном диалектическом единстве.

Ориентация исключительно на стимулирующие правовые механизмы – как позитивного, так и негативного характера – приводит к одностороннему пониманию юридического регулирования. При таком подходе остается без внимания принципиальный вопрос: если правовые стимулы предназначены для поддержки социально полезного поведения, то какие юридические средства

---

¹³² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 110.

¹³³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. М., 1971. С. 63.

¹³⁴ Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 6.

обеспечивают ограничение и сдерживание социально вредной активности?

В механизме правового регулирования правовые предписания, как правило, сопрягают стимулирующий и ограничительный компоненты: поощряя одни модели поведения, они одновременно устанавливают пределы допустимого и тем самым ограничивают альтернативные варианты действий. С точки зрения информационно-психологического механизма правового воздействия норма выступает как фактор селекции поведения, поскольку ориентирует адресата на определенный вариант действий и исключает иные. Именно поэтому стимулирование не может рассматриваться изолированно от ограничений: в правовой действительности они образуют взаимосвязанный и взаимодополняющий комплекс средств правового регулирования.

Не менее уязвимым является и противоположный подход, сводящий функции права исключительно к ограничению, поскольку не позволяет объяснить побуждающий компонент регулирования и юридические формы поддержки правомерной активности. Следовательно, правовое регулирование осуществляется через сочетание двух взаимодополняющих элементов – правовых стимулов и правовых ограничений. Их парность проявляется в функциональной взаимосвязи: правовые стимулы ориентированы на формирование и поощрение позитивной активности, одновременно снижая привлекательность негативных моделей поведения, тогда как правовые ограничения направлены на подавление отрицательных действий и тем самым опосредованно поддерживают социально полезные формы поведения.

Отнесение позитивного и негативного стимулирования к единой категории затрудняет выявление принципиально различного характера юридических средств и различного отношения права к интересам субъектов. В результате размывается бинарность юридической информации и снижается методологическая определенность соответствующих категорий. По этой причине правовое стимулирование и правовое ограничение целесообразно рассматривать совместно – как позитивную и негативную стороны единого процесса информационно-психологического воздействия права на поведение субъектов. А.М. Васильев

справедливо отмечает, что парные юридические категории выражают позитивные и негативные стороны одного и того же процесса, выступая в диалектическом единстве при регулировании общественных отношений¹³⁵.

Для обеспечения субъективных прав одних лиц право неизбежно устанавливает обязанности и запреты для других, тем самым формируя правовые ограничения. Ограничительный компонент проявляется и в юридических обязанностях как в модели должного поведения, требующей от обязанного субъекта определенных действий (либо воздержания от действий), сопряженных с затратами времени, ресурсов и усилий. Вместе с тем исполнение обязанности в правовом порядке опирается не только на ограничение как таковое, но и на сопряженные с ним побудительные элементы негативного характера – прежде всего на риск неблагоприятных юридических последствий при ненадлежащем поведении, что задает адресату «порог» допустимого и направляет его действия в интересах иных субъектов и публичного порядка.

Реализация юридической обязанности может обеспечиваться преимущественно ограничительно-охранительными средствами, однако подобная модель не гарантирует качества и добросовестности исполнения. Как справедливо отмечается в научной литературе, «такое исполнение далеко не всегда будет качественным, государству важно, чтобы обязанности исполнялись не под давлением принуждения, а добровольно, поэтому устанавливаются и правовые стимулы (поощрения, льготы, компенсации и др.)»¹³⁶. Следовательно, ограничительные и стимулирующие средства в сфере обязанностей функционируют взаимодополняюще: первые обеспечивают обязательность и минимальный стандарт поведения, вторые – формируют заинтересованность в сознательном и надлежащем исполнении, ориентируя адресата на внутреннее принятие правового предписания.

Юридические обязанности требуют повышенного внимания и с точки зрения баланса интересов, поскольку их содержание неизбежно предполагает

---

¹³⁵ Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 244.

¹³⁶ Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 24.

ограничение одних интересов ради защиты других. Отсюда вытекает значимость системы гарантий исполнения обязанностей, включающей как организационно-правовые и охранительные механизмы (контроль, ответственность, процедуры), так и стимулирующие меры, поддерживающие добросовестное поведение. В нормотворчестве и правоприменении целесообразно учитывать принцип соразмерности: чем более сложной и обременительной является обязанность, тем более существенными должны быть компенсирующие и поощрительные элементы, обеспечивающие ее качественное исполнение и повышающие легитимность соответствующего регулирования.

Правовые стимулы и ограничения взаимосвязаны не только по содержанию правового воздействия, но и на уровне их юридического обеспечения: реализация мер поощрения и мер ответственности требует установления процедур, компетенций, а также прав и обязанностей для субъектов правоприменения. В этом смысле стимулирующие и ограничительные средства включаются в систему юридических гарантий, обеспечивающих предсказуемость, законность и обоснованность применения соответствующих механизмов. Их сопряженность проявляется в том, что поощрение, как и наказание, требует нормативно определенных оснований, порядка реализации и контроля, без чего невозможно достижение целей регулирования и соблюдение требований справедливости.

Парность стимулов и ограничений проявляется также в формировании баланса правового регулирования. Изменение одного элемента, как правило, отражается на другом: расширение стимулирующих мер предполагает уточнение условий, критериев и процедур их предоставления, а в ряде случаев – введение дополнительных ограничений, направленных на предотвращение злоупотреблений и обеспечение адресности соответствующих благ. Иллюстративным примером служит режим чрезвычайного положения, при котором расширение полномочий органов публичной власти сопровождается установлением особых ограничений прав и свобод граждан¹³⁷.

---

¹³⁷ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

Указанная закономерность прослеживается и при введении новых поощрений и льгот: их предоставление предполагает наличие субъектов, обязанных обеспечить соответствующие меры, что нередко связано с установлением дополнительных обязанностей, процедурных требований и механизмов контроля. В результате стимулы и ограничения выступают взаимно обусловленными элементами: корректировка ограничительных режимов может приобретать стимулирующее значение (например, в форме послаблений или облегчения условий осуществления прав), тогда как сокращение стимулирующих мер, напротив, способно компенсироваться усилением ограничительно-охранительных механизмов. Тем самым подтверждается системный характер взаимосвязи данных категорий и необходимость их рассмотрения в единстве при анализе ценности права и эффективности правового регулирования.

Парность правовых стимулов и ограничений проявляется, в частности, в том, что они выступают ключевыми способами информационно-психологического воздействия права на поведение адресатов¹³⁸. В теории социального управления традиционно выделяются два универсальных метода воздействия – убеждение и принуждение. Убеждение ориентировано на добровольное принятие субъектом определенной модели поведения и внутреннее согласие с предъявляемыми требованиями, тогда как принуждение связано с внешним воздействием, устанавливающим пределы допустимого и обеспечивающим исполнение предписаний посредством неблагоприятных последствий при их нарушении. Указанные методы в той или иной форме присущи различным социальным регуляторам, включая право, однако в правовом регулировании они приобретают институционализированное выражение через систему стимулирующих и ограничительных средств.

Убеждающий компонент составляет психологическую основу правового стимулирования: стимулирующие средства ориентированы на внутреннее принятие адресатом правовой модели поведения, при котором соблюдение нормы

---

¹³⁸ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 120.

воспринимается как рационально предпочтительное. Результативность такого воздействия во многом определяется уровнем правосознания и правовой культуры субъекта, а также степенью воспринимаемой значимости предоставляемых правом возможностей, гарантий и иных юридически оформленных выгод.

Вместе с тем сфера убеждения в праве не тождественна сфере правового стимулирования. Метод убеждения шире, поскольку направлен не только на интересы субъекта, но и на его сознание, ценностные установки и самоорганизацию. Как отмечает В.М. Лебедев, убеждение способствует воспитанию внутренней самодисциплины, формируя осознанное отношение человека к исполнению обязанностей¹³⁹. В этом смысле к средствам убеждения относятся правовое просвещение и правовая пропаганда, ориентированные на формирование понимания и добровольного следования правовым предписаниям, тогда как правовое стимулирование преимущественно реализуется через юридически оформленные «выгоды» и преимущества, соотносимые с интересами адресатов¹⁴⁰.

Соотношение принуждения и правового ограничения также раскрывается в диалектической плоскости. Отмечается, что область принуждения шире области правового ограничения: ограничение предполагает возможность принудительного обеспечения, однако само по себе выступает нормативной формой установления предела допустимого и задается адресату на уровне информационно-психологического воздействия¹⁴¹. При этом стимулирующие конструкции, расширяя пространство юридически одобряемых возможностей, опосредованно ограничивают альтернативные модели поведения, поскольку «выстраивают» предпочтительный вариант действия и снижают привлекательность иных. Тем самым взаимосвязь правовых стимулов и ограничений отражает общую

---

¹³⁹ Лебедев В.М. Стимулирование дисциплины труда в производственном коллективе // Советское государство и право. 1971. № 7. С. 133.

¹⁴⁰ Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 102.

¹⁴¹ Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 247.

диалектику убеждения и принуждения, институционализированную в праве через систему поощрительных и ограничительно-охранительных средств.

Важно отметить, что правовые стимулы и правовые ограничения не подменяют собой многообразие юридических средств, а, напротив, «выступают как их интегрирующие и обобщающие категории»¹⁴². Подобно тому, как права и обязанности получают конкретное выражение в нормативно закрепленных правомочиях и юридических режимах, правовые стимулы реализуются через отдельные формы правового благоприятствования – поощрения, льготы, дозволения, а в определенных случаях и иные юридически оформленные преимущества. Правовой стимул выступает более абстрактной категорией, обобщающей конкретные разновидности юридических выгод, поощрительных условий и рекомендаций, используемых для побуждения субъектов к социально полезной активности. Аналогичным образом правовые ограничения представляют собой широкую универсальную категорию, интегрирующую разнообразные сдерживающие и лимитирующие механизмы правового воздействия (запреты, обязанности, процедурные требования, условия и пределы осуществления прав). Тем самым категории правовых стимулов и ограничений выполняют аксиологическую функцию: они задают критерии легитимации правового воздействия, позволяя оценивать меру соразмерности поощрительных и ограничительных начал и их соответствие представлениям о справедливости. В этом измерении ценность права проявляется как способность нормативного порядка одновременно удерживать границы допустимого и формировать мотивированное принятие правовых предписаний, обеспечивая согласование публичных целей и частных интересов.

Логическая связь между правовыми стимулами и правовыми ограничениями наиболее наглядно проявляется в мерах поощрения и мерах наказания (юридической ответственности), которые выступают полярными способами юридической оценки поведения адресата. В правоприменительной

---

¹⁴² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3(222). С. 134–147.

практике и научной литературе поощрение и наказание нередко рассматриваются в сопряжении, что позволяет выявить их диалектическое единство при противоположности функциональной направленности: поощрение ориентировано на поддержание и закрепление социально одобряемых моделей поведения, тогда как наказание – на пресечение и предупреждение противоправных действий, а также на восстановление нарушенного правового порядка. В совокупности данные средства задают границы дозволенного и обеспечивают воспроизводство нормативно предпочтительных поведенческих стандартов.

Правовое поощрение представляет собой нормативно закреплённую форму официального одобрения заслуженного поведения, выражающуюся в предоставлении субъекту определенных благ, преимуществ или иных юридически оформленных возможностей. Правовое наказание, напротив, выступает юридически установленной формой государственного осуждения противоправного поведения и связано с неблагоприятными последствиями для правового статуса лица – ограничением его прав, возложением дополнительных обременений либо лишением отдельных благ в пределах, определенных законом. Тем самым поощрение и наказание выражают противоположные стороны правового воздействия на поведение участников правоотношений, но функционируют в общей логике обеспечения устойчивости правопорядка.

При анализе поощрений и наказаний целесообразно выявлять как общие, так и различающиеся признаки. К числу общих характеристик относится то, что оба средства: а) выступают юридическими инструментами воздействия на поведение, реализуя официальную позитивную либо негативную оценку действий адресата; б) имеют нормативно определенные основания, формы и пределы применения; в) применяются компетентными субъектами в рамках правоприменительных процедур; г) обеспечиваются государственными гарантиями исполнения и контроля. Различия между поощрением и наказанием проявляются, прежде всего, в их функциональной направленности и юридических последствиях. Поощрение закрепляет и поддерживает социально одобряемые

модели поведения, включая формы активности, превышающие обычные требования, тогда как наказание выполняет охранительную и превентивную функции – реагирует на противоправное поведение, ограничивая его и предупреждая повторение. Если поощрение связано с официальным признанием заслуг и предоставлением субъекту определенных благ, преимуществ или иных юридически оформленных возможностей, то наказание сопряжено с неблагоприятными последствиями для правового статуса лица (ограничениями, лишениями, дополнительными обременениями) в пределах, установленных законом. В этом смысле наказание ориентировано на возвращение поведения в рамки правовой нормы, а поощрение – на закрепление и развитие правомерной активности. Следовательно, поощрение и наказание выступают полярными юридическими способами оценки поведения, различаясь по основаниям применения, характеру последствий и регулятивным задачам.

Существенно и то, что применение поощрения или наказания связано с оценкой не только внешней стороны поведения, но и его субъективного компонента – заслуги либо вины, от которых зависит допустимость соответствующей меры.

Категория заслуги в юридико-теоретическом плане отражает признание общественной полезности действий или достижений субъекта. В контексте правового поощрения заслуга означает добросовестное правомерное поведение, выраженное либо в превышении минимально требуемого стандарта исполнения обязанностей, либо в достижении общественно значимого результата, что и образует основание для применения поощрительных мер. Такая логика прослеживается, в частности, в системе почетных званий Российской Федерации (например, «заслуженный юрист», «заслуженный деятель науки»), фиксирующих институциональную связь поощрения с признанием заслуг субъекта¹⁴³.

Заслуга обладает рядом существенных признаков. Она представляет собой

---

¹⁴³ Указ Президента РФ от 30 декабря 1995 г. №1341 «Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 2. Ст. 64.

социально полезное, правомерное поведение, характеризующееся активностью и добросовестностью субъекта и получающее позитивную оценку со стороны общества и государства. Заслуга включает не только объективный результат деятельности, но и субъективный компонент – внутреннюю мотивацию, выражающуюся в сознательном отношении к исполнению обязанностей и ориентации на достижение социально значимого эффекта. В доктринальном плане заслуга нередко связывается со «сверхисполнением» обязанностей, то есть с действиями, выходящими за пределы минимально требуемого стандарта поведения. П.А. Сорокин, характеризуя подобные формы активности, указывал на поведение «выше нормы», отличающееся особой добросовестностью и нравственной направленностью (профессиональное мастерство, мужество, новаторство)¹⁴⁴. Заслуга выступает основанием применения мер поощрения, подобно тому, как правонарушение является основанием мер юридической ответственности.

Проведенный анализ позволяет рассматривать стимулирующее и ограничительное воздействие права как взаимодополняющие способы нормативного упорядочения поведения: поощрение правомерной активности предполагает одновременное обозначение границ дозволенного, тогда как ограничительные предписания выполняют не только сдерживающую, но и ориентационную функцию, направляя адресата к социально приемлемым моделям действий. Социальная ценность права в этой связи раскрывается через способность правового воздействия сохранять соразмерность между стимулирующими и ограничительными средствами: избыточность ограничительных механизмов ослабляет восприятие правовых предписаний, а недостаточность – снижает охранительный потенциал регулирования. Следовательно, баланс стимулов и ограничений выступает условием практической реализуемости базовых ценностей права – свободы, равенства и справедливости. Такое понимание уточняет теоретико-правовые основания

---

¹⁴⁴ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М., 1992. 543 с.

анализа ценности права и может быть использовано в качестве методологического ориентира при исследовании стимулирующего и ограничительного воздействия права в отношении специального субъекта.

Глава 2. Правовые стимулы и ограничения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации как специального субъекта права

2.1. Правовые ограничения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: нормативно-правовая природа, содержание и особенности реализации

В современных условиях устойчивое функционирование системы публичной власти, политических институтов и гражданского общества объективно предполагает наличие субъектов с четко определенным правовым статусом. Посредством норм права государство формализует юридическое положение личности, устанавливает модели допустимого и должного поведения и тем самым обеспечивает упорядоченность и предсказуемость общественных отношений. Правовой статус в этом смысле выступает одним из ключевых элементов механизма правового регулирования, определяющим пределы реализации прав и обязанностей участников правоотношений.

Вместе с тем в российской правовой системе до настоящего времени отсутствует единый нормативный акт, который бы закреплял легальные определения понятий «правовой статус» и «правовое положение» и раскрывал их содержание в системном и унифицированном виде. Как правило, правовые источники включают лишь отдельные положения, касающиеся отдельных элементов статуса применительно к конкретным субъектам. Лишь немногие акты содержат определения этих категорий в узкоспециализированном контексте. Такая правовая неопределенность приводит к терминологическим расхождениям и способствует возникновению теоретических разногласий в части разграничения и соотношения указанных понятий¹⁴⁵.

---

¹⁴⁵ Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое

Также на сегодняшний день в отечественной теории государства и права не выработано единой научной позиции относительно содержания и соотношения понятий «правовой статус» и «правовое положение». В большинстве теоретико-правовых исследований данные категории рассматриваются преимущественно в прикладном аспекте, через призму их функционирования в системе правовых отношений, что придает им вспомогательное значение. Лишь немногие авторы акцентируют внимание на правовом статусе как на самостоятельном и комплексном объекте научного анализа.

Обращение к генезису понятий «статус» и «правовой статус» позволяет выявить их историческую преемственность, восходящую к римскому праву, оказавшему определяющее влияние на формирование и развитие современных правовых систем. Латинский термин «status», переводимый как «положение» или «состояние», первоначально использовался для обозначения совокупности устойчивых признаков, характеризующих место индивида в социальной и правовой иерархии, а также определяющих рамки его взаимодействия с другими участниками общественных отношений через систему закрепленных прав и обязанностей.

В период античности правовой статус осмыслялся как юридически закрепленная форма социального положения личности в обществе. В правовой системе Древнего Рима полная правоспособность индивида основывалась на совокупности трех статусов: «status libertatis» – статус свободы, разграничивавший свободных и рабов; «status civitatis» – статус гражданства, предоставлявший определенные права только римским гражданам; и «status familiae» – семейный статус, определявший положение индивида внутри римской семьи, прежде всего в качестве домовладыки («pater familias»). Таким образом, правовое положение римского гражданина имело комплексный и структурно оформленный характер, отражая его место в общественной иерархии.

Согласно толкованию, представленному в словаре С. И. Ожегова, термин

«статус» определяется как устойчивое состояние или положение¹⁴⁶. Вместе с тем подобная дефиниция в рамках правового дискурса носит чрезмерно общий характер и не отражает специфики юридического содержания рассматриваемой категории. Показательно, что в том же источнике правовое положение гражданина фактически отождествляется с понятием «гражданство», что указывает на методологически некорректную подмену правовых категорий. Лексико-семантический анализ позволяет констатировать, что термины «статус», «правовое положение» и «гражданство» нередко употребляются как синонимичные, несмотря на различие их юридической природы, объема и функционального назначения в системе правового регулирования. Такое отождествление приводит к терминологической подмене, искажает смысл указанных понятий и нивелирует их функциональную специфику в системе публично-правового регулирования. Основные научные споры по поводу признания правового состояния самостоятельной юридической категории сосредоточены вокруг вопроса о его обоснованности в составе юридических фактов наряду с традиционно признанными событиями и действиями. Отдельное направление дискуссии связано с попытками определить границы и содержание понятий «правовой статус» и «правовое положение», что свидетельствует о методологической неоднородности и отсутствии устоявшейся доктринальной трактовки в теории права.

О.В. Кутафин и Е.И. Козлова рассматривают правовое положение как «более общее понятие по сравнению с правовым статусом, который в свою очередь охватывает лишь совокупность прав, свобод и обязанностей личности, тогда как первое включает также такие элементы, как гражданство, правосубъектность, юридические гарантии и меры ответственности»¹⁴⁷. Схожей позиции придерживается Е.А. Лукашева, предлагающая «ограничить понятие правового статуса категориями прав и обязанностей, которые позволяют четко

---

¹⁴⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. С. 624.

¹⁴⁷ Козлова Е. И. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. 5-е изд. М., 2015. С. 94.

определить его структуру, а предстатусные и послестатусные элементы целесообразно включить в понятие правовое положение личности»¹⁴⁸.

В то же время значительная часть исследователей не усматривает принципиальной разницы между данными категориями¹⁴⁹. Так, В.П. Басик отмечает, что «в законодательстве, юридической практике, а также в международных актах по правам человека термины «правовой статус» и «правовое положение» применяются как синонимы и не разграничиваются содержательно»¹⁵⁰. Данная позиция представляется аргументированной, поскольку сам термин в своей сущности уже выражает идею социально-правового положения индивида. В этом контексте Д.И. Луковская справедливо указывает, что «попытки структурного разделения понятий, при котором правовой статус рассматривается как ядро правового положения, фактически ведут к избыточному дублированию смысла, поскольку оба термина обозначают юридически определенное положение личности в обществе»¹⁵¹.

В современной юридической доктрине утвердилось понимание правового статуса личности как комплексной, юридически зафиксированной характеристики положения индивида в системе общественных связей¹⁵². Данная категория обладает интегративным характером и охватывает совокупность нормативно закреплённых элементов, определяющих правовое состояние субъекта. Указанные элементы во взаимосвязи отражают юридическую сущность правового статуса и его социальную обусловленность, определяемую фактическим

---

¹⁴⁸ Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М., 2022. С. 91.

¹⁴⁹ Анохин Ю. В., Сидоров В. Г. Правовое положение личности в Российской Федерации: монография. Барнаул, 2013. С. 7.; Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Богданова. М., 2023. С. 30–32.; Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов, 1972. С. 192–195; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 317.

¹⁵⁰ Басик В. П. Правовой статус граждан и иностранцев на территории Российской Федерации: социально-правовые основы и сравнительный анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 18.

¹⁵¹ Луковская Д.И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. 2007. №13. С. 35.

¹⁵² Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. С. 125.; Басик В.П. Указ. соч. С. 25.; Климентьева Н. Л. Юридическая ответственность как элемент правового статуса военнослужащих (Вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 12.

положением личности в системе общественных отношений. Правовые средства, с помощью которых законодатель придает данному состоянию нормативную форму, выступают внешним выражением этой связи. Вместе с тем содержание понятия «правовой статус» остается неоднородным, поскольку в научной литературе отсутствует единый подход к его трактовке, что обуславливает множественность интерпретаций.

Д.И. Луковская рассматривает правовой статус личности как «систему конституционно закрепленных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина»¹⁵³. С аналогичных позиций выступает Н.В. Витрук, который «относит к структуре правового положения личности такие элементы, как гражданство, правосубъектность, а также юридические гарантии реализации прав, свобод и законных интересов»¹⁵⁴. М.С. Строгович, дополняя этот подход, «наряду с правами и обязанностями включает в содержание правового статуса также правовые гарантии и ответственность за неисполнение установленных обязанностей»¹⁵⁵.

Л.Д. Воеводин подчеркивает «необходимость включения в правовой статус таких компонентов, как правосубъектность (право- и дееспособность), основные права, свободы и обязанности, гарантии их реализации, а также гражданство – как обязательный элемент»¹⁵⁶. С.С. Алексеев предлагает «включить в его содержание не только права, обязанности и правосубъектность, но и сопутствующие правовые явления: законные интересы, принципы права, нормы, статусные правоотношения и юридическую ответственность»¹⁵⁷.

Однако чрезмерно широкое толкование правового статуса вызывает определенные научные возражения. Представляется, что включение в его структуру столь разнообразных правовых элементов приводит

---

¹⁵³ Луковская Д.И. Указ. соч. С. 35.

¹⁵⁴ Витрук Н.В. Указ. соч. С. 30.

¹⁵⁵ Строгович М. С. Вопросы теории прав личности // Философия и современность. М., 1976. С. 33-35.

¹⁵⁶ Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 27-38.

¹⁵⁷ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 146.

к размыванию понятийных границ. В результате правовой статус теряет внутреннюю целостность, превращаясь в формальную совокупность юридических явлений, не всегда между собой согласованных. Это, в свою очередь, снижает ценность категории и может ослабить направленность правового регулирования, особенно в контексте обеспечения гарантий прав и свобод личности.

Права и свободы выступают системообразующими компонентами правового положения индивида в правовом государстве. При этом права человека обладают универсальным характером, закрепляясь за каждым с момента рождения независимо от гражданства, в то время как права гражданина обусловлены его правовой принадлежностью к конкретному государству¹⁵⁸. Данная дихотомия позволяет обеспечить как базовую защиту личности, так и ее включение в систему публичной власти и гражданского участия.

Права и свободы личности выполняют двойственную функцию: они, с одной стороны, служат инструментом социальной защиты и самореализации, а с другой – обеспечивают включенность человека в общественную и государственную жизнь¹⁵⁹. Юридически права представляют собой формализованные, нормативно ограниченные возможности поведения, предоставляемые субъекту и гарантируемые государством.

Как справедливо подчеркивают М.Х. Гельдибаев и Е.В. Грызунова, права человека «определяют понятие, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹⁶⁰. В свою очередь правосудие, по мнению О.Э. Старовойтовой и Ф.О. Чудина-Кургана, «можно определить

---

¹⁵⁸ Баженова Т. М., Кодан С. В. Понимание права и права человека: исторический аспект и современный контекст // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку: матер. XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 15–16 апр. 2021 г. / редкол.: Л. А. Закс [и др.]. Екатеринбург, 2021. С. 213.

¹⁵⁹ Кудрявцев В. Н., Лукашова Е. А. Новое политическое мышление и права человека // Вопросы философии. 1990. №5. С. 4.

¹⁶⁰ Гельдибаев М. Х., Грызунова Е. В. Права человека в российском обществе и некоторые проблемы их обеспечения // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7 ноября 2017 г. / под ред. Б. П. Белозерова. СПб., 2017. С. 104.

как уважение и защиту прав человека»¹⁶¹.

Представляется обоснованным согласиться с позицией А.Г. Хабибулина и Г.Т. Чернобеля, которые подчеркивают, что охранно-защитная функция является одной из базовых в системе целей и задач государства. Через реализацию этой функции государство обязано обеспечивать правовыми средствами защиту прав и свобод граждан, выступать гарантом общественного блага и носителем ответственности за его сохранение. Как справедливо отмечают указанные авторы, если государство утрачивает способность или отказывается от выполнения своей фундаментальной роли по обеспечению охраны прав человека и защиты общественных интересов, тем самым ставится под сомнение не только эффективность его функционирования, но и сама целесообразность его существования как института публичной власти¹⁶².

В системе правового регулирования существует неразрывная связь между правами и обязанностями, обусловленная необходимостью согласования интересов личности, общества и государства. Эта взаимозависимость носит системный характер: реализация прав одного субъекта возможна только при условии добросовестного исполнения обязанностей другими участниками правоотношений. Таким образом, исполнение обязанностей не только реализует волю государства, но и одновременно является механизмом обеспечения прав иных субъектов. Когда лицо надлежащим образом исполняет свои обязанности, оно тем самым формирует основание для требования аналогичного поведения от других участников правовой коммуникации.

Согласно позиции С.В. Игнатъевой, Н.Ю. Вашкович и Ф.Х. Галиева, юридическая обязанность представляет собой установленный законом круг действий, обязательных для совершения¹⁶³. В этом контексте обязанность

---

¹⁶¹ Старовойтова О. Э., Чудин-Курган Ф. О. Права человека: философские основы и правовые аспекты // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 9. С. 155.

¹⁶² Хабибулин А. Г., Чернобель Г. Т. Интересы государства и его охранно-защитная функция // Журнал российского права. 2008. № 5(137). С. 23.

¹⁶³ Игнатъева С. В., Вашкович Н. Ю., Галиев Ф. Х. Теоретические аспекты привлечения должностных лиц к юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3(69). С. 126.

выступает как мера необходимого поведения, предписанная субъекту в рамках правового порядка и служащая гарантом стабильности и предсказуемости общественных отношений.

К юридическим обязанностям тесно примыкает институт правовых запретов, который, по справедливому мнению К. Б. Толкачева и А. Г. Хабибулина, направлен на охрану наиболее значимых аспектов правового положения личности. В то же время, несмотря на их охранительную функцию, правовые запреты не входят непосредственно в содержание самого правового статуса, а функционируют как внешний механизм его обеспечения и пределов реализации¹⁶⁴.

Проведенный анализ категории правового статуса личности позволяет охарактеризовать ее как сложную, интегративную правовую конструкцию, отражающую многоуровневую систему взаимоотношений индивида как с другими участниками правоотношений, так и с государством. Эти взаимоотношения опосредуются нормами, закрепляющими субъективные права, юридические обязанности, ограничения прав, а также предполагают наличие у личности правосубъектности – способности самостоятельно приобретать и реализовывать права, принимать и исполнять обязанности, а также нести юридическую ответственность за противоправное поведение. В совокупности такие элементы формируют правовое положение субъекта в правовом пространстве.

В теории права различают три уровня правового статуса: общий, специальный и индивидуальный¹⁶⁵.

Общий правовой статус представляет собой универсальную для всех граждан систему прав, свобод и обязанностей, закрепленную, как правило, в конституционно-правовых актах. Он выступает нормативной основой юридического равенства и включает те юридические возможности и обязанности,

---

¹⁶⁴ Актуальные проблемы теории права: Курс лекций / под ред. К. Б. Толкачева, А. Г. Хабибулина, Уфимская высшая школа МВД РФ. Уфа, 1995. С. 130.

¹⁶⁵ Лазарев В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 5-е изд., испр. и доп. М., 2025. С. 240–241.

которые распространяются на каждого гражданина вне зависимости от его социального происхождения, возраста, пола, профессиональной принадлежности или иных индивидуальных характеристик¹⁶⁶. Такой статус обладает надгрупповым характером и служит фундаментом правового положения личности в государстве.

Специальный (или родовой) правовой статус формируется как производный от общего, адаптируясь к особенностям конкретной социальной или профессиональной группы. Он отражает нормативное закрепление специфических прав, обязанностей и ролей, вытекающих из участия индивида в определенных общественных отношениях, урегулированных правом¹⁶⁷. Особенность специального статуса заключается в наличии дополнительных прав и обязанностей, обусловленных принадлежностью к конкретной группе.

Индивидуальный правовой статус – это наиболее конкретизированный уровень правового положения субъекта, отражающий его персонализированное место в обществе и государственно-правовой системе¹⁶⁸. Он охватывает совокупность прав, свобод и обязанностей, которые закреплены за конкретным лицом, исходя из его биографических, социальных и юридических характеристик.

Правовой статус военнослужащих относится к разновидности специального правового статуса и формируется в связи с особым правовым режимом военной службы. Его нормативная основа определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹⁶⁹, Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹⁷⁰», иными федеральными законами и подзаконными нормативными правовыми актами. В рамках государственной службы особое место занимает статус военнослужащих войск национальной

---

¹⁶⁶ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 448 с.

¹⁶⁷ Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 276.

¹⁶⁸ Анохин Ю. В., Сидоров В. Г. Правовое положение личности в Российской Федерации: монография. Барнаул, 2013. С. 9.

¹⁶⁹ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

¹⁷⁰ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

гвардии Российской Федерации, в котором наряду с гарантиями закрепляются специфические правовые ограничения, функционально связанные с задачами обеспечения государственной и общественной безопасности, дисциплиной и повышенной ответственностью. Эти ограничения выражаются в установленных законом пределах осуществления отдельных конституционных прав и свобод и допускаются лишь в объеме, необходимом для достижения легитимных целей.

Правовые ограничения военнослужащих Росгвардии обладают следующими особенностями: имеют строго легальный характер (вводятся только федеральным законом); обусловлены публично-служебной природой военной службы; обеспечивают приоритет публичных интересов над частными; подлежат толкованию с соблюдением принципов соразмерности и правовой определенности.

Система правового регулирования ограничений прав военнослужащих Росгвардии базируется на совокупности нормативных актов различной юридической силы. В дополнение к ранее перечисленным, включает в себя Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹⁷¹, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹⁷², а также ведомственные приказы Росгвардии. Данные нормативные акты образуют целостную правовую основу регулирования ограничений, вводимых в отношении военнослужащих Росгвардии, отражая как общие принципы публичной службы, так и особенности деятельности данного силового ведомства.

Специфика регулирования ограничений прав и свобод военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации обусловлена необходимостью установления ясных и предсказуемых пределов осуществления отдельных конституционных прав с учетом особого правового режима военной службы. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации ограничения

---

¹⁷¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

¹⁷² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

прав и свобод допускаются исключительно федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, ограничения, закрепленные в российском законодательстве применительно к военнослужащим, могут рассматриваться как конституционно оправданные при соблюдении критериев законности, легитимной цели и соразмерности.

В правовой доктрине выработаны базовые принципы определения допустимых пределов ограничения прав и свобод личности в целях обеспечения государственной безопасности. Эти принципы актуальны и при регулировании правовых ограничений военнослужащих как особой категории государственных служащих.

Во-первых, закрепляется положение о том, что существует определенная группа абсолютных прав человека, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах, включая ситуацию угрозы государственной безопасности. К числу таких прав традиционно относят право на жизнь, свободу от пыток и бесчеловечного обращения, право на достоинство личности. Даже в условиях чрезвычайного положения данные права сохраняют свою юридическую силу и охраняются государством.

Во-вторых, при решении вопроса о введении правовых ограничений в отношении прав и свобод необходимо наличие достаточных и объективно обоснованных доказательств невозможности достижения целей обеспечения безопасности иными средствами. Ограничение допустимо лишь в случае, если иными правовыми инструментами невозможно эффективно обеспечить охраняемый публичный интерес. Перед введением ограничения государственный орган обязан также провести предварительную оценку возможных негативных последствий применения подобных мер, включая их социальные, политические и экономические последствия.

В-третьих, при наличии альтернативных правовых средств, которые позволяют обеспечить защиту безопасности государства без ограничения прав

и свобод либо с их меньшим ограничением, предпочтение должно отдаваться именно таким мерам. Законодатель при этом обязан учитывать принцип минимального вмешательства в сферу прав и свобод личности, добиваясь защиты государственного интереса с наименьшими издержками для правового положения граждан¹⁷³.

Специфика правового режима военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации обуславливает установление особых пределов осуществления отдельных конституционных прав и свобод военнослужащих. Такие ограничения имеют общий характер и применяются ко всем военнослужащим данной категории независимо от воинского звания и занимаемой должности.

Правовые ограничения затрагивают различные аспекты их правового статуса и обусловлены характером выполняемых ими обязанностей. Эти ограничения могут быть систематизированы в две основные группы – общую и специальную. Общая группа охватывает ограничения, вытекающие из статуса военнослужащего и действующие независимо от конкретных условий выполнения задач. Они затрагивают, прежде всего, политическую экономическую и социальную сферы. Специальная группа включает режимно-функциональные ограничения, обусловленные особым правовым режимом военной службы и условиями выполнения служебно-боевых задач, направленные на обеспечение непрерывности службы, устойчивости управления и соблюдения дисциплинарной вертикали.

Далее представляется необходимым перейти к рассмотрению ограничений политической сферы как центрального элемента общей группы. Сфера политических прав и свобод военнослужащих является одной из наиболее чувствительных с точки зрения правового регулирования, поскольку здесь наиболее четко проявляется необходимость обеспечения баланса между правами личности и публичными интересами государства. Необоснованное

---

¹⁷³ Свининых Е.А., Яковлев М.А. Обеспечение безопасности государства как законная цель ограничения прав и свобод человека // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 3. С.79-90.

введение чрезмерных ограничений в данной области способно привести к отчуждению военнослужащих от гражданского общества, формированию изолированной корпоративной группы, снижению уровня их интеграции в общественную жизнь, что в долгосрочной перспективе может иметь негативные последствия как для правопорядка, так и для функционирования государственной власти в целом.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации военнослужащие сохраняют активное избирательное право, однако реализация их политических прав в целом осуществляется с учетом установленных законом ограничений, обусловленных особым правовым режимом военной службы. Так, Арбузов А.И. и Ломакина И.Г., анализируя особенности реализации политических прав военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации, считают, что указанные военнослужащие фактически отстранены от участия в политической жизни общества¹⁷⁴. В частности, они указывают на невозможность реализации пассивного избирательного права, включая избрание в законодательные (представительные) органы. Такая правовая конструкция, по их мнению, противоречит положениям статьи 32 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет право каждого гражданина избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, не делая исключений для военнослужащих.

Однако, в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие вправе избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления. Закон не содержит прямого запрета на реализацию пассивного избирательного права, а лишь устанавливает, что участие военнослужащего в выборах в качестве кандидата требует его освобождения от исполнения служебных обязанностей на период предвыборной кампании. Таким образом, право быть избранным военнослужащими сохраняется, хотя и реализуется с учетом их особого правового

---

¹⁷⁴ Арбузов А.И., Ломакина И.Г. Особенности реализации политических прав военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации // Human Progress. 2024. Том 10, Вып. 10. С. 1–11.

статуса и установленного порядка. Следовательно, тезис о полной недопустимости участия военнослужащих в политической жизни не имеет правового основания и представляет собой чрезмерное обобщение, не отражающее реального состояния нормативного регулирования.

Учитывая специфику военной службы, участие военнослужащих в политической деятельности подлежит ограничению в целях обеспечения нейтралитета и недопущения их вовлечения в политическую борьбу. С этой целью законодательством установлен ряд запретов, направленных на ограждение от влияния политических партий, включая запрет на членство в них, участие в их деятельности и использование служебного положения в политических интересах. Так, в силу положений статьи 24 Федерального закона «Об обороне» запрещается на территориях воинских частей, соединений и учреждений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях: а) деятельность политических партий, а также других общественных объединений, преследующих политические цели, а также образование их структур; б) проведение политической агитации, в том числе предвыборной; в) использование штатных должностей и финансовых средств для создания структур и осуществления деятельности политических партий, а также других общественных объединений, преследующих политические цели¹⁷⁵. Статья 62 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» дополнительно запрещает проведение предвыборной агитации и распространение агитационных материалов в воинских частях, военных учреждениях и организациях¹⁷⁶. При этом командование воинских частей обязано обеспечить информирование военнослужащих о зарегистрированных избирательных объединениях, блоках и кандидатах. Участвовать во встречах с кандидатами и в иных предвыборных мероприятиях военнослужащие вправе только в свободное от службы время

---

¹⁷⁵ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

¹⁷⁶ Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

и за пределами воинских частей.

Следует отметить, что, несмотря на обладание активным и пассивным избирательным правом, военнослужащие в силу запрета заниматься иной оплачиваемой деятельностью фактически лишены возможности совмещать прохождение военной службы и исполнение полномочий депутата или иного выборного должностного лица. Данный запрет вытекает из системного толкования положений Федерального закона «О статусе военнослужащих» и статьи 45 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». В случае избрания военнослужащего депутатом Государственной Думы, законодательных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления или назначения его на должность главы муниципального образования, прохождение военной службы приостанавливается, контракт о прохождении военной службы прекращается на весь срок осуществления указанных полномочий. Указанная норма обусловлена необходимостью соблюдения принципа разделения властей, исключающего совмещение функций народного представительства и прохождения военной службы, поскольку военнослужащий относится к категории федеральных государственных служащих.

Также стоит обратить внимание на ограничение активного избирательного права для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву¹⁷⁷, устанавливаемое пунктом 5 статьи 17 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: они не вправе участвовать в выборах в органы местного самоуправления, если их место жительства до призыва не находилось на территории соответствующего муниципального образования¹⁷⁸. Аналогичная правовая конструкция применяется и в отношении курсантов военно-учебных

---

¹⁷⁷ Какителашвили М. М. Мониторинг избирательного законодательства: тенденция к ограничению избирательных прав граждан // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4(33). С. 41–45.

¹⁷⁸ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

заведений, заключивших контракт о прохождении военной службы и сохраняющих регистрацию по месту жительства вне территории муниципального образования, в котором они фактически проходят обучение и несут службу¹⁷⁹. Такое ограничение вызывает обоснованные сомнения с точки зрения соответствия демократическим принципам, закрепленным в Конституции Российской Федерации. Военнослужащие фактически проживают, несут службу и включены в социальную инфраструктуру данного муниципального образования, при этом решения местных властей напрямую затрагивают условия их быта, питания, размещения, доступа к коммунальным и культурным услугам. Исключение их из числа избирателей на местном уровне деформирует принцип участия в управлении делами территориального сообщества и влечет ограничение одного из важнейших проявлений народовластия, снижая степень легитимности принимаемых решений.

Наряду с ограничениями, затрагивающими участие в избирательных процедурах, существенное значение имеют ограничения, направленные на обеспечение политической нейтральности военной службы и недопущение вовлечения военнослужащих в деятельность организаций, способную повлиять на исполнение ими служебных обязанностей. В этом контексте законодательство допускает участие военнослужащих в деятельности общественных объединений, не имеющих политической направленности, при условии, что такое участие осуществляется вне исполнения служебных обязанностей. Одновременно установлен запрет на использование статуса военнослужащего и предоставленных полномочий в интересах политических партий, общественных либо религиозных организаций, а также на публичное распространение оценочных суждений, формирующих положительное или отрицательное отношение к указанным объединениям. При исполнении служебных обязанностей военнослужащие обязаны руководствоваться исключительно законодательством Российской Федерации и не могут подчиняться воле либо решениям каких-либо

---

¹⁷⁹ Вискулова В.В. Избирательные права военнослужащих: история вопроса и современные сложности реализации // Государство и право. 2019. № 8. С. 31–42.

политических, общественных или иных структур.

Допускается возможность объединения военнослужащих в профессиональные союзы, однако в настоящее время отсутствует специальный федеральный закон, определяющий их правовой статус, порядок создания и функционирования, а также пределы осуществления соответствующих правомочий в условиях военной службы. В силу особого правового режима военной службы положения общего законодательства о профессиональных союзах применимы к военнослужащим в ограниченном объеме и постольку, поскольку они не вступают в противоречие со специальными нормами, регулирующими прохождение службы и требования служебной дисциплины.

Тем самым действующая система ограничений в политической сфере ориентирована на обеспечение политической нейтральности военнослужащих, предотвращение конфликта служебных и внешних (в том числе политических) интересов и поддержание конституционных принципов организации публичной власти. В конечном счете указанные ограничения направлены на сохранение устойчивости и беспристрастности исполнения задач военной службы, а также на укрепление доверия к государственным институтам, обеспечивающим безопасность и правопорядок.

Наряду с ограничениями в политической сфере законодательство Российской Федерации предусматривает специальные ограничения, затрагивающие экономические права военнослужащих. Эти ограничения включают, во-первых, запреты и условия, связанные с участием военнослужащих в трудовой и предпринимательской деятельности вне службы, и, во-вторых, установление особых правил распоряжения отдельными имущественными правами и активами, что связано с требованиями служебной дисциплины, предотвращением конфликта интересов и обеспечением надлежащего исполнения обязанностей военной службы.

Право на свободный выбор рода занятий, профессии и способов реализации трудовой активности относится к числу базовых прав и свобод личности и составляет важный элемент общего правового статуса гражданина. Ограничение

данного права затрагивает сферу частных интересов и допустимо лишь при наличии конституционно значимых оснований и соблюдении критериев законности и соразмерности. В условиях военной службы такими основаниями выступают потребности обеспечения обороны и безопасности государства, правопорядка и надежности функционирования военной организации. Военная служба как особый вид государственной службы предполагает повышенные требования к дисциплине, подчиненности и постоянной готовности к выполнению задач, что объективно ограничивает возможность вовлечения военнослужащих в сторонние экономические и профессиональные активности.

Статья 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» устанавливает категорический запрет на осуществление военнослужащими какой-либо оплачиваемой деятельности как в пределах служебного времени, так и за его рамками. Указанное ограничение предполагает недопустимость заключения трудовых договоров, гражданско-правовых соглашений, а также выполнения любой работы по найму в коммерческих, государственных или иных организациях, за исключением прямо предусмотренных законом случаев. Данный нормативный запрет представляет собой правовую реализацию принципа полной занятости военнослужащего служебными обязанностями и подчеркивает исключительную значимость неразрывной связи между статусом военнослужащего и исполнением возложенных на него функций по обеспечению обороноспособности государства. Поскольку военная служба носит непрерывный характер с момента поступления до момента увольнения, соответствующие ограничения распространяются как на рабочее, так и на свободное время военнослужащих.

В то же время действующее законодательство предусматривает возможность для военнослужащих осуществлять научную, преподавательскую и иную творческую деятельность, при условии, что она не вступает в противоречие с выполнением ими обязанностей военной службы. Реализация данной возможности вытекает из конституционного права каждого на свободу творчества, научного поиска и педагогической деятельности. Закон не содержит

жестких ограничений в отношении форм участия военнослужащих в подобной деятельности, допуская как заключение трудовых договоров, так и оформление соответствующих гражданско-правовых соглашений, Контроль за соблюдением указанного условия возлагается на командование воинской части, которое вправе отказать в разрешении на осуществление данных видов деятельности при наличии угрозы нарушения служебной дисциплины или отвлечения военнослужащего от исполнения обязанностей.

Запрет на участие в предпринимательской деятельности представляет собой одно из ключевых звеньев системы экономических ограничений, установленных в отношении военнослужащих. Согласно действующим правовым нормам, лицам, проходящим военную службу, недопустимо осуществлять предпринимательскую деятельность как от собственного имени, так и опосредованно – через третьих лиц, а также участвовать в управлении хозяйственными обществами и иными коммерческими структурами. Кроме того, запрещается использовать служебное положение в целях извлечения выгод, связанных с бизнесом. Допустимым такое участие может быть признано лишь в исключительных случаях, когда функции по управлению соответствующим субъектом прямо отнесены к кругу служебных обязанностей военнослужащего.

Дальнейшее развитие ограничений в экономической сфере связано с запретом военнослужащим оказывать содействие физическим и юридическим лицам в получении имущественных выгод посредством использования своего служебного положения, например, издавая распоряжения, создавая благоприятные условия для предоставления имущества, льготного предоставления услуг и иного неправомерного влияния на хозяйственную деятельность.

Нормами действующего законодательства предусмотрены специальные ограничения в части получения вознаграждений за деятельность, сопряженную с исполнением служебных функций. Военнослужащим запрещено принимать гонорары за публикации, публичные лекции и иные выступления, если их содержание прямо или опосредованно связано с осуществлением ими

служебных обязанностей. Вместе с тем получение вознаграждений допустимо в случае, если соответствующая деятельность носит творческий, научный или педагогический характер и осуществляется вне рамок исполнения военной службы.

Среди ключевых форм правовых ограничений, применяемых к военнослужащим, особое место занимает нормативное урегулирование вопросов имущественной прозрачности лиц, проходящих военную службу или претендующих на замещение должностей, включенных в перечень позиций, по которым установлена обязанность предоставления сведений о доходах, имуществе и имущественных обязательствах. Указанная обязанность распространяется не только на самих военнослужащих, но и на супругу (супруга) и несовершеннолетних детей, в отношении которых также подлежат раскрытию сведения о доходах, принадлежащем им имуществе и существующих имущественных обязательствах. При подготовке данной декларации субъект обязан учитывать, что его финансовые траты на приобретение различных материальных благ не могут превышать суммарный доход семьи за три предшествующих календарных года. В случае превышения этого порога возникает необходимость документально подтвердить легитимность источников денежных средств, оказавшихся в распоряжении декларанта¹⁸⁰. Соккрытие сведений, умышленное искажение данных либо неполное их представление неизбежно влечет юридические последствия, включая возможность досрочного прекращения военной службы по основанию утраты доверия. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что военнослужащие, призванные на сборы или проходящие службу по призыву, от обязанности по предоставлению подобных сведений освобождаются.

Военнослужащим запрещается получать от физических и юридических лиц вознаграждения и иные имущественные выгоды (в том числе подарки, денежные

---

¹⁸⁰ Приказ Росгвардии от 19 сентября 2022 г. № 327 «Об утверждении Порядка представления в войсках национальной гвардии Российской Федерации сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 12 октября 2022 г.

средства, займы, оплату развлечений, транспортных и иных расходов), если их предоставление обусловлено исполнением служебных обязанностей либо связано с использованием служебного положения. Допускается получение поощрений и наград, предусмотренных установленным порядком и нормативными актами, регулирующими прохождение службы (включая денежные премии и ценные подарки, предоставляемые в рамках ведомственной системы поощрения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации¹⁸¹).

Отдельным элементом экономических ограничений выступает запрет на осуществление служебных командировок за счет средств физических и юридических лиц, за исключением случаев, прямо предусмотренных международными договорами Российской Федерации или межгосударственными соглашениями. При этом законодатель не содержит прямого запрета на выезд военнослужащих за пределы Российской Федерации в личных целях, включая туристические поездки и отдых, однако подобные выезды регулируются специальным порядком допуска, установленным командованием.

Правовое регулирование порядка распоряжения имуществом, находящимся в собственности военнослужащего, также носит в определенной степени противоречивый характер. По сути, передача принадлежащего гражданину имущества во временное владение и пользование иным лицам на основании договора аренды (найма) представляет собой разновидность юридического действия, посредством которого собственник реализует принадлежащее ему право распоряжения объектом собственности. При этом данный акт сам по себе не содержит обязательных признаков, позволяющих квалифицировать его в качестве осуществления экономической деятельности в строгом смысле. Согласно положениям статьи 210 Гражданского кодекса Российской Федерации собственник несет обязанность по содержанию принадлежащего ему имущества

---

¹⁸¹ Приказ Росгвардии от 14 февраля 2017 г. № 50 «О ведомственных наградах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 1 марта 2017 г.

и оплате коммунальных услуг¹⁸², что предопределяет необходимость поддержания помещения в надлежащем состоянии независимо от того, используется ли оно самим собственником либо передается в аренду.

Действующее правовое регулирование не содержит запретов в отношении обладания военнослужащими несколькими объектами жилой недвижимости. Вместе с тем осуществление полномочий собственника, выражающееся в распоряжении такими объектами, требует особой правовой осторожности. В частности, при передаче свободного жилого помещения в аренду военнослужащий получает дополнительный доход, подлежащий налогообложению в соответствии с установленной ставкой налога на доходы физических лиц в размере 13%. Несмотря на то, что подобное использование имущества формально представляет собой реализацию конституционного права собственности, в отдельных случаях возникает риск квалификации этих действий как осуществления деятельности, не относящейся к военной службе.

При этом в соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации предпринимательская деятельность определяется как самостоятельная, осуществляемая на собственный риск деятельность, ориентированная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, допускаемую как с регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя, так и без нее. Получение же дохода от разовой или эпизодической сдачи жилого помещения в аренду при отсутствии признаков системности и предпринимательской инициативы не может расцениваться как предпринимательская деятельность.

Тем не менее, в правоприменительной практике военнослужащие нередко сталкиваются с ограничительным подходом, препятствующим полноценной реализации их имущественных прав. Такая правовая неопределенность влечет за собой необходимость несения дополнительных расходов, связанных

---

¹⁸² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

с содержанием принадлежащей недвижимости, и ставит военнослужащего в положение, в котором правомочия собственника фактически ограничены по причине его специального статуса.

С 2019 года на территории Российской Федерации реализуется в экспериментальном формате специальный налоговый режим, ориентированный на физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но получающих доход, подлежащий налогообложению. Введение данного режима обусловлено необходимостью урегулировать фискальные обязательства тех категорий граждан, которые по объективным причинам, включая статус государственных служащих и военнослужащих, не могут осуществлять официальную предпринимательскую деятельность. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» предоставляет таким лицам возможность оформить статус налогоплательщика, применяющего указанный режим, и уплачивать налог по сниженной ставке – 4% от суммы полученного дохода¹⁸³. Согласно пункту 7 статьи 2 данного закона, объектом налогообложения признаются доходы физических лиц, осуществляющих деятельность без привлечения работодателя и без заключения трудовых договоров с наемными работниками, а также доходы, полученные в результате использования имущества. Таким образом, доход, извлекаемый военнослужащим от сдачи в аренду принадлежащего ему жилого помещения, формально подпадает под определение профессионального дохода.

Однако указанная ситуация сопряжена с определенной правовой неопределенностью, заключающейся в отсутствии однозначного ответа на вопрос о возможности регистрации военнослужащего в качестве самозанятого лица с последующим применением льготной налоговой ставки. Часть 1 статьи 2 названного закона прямо указывает, что воспользоваться специальным налоговым режимом вправе физические лица и индивидуальные предприниматели,

---

¹⁸³ Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

осуществляющие деятельность в субъекте Российской Федерации, включенном в перечень регионов, участвующих в эксперименте. В соответствии со статьей 6 этого же закона, налогооблагаемыми признаются доходы от реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг и отчуждения имущественных прав.

Ограничения на применение режима налога на профессиональный доход изложены в части 2 статьи 4 и части 2 статьи 6 закона. В частности, пункт 4 части 2 статьи 6 закрепляет, что доходы, получаемые государственными и муниципальными служащими, не подлежат налогообложению по данному режиму, за исключением доходов от сдачи жилых помещений в аренду. Учитывая, что военная служба согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹⁸⁴ включается в структуру государственной службы, доходы военнослужащих подлежат аналогичной квалификации. Следовательно, реализация права собственности посредством предоставления жилья в аренду, не имеющая признаков предпринимательской деятельности, допустима и в отношении военнослужащих. В таком контексте указанные доходы могут облагаться налогом на профессиональный доход при соблюдении установленных условий, несмотря на специальный статус налогоплательщика.

При этом военнослужащие не включены в перечень категорий налогоплательщиков, которым запрещено применение рассматриваемого налогового режима применительно к доходам от передачи имущества в аренду. Вместе с тем в правоприменительной практике сохраняются случаи, когда сдача недвижимости в аренду рассматривается надзорными органами как форма систематического извлечения прибыли, что, по мнению отдельных должностных лиц, свидетельствует о ведении предпринимательской деятельности. Это обстоятельство порождает риск возникновения вопросов к военнослужащему относительно правомерности его налогового статуса, несмотря на отсутствие однозначного законодательного запрета.

---

¹⁸⁴ Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

Необходимо обратить внимание и на то, что в соответствии со статьей 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁸⁵. Военнослужащим Росгвардии запрещено получать в связи с исполнением должностных обязанностей: 1) подарки (кроме подарков, полученных в рамках протокольных мероприятий): сувениры, драгоценности, часы, предметы одежды, предметы искусства; 2) деньги: в виде премии от общественных организаций в рамках чествования знаменательных дат, празднования событий и государственных праздников; в виде сертификата, банковской карты, векселя или иной ценной бумаги за содействие органам государственной власти, местного самоуправления, а также общественных некоммерческих или коммерческих организаций, в том числе в виде перечисления на платформах пиринговых платежных систем (криптовалюта); в виде денежных средств, являющихся в соответствии с правовыми актами государственных, муниципальных органов и общественных организаций неотъемлемой частью «благодарности» или иного поощрения соответствующего должностного лица; 3) ссуды: в форме любого вида займа, в форме кредита, в форме товаров или денег в рассрочку; 4) услуги в натуральном виде (в том числе, оказываемые родственникам военнослужащего или сотрудника) например: в виде услуг косметолога, в виде услуг шиномонтажа или мойки автомобиля; в виде организации рыбалки или охоты, если таковые другим гражданам предоставляются за плату, в виде туристских услуг.

В случае нарушения указанных запретов военнослужащий Росгвардии привлекается к установленной законом юридической ответственности, а именно:

---

¹⁸⁵ Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

а) в соответствии с подпунктом «е.1» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы; б) в соответствии с пунктом 3.1 статьи 51.1 указанного Федерального закона при малозначительности коррупционного правонарушения к военнослужащему может быть применено дисциплинарное взыскание в виде выговора.

Таким образом, ограничения и запреты в экономической сфере направлены на обеспечение приоритетной ориентации военнослужащих на исполнение обязанностей военной службы, предотвращение конфликта интересов и коррупционных рисков, а также на поддержание добросовестности и беспристрастности служебной деятельности в соответствии с принципами государственной службы.

Среди элементов системы правовых ограничений, распространяющихся на военнослужащих, существенное место занимают ограничения в сфере публичной коммуникации и свободы совести. Их назначение связано с необходимостью поддержания воинской дисциплины, соблюдения принципа единоначалия и обеспечения нейтрального характера прохождения военной службы.

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» закрепляет прямые запреты, определяющие пределы публичной коммуникации военнослужащих. Так, в соответствии с п. 1 ст. 7 указанного закона военнослужащим запрещается обсуждать и критиковать приказы командиров (начальников). Для целей применения данного запрета публичными следует рассматривать такие высказывания и оценки, которые доводятся до неопределенного круга лиц, в том числе посредством выступлений на публичных мероприятиях, публикаций в средствах массовой информации, размещения материалов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (включая социальные сети и иные общедоступные ресурсы), а также иных форм распространения, обеспечивающих доступ третьих лиц к соответствующим суждениям. Указанное ограничение направлено на обеспечение единоначалия как организационно-правовой основы

воинской дисциплины и функционирования системы управления: публичное обсуждение приказов и действий командования способно нарушать установленный порядок служебной субординации и подрывать устойчивость управленческих связей в воинских коллективах.

Дополнительные ограничения связаны с обеспечением светского характера государственной службы и исключением использования служебного статуса для религиозной или антирелигиозной пропаганды. В частности, п. 2 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» устанавливает запрет на отказ от исполнения служебных обязанностей по мотивам отношения к религии, а также на использование служебных полномочий для пропаганды отношения к религиозным организациям. Тем самым законодатель фиксирует недопустимость подмены служебной мотивации конфессиональными предпочтениями.

Далее целесообразно перейти к рассмотрению специальной группы правовых ограничений. Специальную группу образуют нормы, обусловленные особым правовым режимом военной службы и условиями выполнения служебно-боевых задач. Их назначение состоит в обеспечении непрерывности службы, поддержании дисциплинарной вертикали и субординации, а также в сохранении устойчивости военного управления и функционирования военной организации в целом.

К числу ключевых ограничений данной группы относится запрет на участие военнослужащих в забастовках и иных формах коллективного прекращения исполнения служебных обязанностей как способа разрешения вопросов, связанных с прохождением военной службы. Так, согласно п. 3 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» участие военнослужащих в забастовках, равно как и иное прекращение исполнения ими служебных обязанностей в целях разрешения служебных споров, не допускается. Нормативное обоснование данного запрета связано с требованием непрерывного исполнения обязанностей военной службы независимо от наличия конфликтных ситуаций или несогласия с отдельными решениями командования: использование

забастовочных форм давления несовместимо с задачами обеспечения обороноспособности и функционирования системы управления, основанной на принципах единоначалия и дисциплины.

Прекращение исполнения обязанностей вследствие участия в забастовке либо аналогичных формах массового отказа от служебной деятельности способно создавать угрозы для устойчивости системы обеспечения безопасности и правопорядка, в силу чего соответствующие действия квалифицируются как противоправные. При этом запрет права на забастовку в отношении военнослужащих корреспондирует международно признанным подходам, допускающим более жесткие ограничения отдельных трудовых прав для лиц, выполняющих функции, связанные с обороной и безопасностью государства.

Одновременно исключение забастовки как средства коллективной защиты интересов компенсируется наличием специальных и общих правовых механизмов восстановления нарушенных прав военнослужащих. В частности, предусмотрен порядок подачи жалоб, регламентированный главой 5 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации; сохраняется возможность обращения в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Наряду с этим военнослужащие вправе обжаловать акты, решения и действия (бездействие) органов военного управления и должностных лиц в органы военной прокуратуры, а также в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. Тем самым запрет на участие в забастовках не означает исключения механизмов правовой защиты, а перераспределяет их в формы, совместимые с режимом непрерывности военной службы.

Наряду с ограничениями, обеспечивающими непрерывность службы, специальная группа включает режимные ограничения информационного характера, связанные с охраной сведений ограниченного доступа и регламентацией публичных коммуникаций военнослужащих. В соответствии со ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим запрещается разглашать сведения, составляющие государственную тайну, а также

сведения, относимые к служебной тайне (информации в сфере обороны, е составляющей государственную тайну, но ограниченной в распространении). Нарушение указанных запретов влечет юридическую ответственность, включая уголовно-правовую, – в зависимости от характера и последствий разглашения. При этом внесенные в 2021 году изменения уточнили содержание режима служебной тайны в области обороны, распространив требования конфиденциальности на более широкий круг сведений, к которым военнослужащие получают доступ в связи с исполнением служебных обязанностей¹⁸⁶.

В целях обеспечения информационной безопасности законодательством установлены дополнительные ограничения, касающиеся размещения материалов в средствах массовой информации и распространения сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В частности, изменения 2019 года закрепили запрет на размещение в сети «Интернет» и передачу в средства массовой информации сведений, связанных со служебной деятельностью, включая данные о составе, местоположении и передвижении, вооружении, участии в вооруженных конфликтах и специальных операциях, контингентах и иных обстоятельствах, относящихся к деятельности вооруженных сил.

Дополнительно предусмотрены ограничения, связанные с использованием технических средств, обеспечивающих фото-, видео- и аудиозапись, передачу данных в сеть «Интернет», а также определение и передачу информации о геолокации. Установленный режим распространяется на использование мобильных телефонов, планшетов и иных устройств, обладающих функционалом съемки и сетевого обмена данными, включая случаи их личного использования в связи с прохождением службы. Нарушение данных требований квалифицируется как грубый дисциплинарный проступок и влечет дисциплинарную

---

¹⁸⁶ Приказ Росгвардии от 27 декабря 2021 г. № 480 «Об утверждении Перечня сведений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2 февраля 2022 г.

ответственность, вплоть до досрочного увольнения с военной службы.

В составе специальных ограничений выделяются меры, направленные на предупреждение конфликта интересов и исключение зависимости военнослужащего от внешних субъектов. К их числу относится запрет на принятие иностранных наград и званий без специального разрешения. Так, в соответствии с п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим запрещено принимать ордена, звания, знаки отличия и иные формы поощрения, присуждаемые иностранными государствами и международными организациями, без предварительного одобрения Президента Российской Федерации. Указанное ограничение призвано исключить ситуации, в которых получение иностранного поощрения может создать риск конфликта лояльности и повлиять на беспристрастность исполнения служебных обязанностей.

Вместе с тем регулирование указанного запрета демонстрирует тенденцию к более дифференцированному подходу. Федеральным законом от 26 февраля 2024 г. № 33-ФЗ внесены изменения, затрагивающие сферу профессиональной спортивной деятельности военнослужащих и приравненных к ним лиц. В частности, закреплена возможность получения дохода от участия в спортивных соревнованиях при условии включения лица в перечень кандидатов в спортивные сборные команды Российской Федерации и при соблюдении требований, исключающих нарушение режима прохождения службы, препятствование исполнению должностных обязанностей либо связь спортивной активности с выполнением служебных функций. Тем самым сформулирована специальная оговорка, позволяющая совмещать статус военнослужащего с участием в спорте высших достижений без ущерба для служебной дисциплины. Дополнительно уточнен порядок принятия спортивных наград: военнослужащим предоставлена возможность принимать соответствующие награды от иностранных государств и международных организаций без необходимости предварительного согласования с Президентом Российской Федерации. Порядок принятия в войсках национальной гвардии Российской Федерации почетных и специальных званий

(кроме научных), наград иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений, в том числе религиозных, и других организаций утвержден приказом Росгвардии от 24 июля 2017 г. № 234¹⁸⁷. В соответствии с которым принятие возможно только в случае, когда должностные обязанности военнослужащего предусматривали взаимодействие с этими организациями, с письменного разрешения директора Росгвардии.

В целом обозначенные изменения иллюстрируют подход, при котором сохраняются базовые гарантии защиты интересов государственной службы (включая антикоррупционную направленность и требования независимости), но одновременно устраняются избыточные ограничения, препятствующие реализации профессиональной деятельности в строго определенных законом пределах. Это позволяет говорить не о снятии запрета как таковом, а о его уточнении и структурировании через исключения, обусловленные характером соответствующей деятельности и ее несвязанностью с исполнением служебных функций.

Наряду с ограничениями, ориентированными на предотвращение внешнего влияния, в системе правовых ограничений военнослужащих закреплены меры, адресованные внутренним кадрово-управленческим рискам и требованиям служебной субординации. Одной из таких мер является ограничение, касающееся совместного прохождения службы близкими родственниками при наличии отношений подчиненности.

В целях предупреждения конфликта интересов и исключения формирования личной зависимости в служебных взаимоотношениях специальным регулированием предусмотрен запрет на совместное прохождение службы близкими родственниками в условиях прямой подчиненности либо служебной зависимости. Так, согласно подп. «з» п. 10 ст. 11 Положения о порядке

---

¹⁸⁷ Приказ Росгвардии от 24 июля 2017 г. № 234 «Об утверждении Порядка принятия в войсках национальной гвардии Российской Федерации почетных и специальных званий (кроме научных), наград иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений, в том числе религиозных, и других организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 17 августа 2017 г.

прохождения военной службы военнослужащим, состоящим между собой в близком родстве (родители, супруги, дети, родные братья и сестры, а также соответствующие родственники со стороны супругов), не допускается проходить военную службу в одной воинской части при наличии между ними отношений прямой подчиненности или служебной зависимости. При этом регулирование не исключает прохождение службы близкими родственниками в пределах одного военного округа либо иного объединения при отсутствии указанных отношений. Тем самым рассматриваемое ограничение носит адресный и целевой характер: оно направлено на предотвращение злоупотребления служебным положением, обеспечение объективности кадровых решений и поддержание управленческой беспристрастности при организации службы и дисциплины в воинском коллективе.

Наряду с кадрово-управленческими ограничениями в правовом статусе военнослужащих закреплены режимные ограничения, обусловленные требованиями безопасности и охраны сведений ограниченного доступа, в том числе затрагивающие свободу передвижения. Статья 27 Конституции Российской Федерации закрепляет за гражданами право на свободу передвижения, включая возможность выбора места пребывания и жительства, а также свободного выезда за пределы страны. Однако реализация данного права в отношении военнослужащих, допущенных к сведениям, составляющим государственную тайну, подлежит определенным ограничениям. Объем и характер таких ограничений зависят от уровня допуска к секретной информации. В отношении лиц, имеющих доступ к сведениям, отнесенным к категории «особой важности» или «совершенно секретных», применяется наиболее строгий режим: законом установлен пятилетний запрет на выезд за пределы Российской Федерации, исчисляемый с момента ознакомления с указанной информацией¹⁸⁸. Кроме того, предусмотрена возможность продления данного срока по решению Межведомственной комиссии, но не более чем до общего срока в десять лет.

---

¹⁸⁸ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

Дополнительная регламентация вопросов передвижения военнослужащих осуществляется в подзаконных актах, в том числе ведомственного характера, посредством установления перечней иностранных государств, посещение которых допускается в период нахождения в очередном отпуске. В целом свобода перемещения военнослужащего ограничивается и в пределах территории гарнизона: вопрос о возможности покидания гарнизона в период исполнения обязанностей по контракту решается командиром воинской части с учетом требований поддержания боеготовности подразделения и соблюдения режима секретности.

Отдельные ограничения затрагивают реализацию права военнослужащих на образование и связаны с режимом прохождения военной службы. Обучение в гражданских образовательных организациях допускается для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, как правило, в заочной либо очно-заочной форме; для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, получение образования в гражданских образовательных учреждениях на период службы не предусмотрено. Указанные ограничения обусловлены необходимостью обеспечения приоритетного исполнения обязанностей военной службы и объективной сложностью совмещения режима службы с очной формой обучения, предполагающей регулярное очное участие в образовательном процессе.

Наряду с этим специфика режима служебного времени военнослужащих выражается в возможности привлечения к исполнению обязанностей сверх установленной продолжительности служебного времени при проведении отдельных мероприятий, перечень которых утверждается приказом Росгвардии¹⁸⁹. Такие положения отражают режимный характер военной службы и направлены на обеспечение готовности к выполнению задач в условиях изменяющейся

---

¹⁸⁹ Приказ Росгвардии от 26 ноября 2018 г. № 600 «Об утверждении Перечня мероприятий, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 13 декабря 2018 г.

оперативной обстановки.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что правовые ограничения, действующие в отношении военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, обусловлены спецификой их правового статуса как специального субъекта права и обладают внутренней системностью, что позволяет представить их в виде двух основных групп – общей и специальной. Общая группа охватывает ограничения, вытекающие из статуса военной службы и затрагивающие прежде всего политическую и экономическую сферы, а также сферу публичной коммуникации и свободы совести: требования политической нейтральности и связанные с ними пределы участия в политической деятельности; экономические запреты и антикоррупционные требования, ориентированные на предупреждение конфликта интересов и исключение предпринимательской (коммерческой) активности; пределы публичных высказываний военнослужащих и запреты, исключающие использование служебного статуса в религиозной/антирелигиозной пропаганде и отказ от обязанностей по мотивам религии.

Специальная группа включает ограничения, обусловленные особым правовым режимом военной службы и условиями выполнения служебно-боевых задач, а также требованиями безопасности, служебной независимости и дисциплины: запрет участия в забастовках и иных формах прекращения исполнения служебных обязанностей; режимные ограничения информационного характера, связанные с охраной сведений ограниченного доступа и информационными взаимодействиями в СМИ и сети «Интернет» (включая запреты на разглашение государственной и служебной тайны, ограничения на размещение сведений о служебной деятельности, а также требования, касающиеся использования технических средств фото-, видео- и аудиофиксации, передачи данных и геолокации); ограничения, связанные с принятием иностранных наград и званий; меры по предотвращению служебной зависимости при совместном прохождении службы близкими родственниками; режимные ограничения свободы передвижения при наличии допуска к сведениям, составляющим

государственную тайну, а также в пределах гарнизона; особенности реализации права на образование; специфика режима служебного времени. Реализация обозначенной системы ограничений обеспечивается организационно-правовыми мерами и установленными порядками (согласования, допуски, специальные режимы), внутриорганизационным контролем со стороны командования и применением мер юридической ответственности за нарушения, что ориентировано на поддержание дисциплины, единоначалия и законности в повседневной служебной деятельности.

2.2. Правовые стимулы военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации: содержание, формы и особенности реализации

Рассмотренные ранее теоретико-правовые основы правового стимулирования позволяют перейти к анализу специфики его реализации в условиях военной службы. Общие закономерности формирования стимулов, выявленные общей теорией права, в войсках национальной гвардии Российской Федерации приобретают особое наполнение, обусловленное задачами обеспечения внутренней безопасности, поддержания правопорядка и охраны стратегических объектов. Здесь правовое стимулирование выступает инструментом, тесно связанным с воинской дисциплиной, готовностью к выполнению служебно-боевых задач и морально-психологическим состоянием личного состава. Указанная специфика особенно ярко проявляется в период проведения специальной военной операции (СВО), потребовавшей коррекции многих правовых норм. В этих условиях система правовых стимулов трансформируется и дополняется особыми мерами, что требует комплексного рассмотрения содержания, форм и особенностей стимулирования военнослужащих Росгвардии.

В системе правового регулирования службы войск национальной гвардии

Российской Федерации правовые стимулы представляют собой комплекс поощрительных и обеспечительных средств, закрепленный в нормах права и направленный на поддержание устойчивой служебной мотивации, надлежащего уровня дисциплины и профессиональной результативности. Стимулирование одновременно формирует условия для прохождения военной службы, социально-правовой защищенности и перспектив профессионального становления, что в совокупности обеспечивает формирование и поддержание требуемых государством качеств специального субъекта права. Методологически значимо, что система стимулов реализуется не изолированно, а в диалектическом единстве с правовыми ограничениями: последние задают пределы допустимого и обеспечивают режим законности, тогда как стимулы ориентируют военнослужащего на позитивную модель поведения и подкрепляют социально одобряемые результаты служебной деятельности.

Как элемент системы правового стимулирования военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации правовой стимул может быть определен как предусмотренная нормативными актами мера поощрительного характера, применяемая в целях адресного воздействия на служебное поведение военнослужащего и ориентированная на обеспечение добросовестного исполнения обязанностей и достижения установленных результатов службы. Специфика военной службы предопределяет то, что такие стимулы, в отличие от гражданско-правовой сферы, где они зачастую связаны преимущественно с экономическими либо социальными параметрами, приобретают усиленную дисциплинарно-мотивационную направленность и функционируют в тесной связке с целями обеспечения правопорядка, управляемости и боевой готовности. Их назначение сводится не только к материальному вознаграждению, но и к институционализированному признанию заслуг, поддержанию морально-психологической устойчивости личного состава, укреплению ценностных оснований службы, включая верность военной присяге и служебному долгу.

Нормативная основа правового стимулирования военнослужащих носит многоуровневый характер. На конституционном уровне закрепляется обязанность

защиты Отечества (ст. 59 Конституции Российской Федерации), что задает публично-правовую рамку для особого статуса военнослужащего и вытекающих из него гарантий и механизмов поощрения. На федеральном уровне ключевые параметры стимулирования опосредуются нормами Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ и Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ, которые, формируя правовой статус военнослужащих, предусматривают основания и виды поощрений, общие требования к порядку их применения и гарантии защиты прав военнослужащих. Конкретизация осуществляется также посредством уставов и иных регламентирующих актов, включая положения о присвоении воинских званий, награждении и предоставлении льгот и компенсаций. На подзаконном (ведомственном) уровне соответствующие положения детализируются приказами директора Росгвардии, инструкциями и иными актами, закрепляющими процедурные требования к применению поощрений, порядку осуществления выплат и предоставлению жилищных и иных гарантий. В результате правовые стимулы интегрируются в целостную систему нормативного регулирования, обеспечивающие единообразие подходов к мотивации военнослужащих при одновременном соблюдении требований законности и процессуальной определенности.

Опираясь на предложенную в теоретической части классификацию стимулов по характеру воздействия, применительно к служебно-боевой деятельности военнослужащих Росгвардии можно отметить, что материально-экономические стимулы реализуются через систему денежного довольствия и иных выплат; морально-психологические – через нематериальные меры поощрения; социально-статусные – преимущественно через комплекс социальных гарантий, льгот и компенсаций, обусловленных специальным статусом военнослужащего. В прикладном плане это дает основание систематизировать правовые стимулы на три группы: материальные стимулы, нематериальные (морально-психологические) стимулы и социально-правовые гарантии, льготы и компенсации. Указанная группировка корреспондирует фактической структуре действующих поощрительных и обеспечительных механизмов, закрепленных

в нормах о денежном довольствии, надбавках и премировании, о жилищном и медицинском обеспечении, а также в процедурах защиты прав военнослужащих, и тем самым задает логику последовательного раскрытия содержания и особенностей каждой группы, включая специальные меры, актуализированные в период СВО.

Материальные стимулы представляют собой закрепленную в законодательстве и ведомственных актах систему денежных выплат, надбавок, компенсаций и иных мер материального обеспечения, направленных на вознаграждение за исполнение служебных обязанностей, учет условий прохождения службы, а также формирование долгосрочной заинтересованности в продолжении военной карьеры. Их нормативное регулирование основывается на положениях Федеральных законов: «О статусе военнослужащих», «О войсках национальной гвардии РФ», «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», а также принятых в их развитие правовых актах Правительства РФ и приказах Росгвардии. Денежное довольствие военнослужащих является центральным элементом материальных стимулов. Оно представляет собой регулярное денежное вознаграждение, выплачиваемое государством в установленных размерах в соответствии с занимаемой должностью, воинским званием и иными факторами, отражающими количество и качество воинского труда. Денежное довольствие рассматривается одновременно как основное средство материального обеспечения военнослужащих и ключевой инструмент стимулирования добросовестного исполнения ими обязанностей военной службы. Фактически оно реализует конституционное право военнослужащих на вознаграждение за труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации) посредством прохождения военной службы. При этом, как отмечал еще дореволюционный государствовед Н. М. Коркунов, материальное обеспечение служащих не следует рассматривать исключительно как наемную плату за выполненные услуги, оно предоставляется «не за совершенные действия, а для создания условий их надлежащего исполнения», то есть выступает не столько платой, сколько условием

эффективной служебной деятельности¹⁹⁰. Данное теоретическое положение подчеркивает особую природу денежного довольствия военнослужащих – оно служит предпосылкой надлежащего исполнения обязанностей, одновременно мотивируя высокую отдачу.

Структура денежного довольствия включает два основных элемента: оклад по воинскому званию и оклад по воинской должности, величины которых дифференцируются по тарифным разрядам в зависимости от воинской должности и звания. В Росгвардии, как и в Вооруженных Силах РФ, действует тарифная сетка (до 50 разрядов), учитывающая сложность и ответственность должностей¹⁹¹. Помимо окладов предусмотрен широкий спектр дополнительных денежных выплат стимулирующего характера. В их числе – ежемесячные надбавки за различные показатели службы: выслугу лет, особые достижения, квалификационный класс, работу со сведениями, составляющими государственную тайну, особые условия службы и др. Эти надбавки установлены нормативно и призваны возмещать специфические нагрузки либо поощрять конкретные заслуги. Например, ежемесячная надбавка за особые достижения в службе может достигать 100% оклада по должности, ее размер определяется непосредственным командиром с учетом результатов службы и в пределах бюджетных ассигнований, стимулируя инициативность и выполнение задач повышенной сложности. Надбавка за выслугу лет прогрессивно увеличивается по мере роста продолжительности службы, выражаясь в процентах от оклада и способствуя закреплению кадров на долгосрочную перспективу. Премияльные выплаты дополняют ежемесячное довольствие: предусмотрены, в частности, ежеквартальные премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей (их годовой размер может достигать трех окладов).

---

¹⁹⁰ Цит. по: Синев А. В. Проблемы совершенствования денежного довольствия военнослужащих в современной России // Вопросы совершенствования государственного управления в современной России: междунар. сб. науч. ст. М., 2017. С. 364–369.

¹⁹¹ Приказ Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных (денежных) выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 21 декабря 2020 г.

Порядок выплаты премий регламентирован ведомственными актами и увязан с результатами служебной деятельности военнослужащего за отчетный период. Ежегодная материальная помощь выплачивается в размере не менее одного оклада денежного содержания, предоставляя военнослужащим средства на решение бытовых и социальных вопросов, причем при определенных обстоятельствах может выделяться и дополнительно (например, при тяжелых жизненных ситуациях). Для компенсации особенностей службы в различных регионах и условиях действуют повышающие коэффициенты к денежному довольствию. Военнослужащим, выполняющим задачи в особых условиях (служба за пределами РФ, участие в контртеррористических операциях, обеспечение правопорядка при чрезвычайных обстоятельствах и т.д.), устанавливается коэффициент до 1,9¹⁹². Помимо этого, за службу в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и регионах с неблагоприятным климатом выплачиваются районные коэффициенты и процентные надбавки, компенсирующие повышенные расходы и трудности службы в экстремальных условиях¹⁹³. В совокупности система денежного довольствия сочетает фиксированные (оклады) и переменные (надбавки, премии, коэффициенты) элементы, обеспечивая баланс стабильности дохода и его повышения при высоких результатах службы.

Отдельное место среди материальных стимулов занимает жилищное обеспечение военнослужащих. Обеспечение жильем является одной

---

¹⁹² Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2011 г. № 1071 «О выплате денежного довольствия военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях, дислоцированных за пределами территории Российской Федерации, а также военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 116.

¹⁹³ Постановление Правительства РФ от 23 января 2023 г. № 58 «О размерах коэффициентов и процентных надбавок и порядке их применения для расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, проходящих военную службу (службу) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 796.

из важнейших социальных гарантий и одновременно формой стимулирования продолжительной службы. Государство, выполняя конституционную обязанность по реализации права граждан на жилище (ст. 40 Конституции РФ), предоставляет военнослужащим жилые помещения в порядке, установленном законом. Военнослужащие Росгвардии обеспечиваются жильем из специализированного жилищного фонда: им может предоставляться служебное жилье, места в общежитиях, помещения маневренного фонда, а также право на участие в накопительно-ипотечной системе (НИС) жилищного обеспечения в случаях, предусмотренных законом. НИС представляет собой механизм, при котором на именные счета военнослужащих-участников ежегодно перечисляются целевые накопительные взносы, которые спустя установленный срок могут быть использованы для приобретения собственного жилья¹⁹⁴. Тем самым военнослужащий, добросовестно проходящий службу длительное время, вознаграждается возможностью решить свой жилищный вопрос – что служит мощным стимулом к продолжению службы. Жилищное обеспечение имеет двойное назначение: с одной стороны, оно выполняет функцию социальной защиты, удовлетворяя жилищные потребности нуждающихся военнослужащих (предоставление жилья на период службы или субсидий на приобретение жилья), с другой – служит стимулирующей функцией, побуждая к длительному прохождению службы посредством закрепления устойчивых жилищных гарантий. Наличие гарантированного жилья существенно повышает привлекательность военной карьеры и способствует укреплению лояльности военнослужащих. Таким образом, через жилищное обеспечение реализуется переход от общей конституционной гарантии права на жилище к индивидуальному субъективному праву конкретного военнослужащего на получение жилья от государства.

Исторически и практически значимыми формами материального обеспечения в натуре являются продовольственное и вещевое обеспечение

---

¹⁹⁴ Приказ Росгвардии от 9 февраля 2021 г. № 43 «Об утверждении Порядка реализации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 1 июня 2021 г.

личного состава. Их можно рассматривать как составную часть системы правовых стимулов, поскольку они влияют на удовлетворение базовых потребностей и поддержание боеготовности, тем самым косвенно мотивируя качественное выполнение служебных задач. Продовольственное обеспечение подразумевает предоставление сбалансированного питания военнослужащим¹⁹⁵. Рациональное питание – необходимое условие сохранения здоровья, физической и умственной работоспособности военнослужащих, особенно учитывая возросшие нагрузки современной службы. В условиях интенсивной боевой подготовки, масштабных учений с переброской сил по стране и применения современных вооружений требования к питанию только возрастают. Соответственно, бесперебойное и качественное продовольственное снабжение личного состава выступает фактором не только поддержания боеспособности, но и элемента продовольственной безопасности государства, составляющей часть национальной безопасности. Вещевое обеспечение охватывает снабжение военнослужащих обмундированием, снаряжением и другим имущественным обеспечением, необходимым для службы. Система вещевого обеспечения включает определение норм довольствия, планирование и организацию снабжения, а также полный цикл обращения вещевого имущества – от разработки и закупки до выдачи, эксплуатации, ремонта и утилизации¹⁹⁶. Качество и своевременность вещевого обеспечения напрямую влияют на готовность военнослужащих к выполнению задач: обмундирование и экипировка надлежащего качества являются залогом защиты, комфорта и функциональной пригодности в различных условиях службы. Тем самым продовольственные и вещевые ресурсы, хотя и не выражены в денежной форме, составляют важную часть материальных стимулов, формируя

---

¹⁹⁵ Приказ Росгвардии от 15 ноября 2018 г. № 499 «Об утверждении Порядка продовольственного обеспечения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и некоторых других категорий лиц, а также организации их питания в стационарных условиях, в том числе с привлечением предприятий общественного питания, и в полевых условиях, рационов питания, рационов выживания» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 11 декабря 2018 г.

¹⁹⁶ Приказ Росгвардии от 28 декабря 2021 г. № 484 «Об утверждении Порядка обеспечения вещевым имуществом в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 7 февраля 2022 г.

достойные условия повседневной деятельности личного состава.

Особого внимания заслуживают материальные стимулы, специально установленные для военнослужащих Росгвардии – участников СВО. Во-первых, закреплен «контрактный стартовый пакет»: единовременная федеральная выплата при заключении контракта с 21 сентября 2022 г. – 195 000 руб. (не облагается НДФЛ); с 1 августа 2024 г. – 400 000 руб. (не облагается НДФЛ; при невыезде на задачи СВО в течение трех месяцев – снижается до 195 000 руб.)¹⁹⁷. Для мобилизованных до заключения контракта действует ежемесячная социальная выплата – 164 600 руб. (не облагается НДФЛ). Дополнительно установлены социальная выплата 15 000 руб. (пропорционально дням участия, с сохранением в ряде оговоренных случаев) и суточные 4 240 руб. для командированных на задачи СВО (суточные мобилизованным не выплачиваются). Во-вторых, реализована увязка должностных надбавок с непосредственным участием: предусмотрена ежемесячная надбавка по норме два оклада денежного содержания (ОДС) в месяц (выплаты не облагаются НДФЛ и не распространяются на мобилизованных). В-третьих, установлены адресные выплаты за конкретные боевые результаты – за уничтожение (захват) вооружения и техники противника; диапазон составляет от 5 000 до 1 000 000 руб. с пропорциональным распределением при групповом выполнении. Связующим звеном между моральным и материальным поощрением выступает единовременная выплата при награждении государственной наградой РФ: за знак особого отличия – медаль «Золотая Звезда» – 10 ОДС, за орден/медаль/ знак отличия ордена Святого Георгия – Георгиевский крест – 5 ОДС.

Отдельный контур касается службы и дислокации в новых субъектах РФ: для личного состава Росгвардии, несущего службу в 15-км зоне от линии боевого соприкосновения, установлена ежемесячная выплата 100 000 руб., на иных территориях – 70 000 руб.

---

¹⁹⁷ Указ Президента РФ от 2 ноября 2022 г. № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 3 ноября 2022 г.

Наконец, компенсационный массив при ранении/гибели носит системный характер. Гарантированы единовременные выплаты при увечье в период СВО: 3 млн руб. – за тяжелое увечье, 1 млн руб. – за легкое, 100 тыс. руб. – за иные травмы, 4 млн руб. – при наступлении инвалидности с учетом ранее выплаченного за увечье. В случае гибели (смерти) участника СВО членам семьи выплачивается единовременная выплата 5 млн руб., единовременное пособие 5 159 344,37 руб. и страховая компенсация 3 439 562,92 руб. (все выплаты ежегодно индексируются и выплачиваются в равных долях на всех членов семьи). Также действуют иные страховые/единовременные выплаты и пособия, в т. ч. крупные единовременные пособия при увольнении по ВВК вследствие военной травмы. Совокупность мер превосходит стандартный объем обязательного страхования, выполняя компенсационную и мотивационно-стабилизирующую функции для военнослужащих и их семей.

Важно отметить, что совокупность действующих и потенциальных правовых стимулов, учитывая активную роль государства в их формировании, существенно превышает рамки настоящего параграфа, поэтому их исчерпывающее перечисление и детализация здесь методологически и технически невозможны. Вместе с тем необходимо зафиксировать качественный сдвиг последнего периода: в условиях проведения специальной военной операции в силу принятых нормативных и управленческих решений материальное стимулирование приобрело беспрецедентный масштаб, что, в свою очередь, способствовало поддержанию боевого духа и социального благополучия военнослужащих Росгвардии, непосредственно вовлеченных в боевые действия.

Нематериальные (морально-психологические) стимулы составляют вторую ключевую группу поощрений. Они представляют собой систему мер поощрения, не связанных с прямым денежным вознаграждением, но закрепленных в законодательстве и ведомственных актах с целью признания заслуг военнослужащих, повышения их авторитета и поддержания благоприятного морально-психологического климата в войсках. Нематериальные стимулы оказывают существенное воздействие на мотивацию, укрепляют дисциплину

и формируют устойчивую приверженность воинскому долгу, дополняя материальные стимулы внутренними побудительными мотивами. К числу высших нематериальных стимулов относятся государственные награды Российской Федерации, которыми награждаются военнослужащие за выдающиеся заслуги перед государством, проявленные при исполнении служебно-боевых задач. Это ордена, медали, почетные звания, присваиваемые Указами Президента РФ в порядке, определенном Федеральным законом «О государственных наградах РФ»¹⁹⁸ и другими нормативными актами. Получение государственной награды – высшая форма морального поощрения, повышающая общественный статус военнослужащего и служащая примером для всего личного состава. В условиях СВО награждение высокими государственными наградами (включая звание Героя Российской Федерации, ордена Мужества и др.) многими военнослужащими Росгвардии подчеркивает значимость данного стимула: публичное признание героизма и доблести не только воздаст должное конкретным лицам, но и укрепляет престиж службы в целом.

Наряду с государственными наградами важную роль играют ведомственные награды и поощрения, учреждаемые приказами Росгвардии. К ним относятся медали ведомства, нагрудные знаки отличия, Почетные грамоты, благодарности и другие формы поощрения. Ими награждают за образцовое исполнение служебных обязанностей, высокие показатели в службе, успешное участие в обеспечении правопорядка, проведении специальных операций и выполнении иных задач, возложенных на войска национальной гвардии. Так, приказом директора Росгвардии учрежден ряд медалей («За отличие в службе», «За доблесть», юбилейные медали и др.), которые могут вручаться отличившимся военнослужащим¹⁹⁹. Объявление благодарности или награждение Почетной

---

¹⁹⁸ Указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. №1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

¹⁹⁹ Приказ Росгвардии от 14 февраля 2017 г. № 50 «О ведомственных наградах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.03.2017.

грамотой может производиться приказом командира (начальника) непосредственно по месту службы – такая оперативность позволяет своевременно отметить достижения личного состава. Ведомственные поощрения, уступая государственным по уровню статусности, вместе с тем имеют большое значение для повседневной мотивации: они создают атмосферу признания и справедливости в коллективе, стимулируя равняться на награжденных.

Среди морально-психологических стимулов особое место занимает досрочное присвоение воинского звания. Эта мера поощрения предусмотрена уставами и нормативными актами и применяется к военнослужащим, проявившим высокий профессионализм, инициативу, мужество и усердие при исполнении служебных обязанностей. Досрочное присвоение звания (вне установленного выслугой лет срока) позволяет ускорить карьерный рост отличившегося военнослужащего, повышая уровень его ответственности и служебных полномочий. Фактически это не только форма признания заслуг, но и «инвестиция» в дальнейшее развитие профессионала. Стимулирующий эффект здесь дуалистический: с одной стороны, повышается личная мотивация награжденного (его старания получили осязаемый результат – продвижение по службе), с другой – создается пример для сослуживцев, демонстрируя, что добросовестная служба и достижения ведут к ускоренному продвижению.

Комплекс нематериальных стимулов играет ключевую роль в формировании морально-психологической устойчивости подразделений. Эти меры укрепляют боевой дух, повышают внутреннюю сплоченность воинских коллективов и их готовность к выполнению задач. Признание заслуг военнослужащего, выраженное публично, имеет долговременный мотивирующий эффект, выходящий за рамки сиюминутного поощрения. Даже после того, как материальные компоненты (например, премия) израсходованы, моральное удовлетворение от награды продолжает стимулировать человека на дальнейшую образцовую службу. Кроме того, сочетание материального вознаграждения с моральным (например, премирование награжденных) усиливает общее воздействие поощрения на личность. Таким образом, нематериальные стимулы

дополняют систему материального вознаграждения, обеспечивая баланс внешних и внутренних мотивационных факторов. В конечном счете они направлены на воспитание у личного состава гордости за службу, верности присяге и традициям, что особенно важно в экстремальных условиях деятельности Росгвардии, включая СВО.

Социально-правовые гарантии, льготы и компенсации образуют третью составляющую системы стимулирования. По своей сути, это комплекс правовых средств, обеспечивающих защищенность правового статуса военнослужащих и стабильность их социально-экономического положения. Данные меры напрямую не являются поощрениями за достижения, но они создают институциональные условия, при которых военная служба становится привлекательной и устойчивой, а значит, выполняют важную стимулирующую функцию. Социально-правовые гарантии военнослужащих также закреплены в федеральных законах, указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ, а также в приказах ведомства. Их реализация опирается на определенные механизмы и их можно разделить на объективные и субъективные. К объективным гарантиям относят существование развитой нормативной базы, закрепляющей объем социальных прав; финансирование этих прав из бюджета; обязанность органов власти предоставлять установленные льготы и выплаты; ответственность должностных лиц за нарушение социальных прав военнослужащих. Субъективные гарантии предполагают возможности самих военнослужащих защищать свои права – в том числе, путем обращения в вышестоящий орган военного управления, органы прокуратуры, военные суды, что побуждает систему эффективно реагировать на проблемы. Наличие в законодательстве четких норм и механизмов контроля обеспечивает предсказуемость и исполнимость социальных прав, что позитивно сказывается на уверенности личного состава в завтрашнем дне и, как следствие, на их мотивации к продолжению службы.

В структуре социальных прав военнослужащих центральное место занимает право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Это право гарантировано

Конституцией РФ (ч. 1 ст. 41) для каждого гражданина. В отношении военнослужащих оно конкретизировано в отраслевом законодательстве – прежде всего, ст. 16 Закона «О статусе военнослужащих» и положениях Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», который устанавливает специальные гарантии охраны здоровья для военнослужащих и граждан, призванных на военную службу, а также для лиц, поступающих на службу по контракту. Правовое обеспечение охраны здоровья включает комплекс политических, социально-экономических, медицинских и собственно правовых мер, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья военнослужащих, поддержание их работоспособности и предоставление медицинской помощи при утрате здоровья. Эти меры рассматриваются как часть гарантий прохождения военной службы, обеспечивающих устойчивость личного состава к профессиональным рискам и нагрузкам.

В соответствии со статьей 81 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации на командира (начальника) возлагается прямая обязанность заботиться о сохранении здоровья подчиненных военнослужащих²⁰⁰. Это проявляется в требовании обеспечивать безопасные условия службы и быта: соблюдать технику безопасности на учениях, при эксплуатации оружия и техники, предотвращать вредные воздействия на здоровье личного состава. Ответственность командиров охватывает превентивные (предупреждение травм и заболеваний) и оперативные (при возникновении угроз здоровью) меры.

Медицинское обеспечение военнослужащих организовано на безвозмездной основе: они имеют право на бесплатную медпомощь в военно-медицинских учреждениях, а при их отсутствии – в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения²⁰¹. Помощь предоставляется в полном объеме, включая амбулаторно-поликлиническое и стационарное лечение,

---

²⁰⁰ Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.

²⁰¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

стоматологическую помощь, обеспечение необходимыми лекарствами. Указанные гарантии распространяются и на членов семей военнослужащих: супруг(а), несовершеннолетние дети, а также иные иждивенцы военнослужащего имеют право на медицинское обслуживание в государственных и муниципальных медучреждениях и подлежат обязательному медицинскому страхованию на общих основаниях²⁰². Кроме того, для семей офицеров установлены дополнительные льготы: они могут обслуживаться в военно-медицинских организациях (военных госпиталях) в порядке, определенном Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 911²⁰³. Таким семьям при амбулаторном лечении медикаменты отпускаются за плату, если только иное не установлено законодательством (то есть общих бесплатных лекарств для них не предусмотрено, за исключением отдельных случаев льгот). Услуги зубопротезирования членам семей военнослужащих оказываются на тех же условиях, что и прочим гражданам, если иное не оговорено законом. В целом, режим медицинского обеспечения семей сочетает в себе общую систему (что гарантирует базовые услуги) и специальные льготы ведомственного уровня, обусловленные статусом военнослужащих и необходимостью компенсировать служебные тяготы их близких.

Помимо собственно медицинской помощи, важной гарантией является

---

²⁰² Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

²⁰³ Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы, а также оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании войск национальной гвардии Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 2. Ст. 166.

санаторно-курортное лечение и отдых. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту (кроме курсантов), и члены их семей вправе на льготное санаторно-курортное лечение и организованный отдых в санаториях, домах отдыха, пансионатах и на базах отдыха, находящихся в ведении Росгвардии²⁰⁴. Путевки выдаются, как правило, с оплатой в размере полной стоимости, устанавливаемой ведомством. Однако если военнослужащий нуждается в медицинской реабилитации после стационарного лечения по заключению военно-врачебной комиссии, ему предоставляется бесплатная путевка²⁰⁵. Более того, военнослужащие, получившие увечья или заболевания при исполнении обязанностей военной службы (в том числе в ходе боевых действий), по окончании стационарного лечения пользуются правом внеочередного получения путевок в санатории. Это важная льгота, облегчающая восстановление здоровья пострадавших военных.

Социальные гарантии распространяются также на уволенных со службы. Офицеры, уволенные по предельному возрасту, состоянию здоровья либо организационно-штатным мероприятиям при выслуге 20 лет и более (в льготном исчислении), сохраняют право на медицинское обслуживание в военных медучреждениях; при выслуге 25 лет и более – независимо от причины увольнения. Аналогичные гарантии предоставляются прапорщикам и мичманам с выслугой более 20 лет, уволенным по указанным основаниям. Санаторно-курортное лечение для уволенных предоставляется на льготных условиях:

---

²⁰⁴ Приказ Росгвардии от 2 октября 2018 г. № 444 «Об утверждении Инструкции об особенностях организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях войск национальной гвардии Российской Федерации, в том числе при санаторно-курортном лечении» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 30 октября 2018 г.

²⁰⁵ Приказ Росгвардии от 15 июня 2018 г. № 204 «Об утверждении Перечня показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующей им продолжительности медико-психологической реабилитации, Перечня категорий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, подлежащих при наличии показаний медико-психологической реабилитации, а также Порядка и мест проведения медико-психологической реабилитации военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 6 июля 2018 г.

с оплатой 25% стоимости путевки, а членам их семей – 50%. Данные меры направлены на социальную поддержку ветеранов военной службы, признавая их заслуги и сохраняя связь с ведомственной системой социальной защиты.

Особый пласт гарантий связан с медико-психологической реабилитацией. Приказом Росгвардии предусмотрено, что после выполнения задач, отрицательно сказавшихся на здоровье (например, боевые действия, чрезвычайные ситуации), военнослужащий имеет право на отдых и медико-психологическую реабилитацию продолжительностью до 30 суток²⁰⁶. Программа реабилитации включает медицинское обследование, лечение, психологическую помощь и мероприятия по адаптации к дальнейшей службе. Реализация права на восстановление здоровья после интенсивных нагрузок является фактором, поддерживающим боеспособность личного состава в длительной перспективе.

Система социальных гарантий военнослужащих охватывает также льготы и компенсации, направленные на улучшение качества их жизни и жизни их семей. Например, военнослужащим, являющимся донором крови, предоставляется освобождение от исполнения служебных обязанностей в день сдачи крови, а также дополнительный день отдыха с сохранением денежного довольствия. Такая мера стимулирует участие личного состава в донорстве и одновременно служит охране их здоровья.

Члены семей военнослужащих пользуются рядом льгот: они имеют право на обеспечение жильем в случаях, предусмотренных законодательством (например, если военнослужащий погиб или стал инвалидом при исполнении службы, семья сохраняет право на получение жилья или жилищной субсидии); право на социальную поддержку при потере кормильца (пенсии по случаю потери

---

²⁰⁶ Приказ Росгвардии от 15 июня 2018 г. № 204 «Об утверждении Перечня показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующей им продолжительности медико-психологической реабилитации, Перечня категорий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, подлежащих при наличии показаний медико-психологической реабилитации, а также Порядка и мест проведения медико-психологической реабилитации военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 6 июля 2018 г.

кормильца, единовременные пособия и т.д.); преимущественное поступление детей в ведомственные детские сады и школы. Детям военнослужащих, участвующих в СВО (включая добровольцев Росгвардии), предоставляется первоочередное право на места в государственных и муниципальных дошкольных и общеобразовательных организациях по месту жительства семьи. Если же военнослужащий погиб (умер) в ходе СВО или впоследствии вследствие ранения/заболевания, его дети обеспечиваются местами во внеочередном порядке. Эти гарантии облегчают семьям перемещение и обустройство на новом месте службы, а также смягчают социальные последствия боевых потерь.

Государство предоставило участникам СВО и их семьям и льготы в сфере образования. В Федеральный закон «Об образовании в РФ»²⁰⁷ введены нормы, согласно которым граждане – участники СВО имеют право внеконкурсного поступления за счет бюджетных ассигнований в пределах отдельной квоты. Кроме того, они (а также Герои РФ и лица, награжденные тремя орденами Мужества) вправе быть принятыми на обучение без вступительных испытаний (за исключением дополнительных творческих или профессиональных экзаменов). Эти меры направлены на содействие образованию как самим ветеранам СВО, так и некоторым категориям детей погибших военнослужащих, повышая их социальные перспективы. Также установлены налоговые льготы: доходы в виде денежных выплат, получаемых участниками СВО и членами их семей, освобождены от налогообложения налогом на доходы физических лиц. Таким образом, специальные выплаты (включая упомянутые единовременные и ежемесячные пособия) не уменьшаются на сумму налога, что повышает их реальный эффект для получателей.

Отдельно следует отметить правовой институт ветерана боевых действий, который в контексте СВО приобрел особое значение как социально-правовой стимул. Статус ветерана боевых действий обеспечивает лицу ряд пожизненных льгот и преференций (льготы по налогам и оплате жилья, повышенные пенсии,

---

²⁰⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

льготный проезд в транспорте, преимущественное получение земельных участков и пр.)²⁰⁸. В 2022–2023 гг. законодательство было оперативно изменено, чтобы распространить этот статус на участников специальной военной операции. В перечень лиц, признаваемых ветеранами боевых действий, также включены военнослужащие Росгвардии, выполнявшие задачи на территории Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей в период проведения СВО. Присвоение этого статуса само по себе носит морально-престижный характер (государство признает человека ветераном, приравнивая к участникам прошлых войн), но главное – оно дает право на обширный пакет социальных гарантий. В их числе: ежемесячная денежная выплата (с 1 февраля 2026 г. – около 4,9 тыс. руб., с ежегодной индексацией); внеочередное обеспечение жильем (или улучшение жилищных условий) при наличии оснований; бесплатное протезирование (кроме зубного) и обеспечение техническими средствами реабилитации; налоговые льготы (освобождение от уплаты имущественного и земельного налога, госпошлины по ряду случаев и др.); дополнительные отпускные дни для работающих ветеранов; преимущества при вступлении в садовые товарищества и кооперативы и многое другое. Все эти льготы прямо не связаны с текущей служебной деятельностью, но существенно улучшают качество жизни военнослужащих после участия в боевых действиях, что, безусловно, влияет и на мотивацию: зная о будущих гарантиях, военнослужащие более уверены в своей социальной защищенности, а потому и эффективнее выполняют задачи. Можно констатировать, что признание участников СВО ветеранами боевых действий стало важным шагом государства, повысившим моральный статус военнослужащих Росгвардии – участников операции и предоставившим им долгосрочные стимулы социальной направленности.

В целом система социально-правовых гарантий, льгот и компенсаций в Росгвардии не только реализует конституционные обязанности государства

---

²⁰⁸ Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 168.

по социальной защите военнослужащих, но и выполняет выраженную стимулирующую функцию. Гарантии обеспечивают охрану прав военнослужащих, льготы создают дополнительные мотивационные условия, а компенсации возмещают расходы и издержки, связанные с прохождением службы, укрепляя тем самым устойчивость кадрового состава. Данные социальные меры формируют уверенность, что государство заботится об их благополучии и о благополучии их семей, что служит важным психологическим стимулом к продолжению службы даже в трудных и опасных условиях. Показательно, что в период СВО социально-правовая поддержка личного состава и семей погибших была существенно расширена (как описано выше), что способствовало консолидации общества вокруг военной организации государства и поддержанию боеспособности войск.

Рассматривая формы реализации правовых стимулов, следует отметить, что поощрительные меры могут носить индивидуальный или коллективный характер, быть срочными (разовыми) или долгосрочными, а также сочетаться в комплексной форме. Индивидуальные стимулы адресованы конкретному военнослужащему (например, личная награда или премия за заслуги), тогда как коллективные направлены на подразделение в целом (скажем, награждение части почетным наименованием или орденом, кубком победителя соревнований и др.). По времени действия различаются срочные стимулы – единовременные поощрения за конкретное достижение (разовая денежная премия, объявление благодарности) и долгосрочные, рассчитанные на перспективу (например, досрочное присвоение воинского звания, включение в кадровый резерв на высшую должность, предоставление постоянного жилья). Нередко используются комплексные подходы, когда материальные и нематериальные стимулы комбинируются для усиления мотивационного эффекта. Так, награждение военнослужащего государственной наградой сопровождается единовременной денежной выплатой, высокие показатели подразделения могут отмечаться одновременно почетной грамотой и денежной премией. Подобная интеграция форм поощрения позволяет учесть разные аспекты мотивации –

внешнюю и внутреннюю, личную и коллективную – и добиться максимального побудительного воздействия.

Механизм и процедура применения правовых стимулов подробно регламентированы уставами и приказами Росгвардии. Инициатором поощрения, как правило, выступает непосредственный командир (начальник), располагающий дисциплинарной властью в пределах своей компетенции. Решение о поощрении должно основываться на принципах справедливости (учет реальных заслуг и вклада военнослужащего), прозрачности (ясность и обоснованность критериев поощрения) и соразмерности (соответствие меры поощрения значимости заслуг). При вынесении представления к награде или премии командир (начальник) обязан всесторонне оценить результаты службы подчиненного, проверить соблюдение формальных требований (например, отсутствие неснятых дисциплинарных взысканий, так как наличие взыскания препятствует поощрению). Оформление поощрения осуществляется приказом, который доводится до всего личного состава, что придает правовому акту воспитательный момент. Контроль за законностью применения стимулирующих мер осуществляют вышестоящее командование и органы военной прокуратуры. Это предотвращает возможные злоупотребления или, наоборот, необоснованные отказы в заслуженном поощрении. Военнослужащий, считающий, что его права нарушены непредставлением положенного поощрения или отменой уже объявленного поощрения, вправе обжаловать такие решения в порядке подчиненности или в судебном порядке. Таким образом, обеспечивается определенная гарантия защиты прав в сфере поощрений, что укрепляет веру личного состава в справедливость системы.

Несмотря на достаточно детальную и разветвленную систему правовых стимулов, в ее функционировании наблюдается ряд проблем, требующих внимания. Во-первых, отмечается формализм в применении поощрений – когда награждение или объявление благодарности производится по шаблону, по формальному признаку, без подлинной увязки с реальным вкладом награждаемого. Из-за этого стимулирующий эффект мер поощрения снижается:

личный состав воспринимает их как рутину, не связанную с действительными достижениями. Во-вторых, относительно недостаточно разработаны механизмы нематериального стимулирования. Например, моральное поощрение часто сводится к разовому объявлению благодарности, тогда как современные подходы: публичное чествование в СМИ, коллегиальная рекомендация к поощрению (военнослужащие могли бы выдвигать сослуживца к моральному поощрению за конкретный правомерный поступок/качество), признание через развитие (предоставление отличившемуся приоритетного доступа к обучению, курсам повышения квалификации, сборам), институт наставничества как статусное поощрение (закрепление статуса «наставник» с формализованными функциями правового просвещения и учетом в аттестации), признание через кадровые преференции (включение в кадровый резерв) применяется недостаточно. В-третьих, ограничена цифровизация учета поощрений и наград. В эпоху информационных технологий возможно создание единой электронной базы поощрений, что облегчило бы анализ эффективности стимулирующих мер, позволило бы отслеживать карьерный рост награжденных, выявлять корреляции между поощрениями и результатами службы и т.д. Пока что подобные аналитические инструменты внедрены не в полной мере.

Перспективы развития системы правового стимулирования напрямую связаны с устранением указанных проблем. В частности, необходимо преодоление формализма за счет персонификации подхода к поощрениям: каждое награждение должно быть действительно значимым событием, подкрепленным объяснением его причин, чтобы оно служило примером. Следует расширить спектр нематериальных стимулов, внедряя новые формы поощрения морального характера – например, соревнований профессионального мастерства с присвоением званий («лучший по профессии»), активнее использовать публичное освещение заслуг. Создание автоматизированных систем учета и анализа данных о поощрениях позволит повысить объективность и прозрачность принятия решений, а также интегрировать эти данные в систему управления (для учета при аттестациях, назначениях). Наконец, требуется

адаптация стимулирующих мер к меняющимся условиям службы и особенностям нового поколения военнослужащих. Это означает учет возросшей образованности и информационной подкованности личного состава, их потребностей в самореализации. Система поощрений должна быть гибкой, способной мотивировать не только материально, но и посредством признания компетенций, предоставления возможностей карьерного и личностного роста. Реализация этих направлений усилит воздействие правовых стимулов на поведение военнослужащих и повысит эффективность всей системы военно-служебных отношений.

На основании вышеизложенного, мы установили, что правовые стимулы, применяемые в отношении военнослужащих Росгвардии, представляют собой важнейший элемент механизма правового регулирования военной службы, обеспечивающий поддержание высокой боевой готовности, дисциплины и морального духа личного состава. Их комплекс включает материальное вознаграждение (денежное довольствие, надбавки, обеспечение жильем и др.), морально-психологическое поощрение (награды, продвижение по службе и др.) и систему гарантий социального благополучия (медицинское, пенсионное обеспечение, льготы семьям и т.д.). Эффективное применение стимулов – особенно в сочетании с продуманной системой правовых ограничений – позволяет достичь оптимального баланса между требованиями службы и интересами военнослужащих, что в конечном счете способствует успешному выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации. Опыт периода СВО наглядно подтвердил значимость продуманной системы стимулирования: дополнительные поощрения и гарантии, предоставленные участникам операции, помогли поддержать их мотивацию и уверенность, обеспечив выполнение служебно-боевых задач в экстремальных условиях. В результате проведенного анализа можно констатировать, что целостная система правовых стимулов служит залогом укрепления кадрового потенциала Росгвардии и эффективного выполнения ею своих функций по обеспечению национальной безопасности.

2.3. Профессиональная правовая культура как детерминанта эффективности правовых стимулов и ограничений²⁰⁹

Правовая культура традиционно рассматривается в юридической науке как многогранное социально-правовое явление, отражающее качественное состояние правовой жизни общества. Под правовой культурой понимают достигнутый уровень развития правосознания граждан, степень законности, совершенства законодательства и практики правоприменения в стране²¹⁰. Иными словами, это интегральный показатель того, насколько право ценится и соблюдается в обществе. В научной литературе выработан ряд методологических подходов к изучению данного феномена – социологический, антропологический, аксиологический, деятельностный и др.²¹¹ Каждый

²⁰⁹ Положения настоящего параграфа находят свое отражение в следующих публикациях автора: Аврамов С. О. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений / М. В. Яковлев, Д. А. Никонов, С. О. Аврамов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 100-105.

²¹⁰ Исмагилов Р. Ф., Мукосеева Е. А., Сальников М. В. Традиции правовой культуры Востока и Запада в формировании патриотического правосознания народов России // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 503–510.; Сальников В. П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2000. Вып. 1. С. 3–5.; Сальников В. П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1986. № 7. С. 44–54.; Сальников В. П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Акад. курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Государство, право, общество. М., 2013. С. 503–530.; Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1990. 402 с.; Сальников В. П. Социалистическая правовая культура: методологические проблемы / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1989. 144 с.; Сальников В. П., Сальников М. В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. 2014. № 3. Т. 19. С. 1096–1099.; Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 70–86.; Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3(37). С. 13–19.; Сальников В. П., Стремоухов А. В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 4(8). С. 19–22.

²¹¹ Линейцева К. С. Основные методологические подходы к пониманию правовой культуры как научной категории // Право и государство: теория и практика. 2013. № 5(101). С. 35–41.

из подходов акцентирует различные грани правовой культуры. Так, социологический подход делает упор на уровне массового правосознания и реального правопослушного поведения, аксиологический – на систему правовых ценностей и идеалов, разделяемых в обществе, исторический прослеживает генезис правовых традиций, а деятельностный концентрируется на практике реализации права и профессиональной деятельности. Благодаря многообразию подходов существуют различные дефиниции правовой культуры. Например, С.С. Алексеев определял ее как качественное состояние правовой системы общества, выражающее уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики²¹². Е.А. Лукашева подчеркивает ценностно-нормативный аспект, указывая, что правовая культура выражает отношение общества к праву, основанное на знании права, уважении к нему и убежденности в необходимости законопослушного поведения²¹³. Несмотря на нюансы формулировок, большинство исследователей сходятся во мнении, что ядро правовой культуры составляют правовые ценности, знания и установки, опосредующие поведение людей в правовой сфере.

Профессиональная правовая культура выступает особым видом правовой культуры, носителями которого являются определенные группы специалистов, чья деятельность напрямую связана с реализацией права, поддержанием правопорядка и соблюдением законности. Иными словами, это правовая культура специального субъекта – профессионала в сфере юриспруденции либо служебной деятельности, требующей глубоких правовых знаний и правовых навыков. В отечественной теории государства и права сформировалось близкое понятие профессионального правосознания: так, В.П. Сальников и Н.Я. Соколов определяют профессиональное правосознание юристов как систему правовых взглядов, знаний, ценностных ориентаций и установок, присущих общности

---

²¹² Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 51.

²¹³ Лукашева Е. А. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 41.

людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью²¹⁴. В дальнейшем категория профессиональной правовой культуры получила развитие как комплексное понятие, включающее не только психологические аспекты (состояние правосознания), но и совокупность специальных правовых знаний, умений, ценностей и моделей поведения, необходимых для надлежащего исполнения служебных обязанностей. Профессиональная правовая культура является органической частью общей правовой культуры общества, несущей в себе базовые правовые ценности (законность, справедливость, права человека и т.д.), но одновременно обладающей специфическими чертами, обусловленными особенностями профессии носителя. Так, ценностный ряд и требования к правовой культуре судьи будут отличаться от таковых у сотрудника полиции или военнослужащего Росгвардии, хотя все они разделяют фундаментальное уважение к закону²¹⁵.

Исследование профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии находится на начальном этапе разработки. Если понятие правовой культуры общества в целом разрабатывалось отечественными учеными с середины XX века (труды С.С. Алексеева, В.С. Нерсесянца, Е.А. Лукашевой и др. заложили фундамент теории), то с 1990-х годов и несколько ранее начались работы, посвященные правовой культуре отдельных социальных и профессиональных групп. В частности, появились исследования правовой культуры молодежи, государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, судейского корпуса и т.д.²¹⁶ Так, Т.В. Касаева

---

²¹⁴ Сальников В. П., Соколов Н. Я. Юристы и правовая информированность личности // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. СПб., 1993. Вып. 1. С. 28–36.; Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. 224 с.

²¹⁵ Сальников В. П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л., 1989. 86 с.

²¹⁶ Арсентьева А. Г. Нравственно-правовая культура и ее формирование у сотрудников внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 179 с.; Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). М., 1991. 127 с.; Баумова М. Г. Функции правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. 220 с.; Галиев Ф. Х., Комаров С. А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 5–10; Гирская М. В. Воспитание правовой культуры курсантов – будущих офицеров внутренних войск МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2004. 26 с.; Глоба В. В. Правовое воспитание

в 2010 г. проанализировала правовую культуру государственных служащих как фактор повышения их ответственности перед обществом, показав, что уровень правовой культуры влияет на эффективность государственной власти и доверие граждан²¹⁷. Социологические исследования судейского сообщества выявили проблемы в профессиональной подготовке и этике судей, что отразилось на уровне их правовой культуры²¹⁸. Изучались также вопросы правовой культуры сотрудников полиции, прокуратуры, пенитенциарной системы – анализировались их профессиональные ценности, этические кодексы, типичные правонарушения

военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (Вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 18 с.; Грачев В. С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 191 с.; Даничев Н. В. Формирование правовой культуры офицера: на материале военного института ВВ МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2005. 22 с.; Джамалова Э. К. Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 26 с.; Загородский В. В. Правовая культура в контексте прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 23 с.; Зорченко Е. А. Формирование правовой культуры личности в трудовом коллективе: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1982. 195 с.; Конищенко Е. Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 23 с.; Магденко А. Д. Правосознание сотрудников внутренних дел в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 32 с.; Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э. В. Кузнецов, В. П. Сальников, В. А. Сапун, В. П. Федоров, Н. Г. Янгол. Л., 1986. 96 с.; Молчанов А. А. Правовая культура в деятельности советской милиции (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1989. 182 с.; Очердько В. П. Российское юридическое образование в формировании профессионального правосознания: традиции и современность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 466–468; Павлов О. Ф. Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудников милиции): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 29 с.; Петручак Л. А. Правовая культура современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 53 с.; Пынзарь А. Г. Правовая культура в сфере реализации административно-правовых норм работниками милиции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 217 с.; Сальников В. П. Правовая культура сотрудников милиции. Л., 1983. 72 с.; Сальников В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Л., 1988. 48 с.; Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 36 с.; Суворов Л. К. Правовая культура и роль советской юридической системы в ее формировании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 180 с.; Шашин А. Г. Правовая культура в правовой системе общества: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 191 с.

²¹⁷ Касаева Т. В. Правовая культура государственных служащих как фактор повышения ответственности перед обществом // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 4. С. 36.

²¹⁸ Волков В. В. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / В. В. Волков, А. В. Дмитриева, М. Л. Поздняков, К. Д. Титаев; под ред. В. В. Волкова. СПб., 2012. 60 с.

и способы правового воспитания в этих структурах. Эти работы свидетельствуют о признании того факта, что каждая отрасль службы имеет свою специфику правовой культуры, которую необходимо исследовать с учетом специфических условий деятельности.

Что касается непосредственно войск национальной гвардии, то их создание в 2016 году актуализировало проблему профессиональной правовой культуры военнослужащих нового силового ведомства. В первые годы после образования Росгвардии появлялись отдельные статьи и публикации прикладного характера (о правовом воспитании личного состава, о поддержании дисциплины, о морально-психологическом облике офицеров и т.д.). Однако целостных научных исследований по данной тематике практически не было. Лишь в 2021 году М.В. Яковлев защитил диссертацию, специально посвященную профессиональной правовой культуре военнослужащих Росгвардии, где дал теоретико-правовой анализ понятия, структуры, условий формирования и механизмов обеспечения этой культуры²¹⁹. Данная работа стала первым комплексным научным трудом по теме и заложила основу для дальнейших исследований. Он также констатировал недостаточную разработанность общей теории профессиональной правовой культуры и предложил авторские уточнения дефиниций, а также мер по укреплению правовой культуры военнослужащих Росгвардии. В последние годы тема продолжает развиваться, но, тем не менее, уровень научной разработанности проблемы пока остается невысоким. Отсутствует единое мнение относительно точных границ понятия: ведется дискуссия, является ли профессиональная правовая культура лишь частью общей культуры (не отличающейся по структуре), либо качественно особым явлением. Нет и общепринятой методики эмпирической оценки уровня правовой культуры военнослужащих.

Отсутствие унифицированных подходов к измерению данного феномена

---

²¹⁹ Яковлев М. В. Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 191 с.

сопряжено и с тем, что в юридической науке отсутствует единое мнение о структуре профессиональной правовой культуры. Представляется обоснованным выделить несколько основных элементов, взаимосвязанных между собой:

1) совокупность специальных юридических знаний и понимания законодательства, необходимых в данной профессиональной деятельности. Для военнослужащих войск правопорядка это знание нормативных правовых актов, уставов, приказов, регламентирующих их службу, а также понимание принципов законности при выполнении приказов;

2) система правовых ценностей, идеалов и принципов, которыми руководствуется профессионал. В контексте службы в Росгвардии к ключевым ценностям относятся дисциплина и законность как высшие приоритеты, верность присяге и приказу, уважение прав граждан при осуществлении силовых полномочий, а также честность и неподкупность. Профессиональные правовые ценности военнослужащих Росгвардии заключаются в обеспечении высокого качества выполнения служебных задач при неукоснительном соблюдении правовых норм. Проявляется это в готовности соразмерять применение силы с требованиями закона, в стремлении защищать права и безопасность граждан, в поддержании внутренней дисциплины, основанной на убежденности, а не только на страхе наказания;

3) устоявшиеся навыки, привычки и стандарты правомерного поведения, характерные для данной профессиональной среды. У военнослужащих Росгвардии это выражается в безусловном соблюдении законных приказов, точном следовании уставной дисциплине, недопустимости противоправных методов при выполнении служебных задач;

4) культура профессионального общения и взаимодействия в правовой сфере – как внутри коллектива, так и с гражданским населением. Сюда входит уважительное отношение к сослуживцам и гражданам, соблюдение этических норм при осуществлении служебных полномочий, умение разрядить конфликт правовыми средствами;

5) способность развивать и адаптировать правовые знания, применять творческий подход к решению служебных задач в рамках закона. Для военнослужащего это умение принять юридически грамотное решение в нестандартной ситуации, проявить инициативу, не нарушая при этом правовых ограничений.

Такая многоэлементная структура позволяет всесторонне охарактеризовать профессиональную правовую культуру как сложное образование, включающее и уровень правовых знаний, и глубину правовых убеждений, и практики соблюдения и применения правовых норм. Профессиональные правовые ценности в войсках правопорядка во многом определяют его облик: например, военнослужащий Росгвардии должен сочетать повиновение приказу с правовой убежденностью – т.е. подчиняться командам не слепо, а понимая их законность и правомерную цель. В итоге можно дать следующее определение: профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии РФ – это комплексная характеристика данной группы, включающая уровень их правовых знаний, степень приверженности правовым ценностям (законности, справедливости, дисциплине) и практическая готовность к правомерному поведению и соблюдению требований служебной этики, необходимые для эффективного и законного исполнения служебных обязанностей. Данное определение сочетает общегосударственные правовые принципы с профессиональной спецификой военной службы. Оно базируется на российских традиционных нравственно-правовых и духовных ценностях²²⁰

---

²²⁰ Указ Президента РФ от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 35. Ст. 6250.; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.; Дерюгин А. А., Аврамов С. О. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 67–72.; Кийко А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 22–24.; Мартысюк П. Г. Духовно-нравственные ориентиры

и характеризует правовую зрелость личности военнослужащего Росгвардии.

Для понимания роли профессиональной правовой культуры важно рассмотреть понятие правовой зрелости личности военнослужащего. Под правовой зрелостью обычно понимают высокий уровень развития правосознания и ответственности, при котором соблюдение закона становится для индивида внутренней потребностью и привычкой, а не только результатом внешнего принуждения. Правовая культура военнослужащего напрямую служит индикатором его правовой зрелости. В традиционно авторитарной военной среде долгое время главным показателем хорошей службы считалась дисциплина – т.е. беспрекословное исполнение приказов и соблюдение уставного порядка. Однако сама по себе внешняя дисциплинированность не всегда равнозначна правовой зрелости и высокой культуре. Возможна ситуация показного порядка, когда подразделение демонстрирует безукоризненное подчинение, основанное лишь на страхе наказания и формально-исполнительской модели подчинения, – при этом внутренне у личного состава отсутствует понимание правовых ценностей и критическое восприятие незаконных распоряжений. В такой обстановке формируется своеобразный правовой нигилизм²²¹ под оболочкой дисциплины: военнослужащие подчиняются приказам автоматически, не разделяя их правового смысла, и при ослаблении контроля могут нарушить нормы, которые не стали их собственными убеждениями. Такое подчинение из страха говорит скорее о правовой инфантильности, незрелости личности в правовом отношении. Напротив, правовой зрелостью можно назвать ситуацию, когда высокая дисциплина достигается за счет осознанного уважения к требованиям закона.

формирования личности сотрудника силовых ведомств // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 448–453.; Сальников В. П., Масленников Д. В., Морозов А. И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню прав человека, г. Уфа, 10 дек. 2020 г.: в 2 ч. / отв. ред. Е. О. Тулупова. Уфа, 2020. Ч. 1. С. 176–187.

²²¹ Захарцев С. И., Сальников В. П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.

Военнослужащие подчиняются командам не из боязни кары, а по внутреннему убеждению в их легитимности и справедливости. Они обладают моральной смелостью не выполнить заведомо преступный приказ, понимая свою юридическую ответственность за подобные действия. Таким образом, оптимальной считается модель, при которой безусловная исполнительность сочетается с правовой сознательностью. Представляется, что современного военнослужащего правового государства необходимо учить и дисциплине, и пониманию прав человека одновременно. Одностороннее воспитание в духе лишь слепого повиновения может привести к тому, что правовые ограничения будут соблюдаться формально, а не из внутренней убежденности – что снижает их профилактическую эффективность. Следовательно, высокий уровень профессиональной правовой культуры выступает надежным показателем правовой зрелости военнослужащего. Если он сознательно разделяет ценности законности, правопорядка, ответственности, то можно утверждать, что он достиг определенной правовой зрелости – и это проявляется вовне через добросовестное поведение даже без прямого принуждения.

Необходимо отметить влияние правовой культуры на эффективность правовых стимулов и ограничений. Правовые стимулы и ограничения – это две взаимодополняющие группы юридических средств, с помощью которых государство направляет поведение граждан (в том числе и военнослужащих).

Применительно к служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации профессиональная правовая культура оказывает прямое влияние на действенность этих правовых средств управления поведением. Иными словами, эффективность правовых стимулов и ограничений во многом зависит от уровня правовой культуры личного состава войск. Если военнослужащий обладает высоким уровнем правовой культуры – то есть глубокими знаниями своих прав и обязанностей, уважением к закону и устойчивыми правовыми ценностями – он значительно лучше воспринимает как позитивные, так и негативные юридические сигналы от государства. Здесь важную роль играет как общая военно-политическая, так и особенно

юридическая грамотность военнослужащего²²². В результате правовые стимулы действительно достигают цели: поощрения воспринимаются всерьез и мотивируют личный состав на добросовестную службу, а ограничения предотвращают правонарушения не только страхом наказания, но и внутренним убеждением в недопустимости противоправных действий. Например, в подразделении с высокими правовыми ориентирами достаточно объявить благодарность отличившимся или вручить награду – и это будет признано значимым событием, вызывающим гордость и стремление соответствовать у остальных военнослужащих. Напротив, при низком уровне правовой культуры тот же самый арсенал правовых средств не демонстрирует ожидаемого регулятивного эффекта. В рамках данной работы полагается, что высокая правовая культура делает применение правовых стимулов более эффективным и предсказуемым, поскольку субъекты разделяют социально значимые ценности законопослушания и понимают справедливость самой идеи сочетания поощрений и наказаний. Если же у военнослужащего (подразделения Росгвардии) не сформированы правовые убеждения и ценности, государству приходится чаще прибегать к жесткому принуждению, пытаясь компенсировать дефицит самодисциплины внешней дисциплиной. В коллективе с низкой культурой правовые поощрения могут обесцениваться или восприниматься как формальная процедура без устойчивого мотивационного эффекта, тогда как только угроза наказания удерживает от нарушений. Однако и наказания в среде с недостатком правовой культуры зачастую теряют профилактический эффект: вместо осознания вины правонарушитель ощущает себя обиженным, наказание воспринимается как несправедливость или ищутся способы укрыть проступок, вместо того чтобы исправить поведение. Тем самым, профессиональная правовая культура служит детерминантой эффективности механизма правового стимулирования

---

²²² Бороненко Т. А., Руденко В. С. Введение в понятие «военно-политическая грамотность» военнослужащих Росгвардии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2025. № 2. С. 158–173.; Руденко В. С. Влияние воинского коллектива на формирование грамотности у военнослужащих // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 228–238.

и ограничения: она определяет, сработают ли юридические меры должным образом либо останутся на бумаге.

Отмечается и обратная зависимость: не только профессиональная правовая культура влияет на действие стимулов, но и сами правовые стимулы и ограничения способны укреплять или подрывать правовую культуру субъектов. Если командование и государство последовательно применяют позитивные стимулы – поощряют законопослушных военнослужащих, демонстрируют уважение к их правам, создают режим благоприятствования для добросовестной службы, – это формирует у личного состава доверие к правовой системе, повышает их правовую осведомленность и укрепляет чувство собственной значимости как защитников законности. Восприятие правомерного поведения как социально одобряемого и подкрепляемого поощрительными мерами (присвоение очередного воинского звания, награждение, объявление благодарности) усиливает его мотивационный потенциал и способствует поддержанию требуемого уровня дисциплины. Правовая культура в таких условиях постепенно растет: позитивные примеры укореняются как часть ценностей воинского коллектива. И наоборот, если упор делается лишь на наказания и запреты при недостатке поощрений, может возникнуть отчужденность и правовой нигилизм. Когда военнослужащие сталкиваются преимущественно с карательной стороной службы и не ощущают поддержки за добросовестность, у них снижается доверие к командирам (начальникам) и уважение к закону. Такая среда воспитывает лишь показное послушание из страха санкций, а не сознательную дисциплину. Поэтому для воспитательной работы в войсках важен принцип разумного баланса стимулов и ограничений, сообразно текущему уровню культуры²²³. Там, где культура изначально ниже, возможно, на переходном этапе требуются более строгие меры контроля и ограничения, но по мере ее роста акцент следует смещать на позитивную мотивацию и поощрение. Конечная цель – чтобы внешняя дисциплина

---

²²³ Аврамов С. О. Ценность права: баланс стимулов и ограничений // Закон и право. 2025. № 3. С. 17–25.

постепенно подкреплялась внутренними убеждениями, а не держалась исключительно на принуждении.

В прикладном аспекте профессиональная правовая культура выступает значимым фактором результативности дисциплинарно-правовых мер. При более системной организации правового просвещения и правового информирования личного состава (регулярные занятия по изучению нормативных предписаний, разбор типичных служебных ситуаций с правовой оценкой, обсуждение этически сложных случаев) формируются более устойчивые навыки правомерного поведения и повышается предсказуемость действий военнослужащих в рамках установленных требований. Напротив, при преобладании формально-отчетного подхода к правовому обучению либо при его эпизодическом характере возрастает риск поверхностного усвоения правовых ориентиров службы, что может сопровождаться отдельными нарушениями дисциплины и ошибками при реализации полномочий. В целом недостаточная сформированность правовой культуры проявляется не только в дефиците знаний о правах и обязанностях, но и в снижении способности применять правовые критерии к конкретным служебным ситуациям. Учитывая это, повышение качества правового просвещения и воспитательной работы следует рассматривать как условие укрепления дисциплины и законности в деятельности войск правопорядка.

Для уточнения отдельных выводов целесообразно обратиться к сопоставительным примерам из иных сфер публичной службы, в которых вопросы дисциплины и профессиональной этики имеют устойчивое нормативное оформление. В ряде случаев более сформированная профессиональная правовая культура может усиливать мотивационный потенциал поощрительных мер и снижать потребность в частом применении формальных дисциплинарных санкций. Так, в органах внутренних дел применяются поощрительные процедуры, в том числе досрочное снятие взысканий и награждение за образцовую службу²²⁴, что поддерживает мотивацию к соблюдению служебных стандартов.

---

²²⁴ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

В профессиональных сообществах с повышенными этическими требованиями (например, в судебском корпусе) существенную роль играют корпоративные стандарты и репутационные ограничения, функционирующие наряду с установленными дисциплинарными процедурами. В то же время систематизированные сравнительные исследования правовой культуры войск национальной гвардии Российской Федерации с аналогичными структурами зарубежных государств остаются недостаточно представленными в отечественной научной литературе. Обращение к опыту национальных гвардий и жандармерий может рассматриваться как перспективное направление последующего научного анализа. Вместе с тем, если этот опыт будет учитываться, то его использование должно предполагать суверенитет отечественной философии права²²⁵ и суверенный характер российской государственно-правовой идеологии²²⁶.

Анализ теории и практики формирования профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии выявляет ряд проблемных моментов. Во-первых, до сих пор не выработано общепринятого понятийного аппарата – различные авторы по-разному трактуют объем понятия. Отсутствие единства в терминологии затрудняет методику исследований и сравнений. Необходимо дальнейшее теоретическое осмысление того, чем профессиональная правовая

---

²²⁵ Богатырев Д. К., Сальников В. П. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. 2019. № 11-12. С. 36–43.; Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2024. С. 70–120.; Сальников В. П., Исмагилов Р. Ф., Прокофьев К. Г. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // Теория государства и права. 2024. № 2-1(37). С. 186–195.; Фролова Е. А. Проблемы теории и философии права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 304 с.

²²⁶ Жук А. С., Сальников В. П. Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 163–170.; Зорина Н. В., Клименко О. А., Мирзоев А. К., Прокофьев К. Г., Сальников М. В. Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. 2018. № 11. С. 188–193.; Сальников В. П., Масленников Д. В., Захарцев С. И., Морозов А. И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.; Сальников В. П., Масленников Д. В., Захарцев С. И., Прокофьев К. Г., Морозов А. И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.; Хабибулин А. Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3-2(40). С. 200–204.

культура качественно отличается от общей, и какие показатели (например, состояние ведомственного законодательства или организационной культуры) следует включать в ее оценку. Возможно, здесь может идти речь о самостоятельной категории права в дополнение к тем категориям, которые предложил в свое время профессор А.М. Васильев²²⁷.

Во-вторых, сложной остается задача измерения уровня профессиональной правовой культуры. Этот феномен носит во многом качественный характер, трудно выражаемый числами. Тем не менее для практических нужд требуется диагностика и мониторинг. Возможный подход – комплексная оценка, сочетающая несколько критериев:

- 1) показатели правомерного поведения (количество дисциплинарных взысканий, правонарушений, жалоб на подразделение),
- 2) оценка правовых знаний личного состава (например, периодическое тестирование или проверки знаний уставов и законов),
- 3) измерение ценностных ориентаций и установок (психологические опросники на уровень правового идеализма (нигилизма), отношение к соблюдению правовых норм и др.).

С учетом профессиональной специфики, представляется возможным разработать своего рода индекс правовой культуры военнослужащего, учитывающий перечисленные компоненты. В перспективе ее внедрение позволило бы объективнее отслеживать прогресс в воспитательной работе.

В-третьих, одной из центральных проблем является противоречие между требованием строгой дисциплины и задачей развития правовой самостоятельности личности. Как отмечалось выше, военная модель управления строится на безусловном подчинении, что иногда вступает в конфликт с принципом верховенства закона (который подразумевает отказ выполнять заведомо незаконные приказы). На практике формирование у военнослужащих устойчивой способности к правовой оценке служебных ситуаций при сохранении

---

²²⁷ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.

требований дисциплины представляет определенную сложность. Здесь скрыт потенциальный конфликт ценностей: традиционная воинская добродетель – это беспрекословная исполнительность, тогда как правовое государство требует от военнослужащего умения соотносить приказы с законом. Согласование указанных требований представляет собой важную педагогическую и управленческую задачу. Решение видится в обновлении программ воспитания: включении в них занятий по разбору гипотетических ситуаций «незаконный приказ», изучении гуманитарного права, формировании у младших командиров понимания ответственности за отдаваемые распоряжения.

Четвертая проблемная область связана с воздействием внешней социальной среды и публичного образа ведомства на формирование внутренних нормативно-ценностных установок личного состава. Общественное восприятие силового института выступает контекстным фактором, который может влиять на условия правового воспитания и на характер коммуникации военнослужащих с гражданами. При распространенности в общественной среде настороженных или критических оценок деятельности ведомства у части личного состава может усиливаться ориентация на закрытость и внутрикорпоративную солидаризацию, что объективно осложняет развитие установок на открытое правомерное взаимодействие с населением. В первые годы существования Росгвардии в публичном дискурсе встречались интерпретации ее роли через призму преимущественно внутривластных функций, что формировало неоднозначный информационный фон вокруг службы и могло отражаться на самоидентификации военнослужащих. Наличие имиджевых рисков и информационной асимметрии (в том числе общественные дискуссии о соразмерности применения полномочий, ограниченная прозрачность отдельных аспектов деятельности) создает дополнительные ограничения для формирования устойчивой профессиональной правовой культуры. Перспективным направлением представляется развитие форм институциональной коммуникации с обществом – расширение информирования о правовых основаниях и задачах службы, повышение открытости в пределах допустимого, а также публично понятные

процедуры правовой оценки отдельных инцидентов. Такой подход способен укреплять легитимность служебной деятельности в глазах граждан и поддерживать у личного состава ориентацию на соблюдение правовых требований и стандартов законности.

Наконец, следует отметить организационно-правовые пробелы, связанные с нормативным обеспечением формирования правовой культуры военнослужащих Росгвардии. Проведенный анализ показывает, что регулирование данной сферы носит преимущественно фрагментарный характер: общие требования к соблюдению законности и прав граждан закрепляются в законодательстве (включая Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и иные акты)²²⁸, однако специальные положения, системно и комплексно регламентирующие организацию правового воспитания и правового просвещения в войсках, представлены недостаточно полно. Функции правового обучения личного состава традиционно возлагаются на заместителей по военно-политической работе. При этом результативность правового

---

²²⁸ После принятия соответствующего профильного федерального закона был опубликован комментарий к нему и отдельные статьи, разъясняющие его содержание: Сальников В. П., Борисов О. С., Кондрат Е. Н. Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М., 2016. 312 с.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 157–163.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом // Правовое поле современной экономики. 2016. № 8. С. 133–142.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции // Правовое поле современной экономики. 2016. № 9. С. 144–161.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 147–153.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Полномочия и общие полномочия войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 11. С. 140–152.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Правовая основа и принципы деятельности войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 8. С. 136–149.; Сальников В. П., Кондрат Е. Н., Борисов О. С. Специальные полномочия войск национальной гвардии: задержание, вскрытие транспортного средства // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 148–155.

просвещения в подразделениях характеризуется неоднородностью и не всегда обеспечивает достижение поставленных целей. В отдельных случаях это связано с преобладанием процедурно-отчетных форм и формализованного подхода к организации занятий. В результате возрастает зависимость качества от управленческих решений и организационных приоритетов на уровне конкретного подразделения. В настоящее время основными критериями оценки деятельности подразделений Росгвардии являются показатели боевой подготовки, служебного выполнения задач, физической подготовки и т.п. Уровень правовой культуры и правовой грамотности личного состава не фигурирует напрямую в показателях эффективности. В таких условиях внимание командиров к правовому обучению во многом определяется наличием либо отсутствием зафиксированных правонарушений: при их отсутствии состояние дисциплины обычно квалифицируется как устойчивое. Предлагается изменить эту ситуацию, введя показатели состояния правовой культуры в систему аттестации и оценки подразделений. В частности, необходимо поощрять те подразделения, где длительное время не было дисциплинарных нарушений, отмечать наградами и продвижением по службе командиров, добившихся образцовой дисциплины. Такая мера создала бы прямой стимул для начальников заниматься правовым воспитанием подчиненных, увязывая успехи на этом поприще с собственным служебным ростом.

Подводя итог, можно констатировать, что профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации – чрезвычайно значимый фактор обеспечения законности и эффективности деятельности данного ведомства. Высокая правовая культура личного состава выступает одновременно индикатором правовой зрелости этих военнослужащих и условием более результативного действия правовых стимулов и ограничений в системе службы. Проведенный анализ показал, что правовая культура военнослужащих Росгвардии формируется под влиянием целого комплекса правовых, организационных, социально-психологических и личностных факторов. Только при системном воздействии на все эти аспекты можно добиться

устойчивого повышения уровня культуры. Необходим баланс между требованием безусловного повиновения приказам и соблюдением верховенства закона: дисциплина должна опираться на правосознание, тогда она будет прочной и осмысленной. На сегодняшний день перед Росгвардией стоит задача разработки целостной программы правового воспитания, которая включала бы современные методы обучения, мониторинг результатов и учет правовой культуры при оценке деятельности командиров. Реализация таких мер способна не только снизить количество нарушений и злоупотреблений, но и укрепить доверие населения к войскам, повысить авторитет службы. В долгосрочной перспективе это служит общенациональной задаче – укреплению законности и правопорядка, построению правового государства, где военнослужащие Росгвардии обладают высокой правовой культурой и сознательно ограничивают себя рамками закона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило решить поставленные задачи и сформировать теоретико-правовое представление о правовых стимулах и правовых ограничениях в отношении специального субъекта права – военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. В работе обосновано, что стимулирующее и ограничительное действие права образуют взаимосвязанный механизм нормативного регулирования, обеспечивающий упорядочение поведения посредством взаимодополняющих способов. Поощрение правомерной активности предполагает одновременное обозначение границ дозволенного, тогда как ограничительные предписания выполняют не только сдерживающую, но и ориентационную функцию, направляя адресата к социально приемлемым моделям действий. Социальная ценность права раскрывается через способность правового воздействия сохранять соразмерность между стимулирующими и ограничительными средствами: избыточность ограничительных механизмов ослабляет восприятие правовых предписаний, а недостаточность – снижает охранительный потенциал регулирования. В этой связи показано, что баланс стимулов и ограничений выступает условием практической реализуемости базовых ценностей права – свободы, равенства и справедливости.

Теоретический анализ охватил генезис и теоретико-правовые характеристики правовых ограничений и правовых стимулов, а также показал значение их соотношения для понимания ценностного измерения права. Историко-правовой анализ отечественных источников позволил проследить устойчивое присутствие ограничительных механизмов в системе правового регулирования при изменении исторических форм и оснований ограничений. Установлено, что правовые ограничения являются неотъемлемым элементом механизма правового регулирования, обеспечивающим баланс между интересами государства, общества и личности посредством фиксации границ допустимого поведения и защиты законных интересов субъектов права. Одновременно

выявлено, что отсутствие единой концепции правовых ограничений осложняет их системное понимание и практическое применение, актуализируя потребность в разработке критериев разграничения ограничений, запретов и обязанностей. С учетом цифровизации и трансформации правовых систем отмечена необходимость пересмотра традиционных подходов к ограничениям и их адаптации к новым вызовам, включая сферу цифровых технологий и информационных отношений.

В рамках исследования правовых стимулов показано, что правовое стимулирование выступает особым способом правового воздействия, ориентированным на формирование добровольной правомерной активности и поддержание позитивной мотивации субъектов. Стимулирующие средства функционально дополняют принудительные начала регулирования, смещая акцент с реакции на нарушение к созданию юридически оформленной заинтересованности в соблюдении предписаний. Уточнено, что правовые стимулы реализуются через предоставление адресатам правовых преимуществ, возможностей и гарантий, опосредованно воздействуя на мотивационную сферу личности. Выявлена необходимость терминологической и институциональной дифференциации правостимулирующих механизмов (в частности, разграничения льгот, привилегий, иммунитетов, преференций и гарантий) и предложена классификация стимулов по форме реализации и типу воздействия, включающая материально-экономические, социально-статусные и морально-психологические стимулы. Подчеркнута динамичность стимулирующего регулирования и вероятность расширения спектра соответствующих механизмов.

Рассмотрены особенности проявления ограничительных средств применительно к военнослужащим как специальному субъекту права. Установлено, что ограничения их прав и свобод обусловлены публично-служебным характером военной службы и выступают элементом специального правового положения. Систематизация ограничений проведена по двухуровневой модели. Общая группа охватывает ограничения, вытекающие из статуса военнослужащего, действующие независимо от конкретных условий выполнения

задач и затрагивающие политическую и экономическую сферы, публичную коммуникацию и реализацию свободы совести. В нее входят: требования политической нейтральности и пределы участия в политической деятельности, экономические запреты и антикоррупционные требования, направленные на предупреждение конфликта интересов и исключение коммерческой активности, ограничения публичных высказываний, запреты, исключающие использование служебного статуса в религиозной (антирелигиозной) пропаганде и другие.

Специальная группа включает ограничения, обусловленные режимом военной службы и условиями выполнения служебно-боевых задач, а также требованиями безопасности, служебной независимости и дисциплины: запрет участия в забастовках и иных формах прекращения исполнения обязанностей; режимные ограничения информационного характера в СМИ и сети «Интернет», включая запреты на разглашение государственной и служебной тайны, ограничения на распространение сведений о служебной деятельности, а также требования, касающиеся использования средств фото-, видео- и аудиофиксации, передачи данных и геолокации; ограничения в части принятия иностранных наград и званий; режимные ограничения свободы передвижения при наличии допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, а также в пределах гарнизона; особенности реализации права на образование и специфика режима служебного времени. Показано, что реализация системы ограничений обеспечивается согласовательными и режимными процедурами, внутриорганизационным контролем со стороны командования и применением мер юридической ответственности за нарушения, что ориентировано на поддержание дисциплины, единоначалия и законности в повседневной служебной деятельности.

Раскрыто содержание правовых стимулов военнослужащих как совокупности мер поощрительного и обеспечительного характера, закрепленных в системе многоуровневого нормативного регулирования и ориентированных на поддержание дисциплины и добросовестного исполнения обязанностей, а также на поддержание высокой боевой готовности и морального

духа личного состава. Показано, что стимулирование носит комплексный характер и включает материальное вознаграждение (денежное довольствие, надбавки, обеспечение жильем и др.), морально-психологические формы поощрения (награды, продвижение по службе и др.) и систему гарантий социального благополучия (медицинское и пенсионное обеспечение, льготы членам семьи и др.). Отмечено, что эффективность стимулирующих предписаний существенно зависит от процедурной определенности и единообразия применения в служебной вертикали: в противном случае возрастает риск снижения их мотивационного потенциала. Зафиксированы проблемные аспекты функционирования системы стимулирования, включая формализм в применении поощрений, относительно недостаточную разработанность механизмов нематериального стимулирования и ограниченность цифровизации учета поощрений и наград. Подчеркнуто, что опыт периода СВО наглядно подтвердил значимость продуманной системы стимулирования: дополнительные поощрения и гарантии, предоставленные участникам операции, поддерживают мотивацию и уверенность личного состава при выполнении задач в экстремальных условиях.

Обосновано, что профессиональная правовая культура выступает значимым фактором результативности правовых стимулов и правовых ограничений. Профессиональная правовая культура раскрыта как комплекс правовых знаний, ценностных установок и практической готовности к правомерному поведению, формируемых в условиях службы и определяющих восприятие правовых требований. Показано, что при высоком уровне правовой культуры позитивные и негативные юридические сигналы интерпретируются адресатами более корректно и осознанно: поощрения мотивируют на добросовестную службу и обеспечение правомерного поведения, а ограничения предотвращают правонарушения не только страхом наказания, но и внутренним убеждением в недопустимости противоправных действий. При низком уровне правовой культуры поощрения могут обесцениваться и восприниматься как формальная процедура, тогда как регулятивный эффект ограничений и наказаний смещается в сторону внешнего принуждения. При этом нередко снижается

профилактический потенциал ответственности из-за восприятия наказания как несправедливости и появления практик сокрытия проступков. Одновременно отмечена обратная зависимость: последовательное и справедливое применение стимулов и ограничений способно укреплять профессиональную правовую культуру, тогда как произвольность и несоразмерность могут ее подрывать. Сформулирован вывод о необходимости баланса между требованием безусловного повиновения и соблюдением верховенства закона: дисциплина должна опираться на правосознание, чтобы обеспечивать ее устойчивость. В этой связи обоснована потребность в разработке целостной программы правового воспитания, предусматривающей современные методы обучения, мониторинг результатов и учет состояния правовой культуры при оценке деятельности командиров, что способно снизить количество нарушений и злоупотреблений, укрепить доверие населения и повысить авторитет службы.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении категориального аппарата, используемого при анализе стимулирующих и ограничительных правовых средств, и в раскрытии их взаимосвязи применительно к специальному субъекту права, что позволяет использовать полученные выводы как методологический ориентир при оценке соразмерности правового воздействия. Практическая значимость работы проявляется в возможности применения результатов в организационно-методической и учебной деятельности, связанной с правовым информированием, правовым воспитанием и служебной подготовкой личного состава, а также при разработке учебно-методических материалов и программ повышения квалификации должностных лиц, обеспечивающих контроль соблюдения установленных ограничений и применение мер поощрения. Материалы диссертации могут применяться при преподавании дисциплин теоретико-правового и военно-правового профиля и в научно-исследовательской работе обучающихся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и другие официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изм., одобр. 1 июля 2020 г.) // Официальный текст Конституции Российской Федерации, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на официальном интернет-портале правовой информации 06.10.2022. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2023). – Текст : электронный.
2. О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. О ветеранах : Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 168.
5. Об обороне : Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
6. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.
7. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1474.
8. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон

от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

9. О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.

10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

11. О системе государственной службы Российской Федерации : Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

12. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

13. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

15. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.

16. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

17. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

18. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства

Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.

19. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7494.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 10. – Ст. 1308.

21. Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 1995 г. № 1341 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 2. – Ст. 64.

22. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 47 (ч. 1). – Ст. 5749.

23. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 37. – Ст. 4643.

24. О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 2022 г. № 787 (ред. от 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

25. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

26. Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности : Указ Президента

Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 35. – Ст. 6250.

27. О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы, а также оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании войск национальной гвардии Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 2. – Ст. 166. – Текст : непосредственный.

28. О выплате денежного довольствия военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях, дислоцированных за пределами территории Российской Федерации, а также военнослужащим, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах : Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1071 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 1. – Ст. 116. – Текст : непосредственный.

29. О размерах коэффициентов и процентных надбавок и порядке их применения для расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, проходящих военную службу (службу) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации

от 23 января 2023 г. № 58 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 5. – Ст. 796. – Текст : непосредственный.

30. О ведомственных наградах Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14 февраля 2017 г. № 50 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

31. Об утверждении Порядка принятия в войсках национальной гвардии Российской Федерации почетных и специальных званий (кроме научных), наград иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений, в том числе религиозных, и других организаций : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 24 июля 2017 г. № 234 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

32. Об утверждении Перечня показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующей им продолжительности медико-психологической реабилитации, Перечня категорий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, подлежащих при наличии показаний медико-психологической реабилитации, а также Порядка и мест проведения медико-психологической реабилитации военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

33. Об утверждении Инструкции об особенностях организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях войск национальной гвардии Российской Федерации, в том числе при санаторно-курортном лечении : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

от 2 октября 2018 г. № 444 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

34. Об утверждении Порядка продовольственного обеспечения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и некоторых других категорий лиц, а также организации их питания в стационарных условиях, в том числе с привлечением предприятий общественного питания, и в полевых условиях, рационов питания, рационов выживания : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 15 ноября 2018 г. № 499 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

35. Об утверждении Перечня мероприятий, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 600 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

36. Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных денежных выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 28 ноября 2020 г. № 472 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

37. Об утверждении Порядка реализации накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в войсках национальной гвардии Российской Федерации : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 9 февраля 2021 г. № 43 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

38. Об утверждении Перечня сведений Федеральной службы войск

национальной гвардии Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 480 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

39. Об утверждении Порядка обеспечения вещевым имуществом в войсках национальной гвардии Российской Федерации : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 484 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

40. Об утверждении Порядка представления в войсках национальной гвардии Российской Федерации сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера : приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 19 сентября 2022 г. № 327 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.12.2025). – Текст : электронный.

Правовые акты, утратившие силу

41. Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 25. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1908. – № 26662. – С. 645–651.

42. Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». – Текст: непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва, 1942. – № 35. – Ст. 468. – С. 488–490.

43. Декрет СНК РСФСР от 8 ноября 1917 г. «О государственной монополии на печатание объявлений». – Текст : непосредственный // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 08.11.1917. – № 6.

44. Декрет СНК РСФСР от 11 января 1919 г. «О разверстке между

производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». – Текст : непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – Москва, 1943. – № 1. – Ст. 10. – С. 12.

45. Декрет СНК РСФСР от 27 октября 1917 г. «О печати». – Текст : непосредственный // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 28.10.1917. – № 1.

46. Именной Высочайший Указ об изменении положения о выборах в Государственную думу. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 25. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1908. – № 27029. – С. 877–882.

47. Именной Указ Сенату о роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Государственной думы. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. – № 29241. – С. 320–321.

48. Инструкция Наркомюста РСФСР от 23.07.1918 «Об организации и действии Местных Народных Судов». – Текст : непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва, 1942. – № 53. – Ст. 597. – С. 699–708.

49. Кодекс законов о труде РСФСР от 10.12.1918. – Текст: непосредственный // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва, 1942. – № 87–88. – Ст. 905. – С. 1229–1248.

50. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР 07.10.1977. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

51. Манифест от 3 июня 1907 г. «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Государственной думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу». – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 27. – № 29240. – С. 319–320.

52. Положение о выборах в Государственную думу. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. – № 29242. –

С. 321–335.

53. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР). – 1942. – № 4. – Ст. 61. – Текст : непосредственный.

54. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 27 февраля 1962 г. № 214 «О признании утратившими силу решений ЦК КПСС и Правительства СССР в связи с принятием новых уголовных, уголовно-процессуальных законов и законов о судостроительстве Союза ССР и союзных республик» // СП СССР. – 1962. – № 4. – Ст. 28. – Текст : непосредственный.

55. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

56. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 10. – Ст. 203.

57. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 30.

Опубликованные исторические источники

58. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории АН СССР. – Москва : Политиздат, 1957. – 640 с. – Текст : непосредственный.

59. Законы Великого Князя Иоанна Васильевича и Судебник Царя и Великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами. – Москва, 1878. – 118 с. – Текст : непосредственный.

60. Новгородская и Псковская судные грамоты : тексты с предисловием и кратким объяснительным словарем / сост. канд. прав А. Б. Гинцбург. – Санкт-Петербург : Типография и литография Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1888. – 41 с. – Текст : непосредственный.

61. Полное собрание законов Российской Империи. Второе собрание. Т. 38. Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1866. – Док. № 39337, 39928. – С. 196–198, 870–871. – Текст : непосредственный.

62. Правда Русская / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. Т. 1 : Тексты / подгот. к печати В. П. Любимов [и др.]. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1940. – 505 с. – Текст : непосредственный.

63. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближайших его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым / предисл. Издателя Г. Ф. Миллера. – Изд. 2-е. – Москва : В университетской типографии у Н. Новикова, 1786. – 270 с. – Текст : непосредственный.

64. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций / издал Н. Калачов. – Москва : типография Августа Семена, 1846. – 52 с. – Текст : непосредственный.

Монографии и специальная литература

65. Актуальные проблемы теории права : курс лекций / под ред. К. Б. Толкачева, А. Г. Хабибулина; Уфимская высшая школа МВД РФ. – Уфа, 1995. – 258 с. – Текст : непосредственный.

66. Алексеев, С. С. Восхождение к праву : поиски и решения / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2002. – 601 с. – Текст : непосредственный.

67. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 187 с. – Текст : непосредственный.

68. Андреев, Ю. Н. Ограничения в гражданском праве России : монография / Ю. Н. Андреев. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. – 400 с. – Текст : непосредственный.

69. Анищенко, В. Н. Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика) / В. Н. Анищенко, А. Н. Выборный, А. Г. Хабибулин. – Москва : МГУ

им. М. В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, 2024. – 376 с. – Текст : непосредственный.

70. Анохин, Ю. В. Правовое положение личности в Российской Федерации : монография / Ю. В. Анохин, В. Г. Сидоров. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2003. – 88 с. – Текст : непосредственный.

71. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Саратов, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.

72. Братко, А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1979. – 92 с. – Текст : непосредственный.

73. Баранов, В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В. М. Баранов; под ред. М. И. Байтана. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1978. – 147 с. – Текст : непосредственный.

74. Баранов, П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы) / П. П. Баранов. – Москва : Высшая юридическая заочная школа МВД России, 1991. – 127 с. – Текст : непосредственный.

75. Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) ; вступит. слово проф. А. Александрова. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2023. – 456 с. – Текст : непосредственный.

76. Бердяев, Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / Н. А. Бердяев; сост. и коммент. В. В. Сапова. – Москва : Канон+, 1999. – 464 с. – Текст : непосредственный.

77. Бережнов, А. Г. Права личности : некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. – Москва : Издательство Московского университета, 1991. – 142 с. – Текст : непосредственный.

78. Боер, В. М., Городинец, Ф. М., Григонис, Э. П., Сальников, М. В., Янгол, Н. Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее : научное издание / под ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – 256 с. – Текст : непосредственный.

79. Большой психологический словарь / ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Изд. 4-е, расширенное. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : АСТ Москва : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с. – Текст : непосредственный.

80. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 264 с. – Текст : непосредственный.

81. Виноградова, Е. В. Грани современного российского конституционализма : монография / Е. В. Виноградова ; Институт государства и права РАН. – Москва : РИТМ, 2021. – С. 130–163. – Текст : непосредственный.

82. Винокуров, В. А. Наградное право России : учебное пособие / В. А. Винокуров ; Юридический институт (Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург : Издательство Юридического института, 2015. – 735 с. – Текст : непосредственный.

83. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. – Москва : Норма, 2008. – 448 с. – Текст : непосредственный.

84. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие / Л. Д. Воеводин ; отв. ред. Н. А. Богданова. – Москва : Проспект, 2023. – 296 с. – Текст : непосредственный.

85. Волков, В. В., Дмитриева, А. В., Поздняков, М. Л., Титаев, К. Д. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / под ред. В. В. Волкова. – Санкт-Петербург : Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 60 с. – Текст : непосредственный.

86. Галиев, Ф. Х., Раянов, Ф. М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект / Ф. Х. Галиев, Ф. М. Раянов. – Уфа : Башкирская энциклопедия, 2018. – С. 187–207. – Текст : непосредственный.

87. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 2 / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1971. – 248 с. – Текст : непосредственный.

88. Гуревич, П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич. – Москва : Аспект Пресс, 1994. – 317 с. – Текст : непосредственный.

89. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. – Москва : АСТ, 2017. – 1584 с. – Текст : непосредственный.

90. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли :

античность и современность : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова ; – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 618 с. – Текст : непосредственный.

91. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2011. – 973 с. – Текст : непосредственный.

92. Жуков, В. Н. Россия и Запад : ценности, политика, право : монография / В. Н. Жуков. – Москва : Юнити-Дана, 2025. – 840 с. – Текст : непосредственный.

93. Замысловский, Е. Е., Петров, И. И. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статуты / Е. Е. Замысловский, И. И. Петров. – Репр. воспр. изд. 1891 г. – Москва : Летопись, 2008. – 534 с. – Текст : непосредственный.

94. Захарцев, С. И., Масленников, Д. В., Сальников, В. П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография / С. И. Захарцев, Д. В. Масленников, В. П. Сальников. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 376 с. – Текст : непосредственный.

95. Золотухина, Н. М., Исаев, И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. / Н. М. Золотухина, И. А. Исаев. – Москва : Юрист, 1995. – 378 с. – Текст : непосредственный.

96. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) : монография / под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева ; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, И. Р. Исмагилов, О. А. Клименко, О. Ю. Лежнева, С. Ф. Мазурин, Б. В. Маков, Д. В. Масленников, А. К. Мирзоев, П. А. Петров, Е. А. Поливко, К. Г. Прокофьев, О. В. Пылева, В. П. Сальников, М. В. Сальников, Ф. О. Чудин-Курган. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 288 с. – Текст : непосредственный.

97. Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.) : монография / Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2017. – 324 с. – Текст : непосредственный.

98. История крепостного права в России / И. Энгельман ; пер. с нем. В. Щерба ; под ред. А. Кизеветтера. – Москва : С. Скимунт, 1900. – 442 с. – Текст : непосредственный.

99. Керимов, Д. А. Проблемы общей теории права и государства : в 3 т. / Д. А. Керимов. – Москва : Современный гуманитарный университет, 2001–2003. – 750 с. – Текст : непосредственный.

100. Клеандров, М. И. Правосудие и справедливость / М. И. Клеандров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2023. – 424 с. – Текст : непосредственный.

101. Ключевский, В. О. Сочинения : в 8 т. Т. 4 : Курс русской истории. Ч. 4 / В. О. Ключевский. – Москва : Политиздат, 1958. – 426 с. – Текст : непосредственный.

102. Козлова, Е. И., Кутафин, О. Е. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 5-е изд. – Москва : Проспект, 2015. – 592 с. – Текст : непосредственный.

103. Кудрявцев, В. Н., Казимирчук, В. П. Современная социология права / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – Москва : Юристъ, 1995. – 297 с. – Текст : непосредственный.

104. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка [А–Я] / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 1534 с. – Текст : непосредственный.

105. Кузнецов, Э. В., Сальников, В. П., Сапун, В. А., Федоров, В. П., Янгол, Н. Г. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э. В. Кузнецов, В. П. Сальников, В. А. Сапун, В. П. Федоров, Н. Г. Янгол. – Ленинград : ВПУ МВД СССР, 1986. – 96 с. – Текст : непосредственный.

106. Ла Грассери, Р. де. Психология религий / Р. де Ла Грассери ; пер. с фр. В. И. Писаревой. – Санкт-Петербург : Ф. Павленков, 1901. – 330 с. ; 18 см. – Текст : непосредственный.

107. Лазарев, В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев ; науч. ред. Б. С. Волков. – Казань : Издательство Казанского университета, 1972. – 200 с. – Текст : непосредственный.

108. Лазарев, В. В., Липень, С. В. Теория государства и права /

В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 521 с. – Текст : непосредственный.

109. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права : монография / О. Э. Лейст. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 288 с. – Текст : непосредственный.

110. Лившиц, Р. З. Современная теория права : краткий очерк / Р. З. Лившиц. – Москва : ИГиП РАН, 1992. – 94 с. – Текст : непосредственный.

111. Литвинов, М. А. История крепостного права в России / М. А. Литвинов. – Москва, 1897. – 376 с. – Текст : непосредственный.

112. Личность в советском трудовом праве / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц; отв. ред. С. А. Иванов. – Москва : Наука, 1982. – 232 с. – Текст : непосредственный.

113. Личность. Труд. Право / В. И. Курилов. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 336 с. – Текст : непосредственный.

114. Лукашева, Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 344 с. – Текст : непосредственный.

115. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 250 с. – Текст : непосредственный.

116. Малько, А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие / А. В. Малько. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Дело РАНХиГС, 2022. – 352 с. – Текст : непосредственный.

117. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов, 2003. – 510 с. – Текст : непосредственный.

118. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1972. – 292 с. – Текст : непосредственный.

119. Матузов, Н. И., Малько, А. В. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 5-е изд. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 528 с. – Текст : непосредственный.

120. Неновски, Н. Право и ценности / Н. Неновски. – Москва : Прогресс, 1987. – 248 с. – Текст : непосредственный.

121. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. –

Москва : Пресса, 1991. – 640 с. – Текст : непосредственный.

122. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2024. – 1376 с. – Текст : непосредственный.

123. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. проф. Л. В. Черепнина. – Москва, 1955. – 527 с. – Текст : непосредственный.

124. Памятники русского права. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. / под ред. и с предисл. Л. В. Черепнина; подгот. А. И. Копаневым [и др.]. – 1963. – 510 с. – Текст : непосредственный.

125. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2018. – 529 с. – Текст : непосредственный.

126. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.] ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – Текст : непосредственный.

127. Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Т. 4: История российских гражданских законов. Часть вторая. Книга вторая об имуществе. – Санкт-Петербург, 1857. – 446 с. – Текст : непосредственный.

128. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 512 с. – Текст : непосредственный.

129. Права человека и правовое социальное государство в России : монография / отв. ред. Е. А. Лукашева. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 400 с. – Текст : непосредственный.

130. Права человека и правозащитная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 мая 2003 г. / под ред. В. Н. Лопатина. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 399 с. – Текст : непосредственный.

131. Право. Порядок. Ценности : монография / общ. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Блок-Принт, 2022. – 688 с. – Текст : непосредственный.

132. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление:

сборник статей / редкол.: В. Г. Графский, Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц (отв. ред.). – Москва : Издательство ИГиП РАН, 1996. – 89 с. – Текст : непосредственный.

133. Пчелинцев, С. В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов / С. В. Пчелинцев. – Москва : Норма, 2006. – 480 с. – Текст : непосредственный.

134. Радищев, А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения / под общ. ред. и со вступ. ст. И. Я. Щипанова. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 676 с. – Текст : непосредственный.

135. Радько, Т. Н. Охранительная функция – сущностное свойство права // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 132–144. – Текст : непосредственный.

136. Раянов, Ф. М. Гражданское общество и правовое государство : проблемы понимания и соотношения : монография / Ф. М. Раянов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 320 с. – Текст : непосредственный.

137. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 3 : 1941–1952 годы / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков ; под общ. ред. К. М. Боголюбова, М. С. Смиртюкова. – Москва : Издательство политической литературы, 1968. – 752 с. – Текст : непосредственный.

138. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. тома В. Л. Янин. – 1984. – 430 с. – Текст : непосредственный.

139. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. тома А. Г. Маньков ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва, 1986. – 511 с. – Текст : непосредственный.

140. Сальников, В. П. Правовая культура сотрудников милиции / В. П. Сальников. – Ленинград : ВПУ МВД СССР, 1983. – 72 с. – Текст : непосредственный.

141. Сальников, В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / В. П. Сальников. – Ленинград : ВПУ МВД СССР, 1988. – 48 с. – Текст : непосредственный.

142. Сальников, В. П. Социалистическая правовая культура:

методологические проблемы / В. П. Сальников; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : СГУ, 1989. – 144 с. – Текст : непосредственный.

143. Сальников, В. П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел / В. П. Сальников. – Ленинград : ВПУ МВД СССР, 1989. – 86 с. – Текст : непосредственный.

144. Сальников, В. П., Борисов, О. С., Кондрат, Е. Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный) / В. П. Сальников, О. С. Борисов, Е. Н. Кондрат. – Москва : Юстицинформ, 2016. – 312 с. – Текст : непосредственный.

145. Сальников, В. П., Степашин, С. В., Янгол, Н. Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство : монография / В. П. Сальников, С. В. Степашин, Н. Г. Янгол ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – Текст : непосредственный.

146. Свердлов, М. Б. От Закона Русского к Русской Правде / М. Б. Свердлов. – Москва : Юридическая литература, 1988. – 176 с. – Текст : непосредственный.

147. Слово о Законе и Благодати / предисл. митрополита Иоанна (Снычева) ; сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина ; реконстр. древнерус. Текста Л. П. Жуковской ; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского ; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2011. – 176 с. – Текст : непосредственный.

148. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций : аналитический доклад / И. М. Рагимов, С. Н. Бабурин, Ю. В. Голик, Ю. И. Дук, А. И. Коробеев. – Санкт-Петербург : Юридический центр – Академия, 2019. – 344 с. – Текст : непосредственный.

149. Соколов, Н. Я. Профессиональное сознание юристов / Н. Я. Соколов. – Москва : Наука, 1988. – 224 с. – Текст : непосредственный.

150. Сорокин, П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин ; с предисл. проф. М. М. Ковалевского. – Санкт-Петербург : изд. Я. Г. Долбышева, 1914. – 456 с. – Текст : непосредственный.

151. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ;

общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова ; пер. с англ. С. А. Сидоренко. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с. – Текст : непосредственный.

152. Социальная антропология права современного общества : монография / Н. В. Разуваев, Л. А. Харитонов, А. Э. Черноков ; под ред. И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Знание, ИВЭСЭП, 2006. – 248 с. – Текст : непосредственный.

153. Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – 312 с. – Текст : непосредственный.

154. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2022. – 640 с. – Текст : непосредственный.

155. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Наука, 1982. – 257 с. – Текст : непосредственный.

156. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 : С – Ящурный / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков ; сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – 1502 стб. – Текст : непосредственный.

157. Трансформация прав человека в современном мире : монография / отв. ред. А. Н. Савенков. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2018. – 256 с. – Текст : непосредственный.

158. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций / Ф. Н. Фаткуллин ; науч. ред. М. Н. Марченко. – Казань : Издательство Казанского университета, 1987. – 336 с. – Текст : непосредственный.

159. Философско-правовое познание: актуальные проблемы : монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – Текст : непосредственный.

160. Фролова, Е. А. Проблемы теории и философии права : монография / Е. А. Фролова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 304 с. – Текст : непосредственный.

161. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2 / сост.

К. И. Батыр; под ред. Е. В. Поликарповой, С. Ю. Седакова, Т. П. Филиповой. – Москва : Юристъ, 1996. – 520 с. – Текст : непосредственный.

162. Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – 576 с. – Текст : непосредственный.

163. Цивилизационные аспекты проблемы прав человека (к 75-летию принятия Всеобщей декларации прав человека) : сборник статей X Общероссийского годового собрания теоретиков права (Москва, 22 февраля 2023 г., Центральный дом ученых) / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. И. Ковлер [и др.] ; редкол.: В. В. Лазарев (ред.), Ю. Г. Арзамасов, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев, А. И. Сидоренко. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Норма ; ИНФРА-М, 2024. – 208 с. – Текст : непосредственный.

164. Черепанов, А. А., Литвиненко, А. Г. Глобальные проблемы, их суть и поиск путей разрешения: материал для дискуссий по теме «Глобальные проблемы и принципы устойчивого развития» / А. А. Черепанов, А. Г. Литвиненко. – Новосибирск : СО РАН, 1998. – 108 с. – Текст : непосредственный.

165. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин; вступ. ст. И. Д. Осипова. – Санкт-Петербург : Наука; Санкт-Петербургская издательская фирма, 1998. – 654 с. – Текст : непосредственный.

166. Эффективность правовых норм / В. В. Глазырин, В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 280 с. – Текст : непосредственный.

167. Явич, Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1985. – 207 с. – Текст : непосредственный.

168. Ячменев, Ю. В. Правда и закон. Из истории российского правоведения : монография / Ю. В. Ячменев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. – 445 с. – Текст : непосредственный.

Научные статьи

169. Аврамов, С. О. Динамика права как отражение социально-экономической трансформации / С. О. Аврамов, М. В. Яковлев. – Текст : непосредственный // Государственно-правовые явления: история и современность : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 06 февраля 2025 года. – Саратов : Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии РФ, 2025. – С. 5–10.

170. Аврамов, С. О. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений / М. В. Яковлев, Д. А. Никонов, С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 100–105.

171. Аврамов, С. О. Правовые ограничения: общетеоретическая характеристика и механизмы реализации / С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1 (44). – С. 14–29.

172. Аврамов, С. О. Правовые стимулы в механизме правового регулирования / С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. – С. 7–10.

173. Аврамов, С. О. Правовые стимулы в системе социального управления: историко-правовой аспект / С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2025. – № 1 (30). – С. 23–32.

174. Аврамов, С. О. Правовые стимулы и правовое стимулирование: теоретико-правовые аспекты и практика применения / С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. – 2025. – № 2 (31). – С. 12–19.

175. Аврамов, С. О. Проблемы разграничения правовых ограничений и запретов в современной юридической науке / С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 2 (201). – С.

64–65.

176. Аврамов, С. О. Ценность права: баланс стимулов и ограничений / С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2025. – № 3. – С. 17–25.

177. Александрова, О. И. Мировой порядок: ценности в праве / О. И. Александрова. – Текст : непосредственный // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. – Москва : Росконгресс, 2024. – С. 26–29.

178. Алексеев, С. С. Правовые запреты в структуре советского права / С. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 43–51.

179. Арбузов, А. И., Ломакина, И. Г. Особенности реализации политических прав военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации / А. И. Арбузов, И. Г. Ломакина. – Текст : непосредственный // Human Progress. – 2024. – Т. 10, вып. 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-politicheskikh-prav-voennosluzhaschimi-voysk-natsionalnoy-gvardii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 02.12.2025).

180. Баженова, Т. М., Кодан, С. В. Понимание права и права человека: исторический аспект и современный контекст / Т. М. Баженова, С. В. Кодан. – Текст : непосредственный // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку : материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15–16 апр. 2021 г. / редкол.: Л. А. Закс [и др.]. – Екатеринбург : АНОВО «Гуманитарный университет», 2021. – С. 213–218.

181. Бастрыкин, А. И. Правовая защита национальных интересов Российской Федерации в условиях трансформации миропорядка / А. И. Бастрыкин. – Текст : непосредственный // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. – Москва : Росконгресс, 2024. – С. 14–18.

182. Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф. М. Достоевского / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2021. –

№ 6. – С. 176–181.

183. Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П. Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского) / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Следственный комитет Российской Федерации. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2023. – С. 302–321.

184. Бастрыкин, А. И., Исмагилов, Р. Ф., Сальников, В. П. Философия права Ф. М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии / А. И. Бастрыкин, Р. Ф. Исмагилов, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 168–181.

185. Берг, Л. Н. Информационно-психологический аспект правового воздействия в сфере научной деятельности / Л. Н. Берг. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 92–100.

186. Боббио, Н. От структуры к функции. Новые исследования в теории права / Н. Боббио. – Текст : непосредственный // Право XX века : идеи и ценности : сб. обзоров и рефератов / РАН, ИНИОН ; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – Москва : ИНИОН РАН, 2001. – 238 с.

187. Богатырев, Д. К., Сальников, В. П. Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология / Д. К. Богатырев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.

188. Бороненко, Т. А., Руденко, В. С. Введение в понятие «военно-политическая грамотность» военнослужащих Росгвардии / Т. А. Бороненко, В. С. Руденко. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 2. – С. 158–173.

189. Бутов, С. В. Правовые стимулы и ограничения в правовом регулировании: историко-теоретический анализ / С. В. Бутов. – Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 4 (47). – С. 11–15.

190. Бутов, С. В., Лысенков, С. Г. О соотношении понятий «правовой

статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий / С. В. Бутов, С. Г. Лысенков. – Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (35). – С. 6–11.

191. Ведяхин, В. М. Правовые стимулы: понятие, виды / В. М. Ведяхин. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 1. – С. 50–55.

192. Виноградова, Е. В., Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Право, свобода, закон. Контрфорс / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 30–35.

193. Виноградова, Е. В., Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Профилактика преступности: от концепта к конструкту / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 3. – С. 111–119.

194. Виноградова, Е. В., Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Справедливое правосудие М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. / Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2023. – № 7. – С. 194–199.

195. Виноградова, Е. В., Сальников, В. П., Захарцев, С. И. Правосудие для справедливости М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость / Е. В. Виноградова, В. П. Сальников, С. И. Захарцев. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 190–194.

196. Вискулова, В. В. Избирательные права военнослужащих: история вопроса и современные сложности реализации / В. В. Вискулова. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 31–42.

197. Галиев, Ф. Х., Гутман, М. Ю., Исмагилов, Р. Ф. К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации / Ф. Х. Галиев, М. Ю. Гутман, Р. Ф. Исмагилов. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2023. – № 4-1 (34). – С. 96–104.

198. Галиев, Ф. Х., Исмагилов, Р. Ф. Соционормативные регуляторы в политической системе общества / Ф. Х. Галиев, Р. Ф. Исмагилов. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 95–100.

199. Галиев, Ф. Х., Комаров, С. А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность / Ф. Х. Галиев, С. А. Комаров. –

Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 5–10.

200. Гельдибаев, М. Х., Грызунова, Е. В. Права человека в российском обществе и некоторые проблемы их обеспечения / М. Х. Гельдибаев, Е. В. Грызунова. – Текст : непосредственный // Право и государство, общество и личность : история, теория, практика : сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7 ноября 2017 г. / под ред. Б. П. Белозерова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. – С. 103–123.

201. Голик, Ю. В., Прошкин, Б. Г. Теоретические вопросы стимулирования поведения человека: социология и право / Ю. В. Голик, Б. Г. Прошкин. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Томск : Томский университет, 1990. – С. 3–15.

202. Дерюгин, А. А., Аврамов, С. О. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов. – Текст : непосредственный // Защита государственности : историческое наследие и современные вызовы : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, Фонд «Университет», 2025. – С. 67–72.

203. Жук, А. С., Лукашин, Е. В., Прокофьев, К. Г. Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) / А. С. Жук, Е. В. Лукашин, К. Г. Прокофьев. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 9. – С. 151–157.

204. Жук, А. С., Сальников, В. П. Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии / А. С. Жук, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

205. Жуков, В. Н. Право как ценность / В. Н. Жуков. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2010. – № 1. – С. 21–34.

206. Захарцев, С. И., Игнащенко, Ю. Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права

человека и гражданина / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31–32.

207. Захарцев, С. И., Лежнева, О. Ю., Сальников, В. П., Чабукиани, О. А. Справедливая судебная власть как гарант правового государства / С. И. Захарцев, О. Ю. Лежнева, В. П. Сальников, О. А. Чабукиани. – Текст : непосредственный // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 26–34.

208. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Компрехендная теория права заметно отличается от интегральной (интегративной) теории / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 7. – С. 187–192.

209. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан : материалы междунар. науч.-теорет. конференции. – Душанбе : Ирфон, 2014. – С. 84–89. – В сб. 243 с.

210. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Правотворчество в XXI веке : эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина) : сборник научных статей / под ред. В. В. Лазарева. – Москва : Норма, 2022. – С. 63–72.

211. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Правовой прогресс и ценности права / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17–31.

212. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175–192.

213. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая

наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11–29.

214. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Современные подходы к пониманию права и творчество профессора О. Э. Лейста / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 73–80.

215. Захарцев, С. И., Сальников, В. П., Кирюшкина, Н. О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, Н. О. Кирюшкина. – Текст : непосредственный // Методология современного конституционализма : конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. / под общ. ред. А. А. Ливеровского, В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127–138.

216. Звечаровский, И. Э. Стимулирование в праве: понятие и структурные элементы / И. Э. Звечаровский. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 112–117.

217. Зорина, Н. В., Клименко, О. А., Мирзоев, А. К., Прокофьев, К. Г., Сальников, М. В. Идея свободы в суверенной идеологии права : аксиологический и нравственно-правовой аспекты / Н. В. Зорина, О. А. Клименко, А. К. Мирзоев, К. Г. Прокофьев, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.

218. Зорькин, В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод / В. Д. Зорькин. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3–14.

219. Иванова, З. Д. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования / З. Д. Иванова. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1975. – № 11. – С. 108–112.

220. Ивлиев, П. В., Крижановская, Г. Н. Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития / П. В. Ивлиев, Г. Н. Крижановская. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 127–131.

221. Игнатъева, С. В., Вашкович, Н. Ю., Галиев, Ф. Х. Теоретические аспекты привлечения должностных лиц к юридической ответственности / С. В. Игнатъева, Н. Ю. Вашкович, Ф. Х. Галиев. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (69). – С. 124–131.

222. Исмагилов, Р. Ф., Мукосеева, Е. А., Сальников, М. В. Традиции правовой культуры Востока и Запада в формировании патриотического правосознания народов России / Р. Ф. Исмагилов, Е. А. Мукосеева, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Защита государственности : историческое наследие и современные вызовы : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, Фонд «Университет», 2025. – С. 503–510.

223. Какителашвили, М. М. Мониторинг избирательного законодательства: тенденция к ограничению избирательных прав граждан / М. М. Какителашвили. – Текст : непосредственный // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33). – С. 41–45.

224. Касаева, Т. В. Правовая культура государственных служащих как фактор повышения ответственности перед обществом / Т. В. Касаева. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 4. – С. 36–39.

225. Каюми, Т. Ограничение гражданских прав в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства в период введения военного положения / Т. Каюми. – Текст : непосредственный // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности : сборник статей научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 147–153.

226. Керимов, А. Д., Масленников, Д. В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права / А. Д. Керимов, Д. В. Масленников. – Текст : непосредственный // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14–18.

227. Керимов, А. Д., Масленников, Д. В. Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права / А. Д. Керимов, Д. В. Масленников. – Текст : непосредственный // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14–18.

228. Кийко, А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность / А. Ю. Кийко. – Текст : непосредственный // Защита государственности : историческое наследие и современные вызовы : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, Фонд «Университет», 2025. – С. 22–24.

229. Клименко, А. И. Рассмотрение права в ценностном ракурсе с позиций социологической общеправовой теории : идеи, значение, потенциал / А. И. Клименко. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 309–323.

230. Кодан, С. В. Исследовательская конструкция изучения политико-правовых доктрин О. Э. Лейста в контексте формирования методологии изучения истории политических и правовых учений / С. В. Кодан. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 235–249.

231. Кодан, С. В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) / С. В. Кодан. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1 (82). – С. 171–178.

232. Кондрат, И. Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) / И. Н. Кондрат. – Текст : непосредственный // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38–44.

233. Кондрат, И. Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : допустимость и пределы / И. Н. Кондрат. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139–152.

234. Корнев, А. В. Цивилизационные особенности понимания государства в конкурирующих культурно-исторических типах / А. В. Корнев. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 114–131.

235. Корнев, В. Н. Философские и правовые предпосылки формирования синтетического (интегративного) подхода к пониманию сущности права / В. Н. Корнев. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 100–113. – В кн. 576 с.

236. Костина, Н. Б., Ручкин, А. В. Государственные награды как фактор социальной стратификации и мобильности / Н. Б. Костина, А. В. Ручкин. – Текст : непосредственный // Научный вестник Уральской академии государственной службы : политология, экономика, социология, право. – 2011. – № 2 (15). – С. 212–222.

237. Красевич, М. С. Содержание предпочтений и их влияние на формирование правосознания / М. С. Красевич. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 121–125.

238. Кудрявцев, В. Н., Лукашова, Е. А. Новое политическое мышление и права человека / В. Н. Кудрявцев, Е. А. Лукашова. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 4.

239. Линейцева, К. С. Основные методологические подходы к пониманию правовой культуры как научной категории / К. С. Линейцева. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 5 (101). – С. 35–41.

240. Лукашева, Е. А. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма / Е. А. Лукашева. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1962. – № 7. – С. 35–46.

241. Луковская, Д. И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина / Д. И. Луковская. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2007. – № 13. – С. 34–35.

242. Мазурин, С. Ф., Сальников, М. В. Правовое и социальное государство в славянских странах: может ли оно отличаться от европейских? / С. Ф. Мазурин, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 78–91.

243. Малько, А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 238–248.

244. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 134–147.

245. Мартысюк, П. Г. Духовно-нравственные ориентиры формирования личности сотрудника силовых ведомств / П. Г. Мартысюк. – Текст : непосредственный // Защита государственности : историческое наследие и современные вызовы : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, Фонд «Университет», 2025. – С. 448–453.

246. Морозова, И. С. Правовые льготы: проблемы формирования теории / И. С. Морозова. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2008. – № 1. – С. 53–56.

247. Никодимов, И. Ю. Комплексные меры профилактики экстремизма и терроризма как одна из функций государства / И. Ю. Никодимов. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 143–151.

248. Овчинников, А. И. Идея гражданского общества в условиях цифровизации государства: концептуальные модели и институты / А. И. Овчинников. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 164–175.

249. Орехова, Т. Р. Особенности правового воздействия на экономику в условиях становления и развития рынков современной России / Т. Р. Орехова. – Текст : непосредственный // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О. Э. Лейста) : монография / отв. ред. Е. А. Фролова. – Москва : Проспект, 2025. – С. 151–163. – В кн. 576 с.

250. Очередько, В. П. Российское юридическое образование в формировании профессионального правосознания: традиции и современность / В. П. Очередько. – Текст : непосредственный // Защита государственности : историческое наследие и современные вызовы : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, Фонд «Университет», 2025. – С. 466–468.

251. Петров, А. В., Жичкина, С. Е. Справедливость как критерий ценности права / А. В. Петров, С. Е. Жичкина. – Текст : непосредственный // Правовое государство : теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 40–47.

252. Подмарев, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации: конституционные основы и законодательное регулирование / А. А. Подмарев. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 50–54.

253. Потапов, Ю. А. Ограничения прав человека в период действия особых правовых режимов / Ю. А. Потапов. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2019. – № 8. – С. 101–107.

254. Провалинский, Д. И. Историко-правовые аспекты в исследовании правовых стимулов / Д. И. Провалинский. – Текст : непосредственный // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки : сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 10 августа 2015 г. – Ростов-на-Дону : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. – Т. II. – С. 8–15.

255. Радько, Т. Н. О роли запретов в правовом регулировании / Т. Н. Радько. – Текст : непосредственный // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград : НИиРИО МВД СССР, 1969. – № 1. – С. 87–98.

256. Рашева, Н. Ю., Гомонов, Н. Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества / Н. Ю. Рашева, Н. Д. Гомонов. – Текст : непосредственный // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2006. – Т. 9, № 1. – С. 172–181.

257. Руденко, В. С. Влияние воинского коллектива на формирование грамотности у военнослужащих / В. С. Руденко. – Текст : непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 2. – С. 228–238.

258. Сальников, В. П. От права к правовому государству / В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Правовое государство : теория и практика. – 2018. – № 1 (51). – С. 12–15.

259. Сальников, В. П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности / В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6–15.

260. Сальников, В. П. Правовая культура: гл. XX / В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. Т. 3 : Государство, право, общество / отв. ред. М. Н. Марченко. – Москва : ИНФРА-М, 2013. – С. 503–530.

261. Сальников, В. П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества / В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сборник научных статей. Вып. 1 / МВД России, Санкт-Петербургский университет ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 3–5.

262. Сальников, В. П. Правовая культура общества: понятие и структура / В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Вопросы теории государства и права. – № 7. – Саратов, 1986. – С. 44–54.

263. Сальников, В. П. Проблема отношения права и справедливости в контексте задачи развития российской правовой идеологии / В. П. Сальников. – Текст : непосредственный // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России : сборник статей / под науч. ред. Е. П. Борзовой. – Санкт-Петербург : СПбКО, 2019. – С. 9–15.

264. Сальников, В. П., Захарцев, С. И. Преступления, которых могло не быть / В. П. Сальников, С. И. Захарцев. – Текст : непосредственный // Защита и безопасность. – 2020. – № 4 (95). – С. 30–31.

265. Сальников, В. П., Исмагилов, Р. Ф., Масленников, Д. В., Прокофьев, К. Г. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, К. Г. Прокофьев. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2024. – № 3 (38). – С. 196–211.

266. Сальников, В. П., Исмагилов, Р. Ф., Прокофьев, К. Г. Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты / В. П. Сальников, Р. Ф. Исмагилов, К. Г. Прокофьев. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 186–195.

267. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных

объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 157–163.

268. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 133–142.

269. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 144–161.

270. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 147–153.

271. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Полномочия и общие полномочия войск национальной гвардии / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 140–152.

272. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Правовая основа и принципы деятельности войск национальной гвардии / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 136–149.

273. Сальников, В. П., Кондрат, Е. Н., Борисов, О. С. Специальные полномочия войск национальной гвардии: задержание, вскрытие транспортного средства / В. П. Сальников, Е. Н. Кондрат, О. С. Борисов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 148–155.

274. Сальников, В. П., Масленников, Д. В., Захарцев, С. И., Морозов, А. И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-

правовой идеологии) / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев, А. И. Морозов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

275. Сальников, В. П., Масленников, Д. В., Захарцев, С. И., Прокофьев, К. Г., Морозов, А. И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, С. И. Захарцев, К. Г. Прокофьев, А. И. Морозов. – Текст : непосредственный // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

276. Сальников, В. П., Масленников, Д. В., Морозов, А. И. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, А. И. Морозов. – Текст : непосредственный // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е. О. Тулупова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176–187.

277. Сальников, В. П., Ромашов, Р. А., Сальников, М. В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) / В. П. Сальников, Р. А. Ромашов, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3 (15). – С. 3–14.

278. Сальников, В. П., Сальников, М. В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях / В. П. Сальников, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 1096–1099.

279. Сальников, В. П., Сальников, М. В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей / В. П. Сальников, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Юридическая мысль. – 2014. – № 4 (84). – С. 70–86.

280. Сальников, В. П., Сальников, М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании / В. П. Сальников, М. В. Сальников. – Текст : непосредственный // Правовое государство : теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 13–19.

281. Сальников, В. П., Сальников, М. В., Романовская, В. Б., Романовская,

Л. Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов / В. П. Сальников, М. В. Сальников, В. Б. Романовская, Л. Р. Романовская. – Текст : непосредственный // Правовое государство : теория и практика. – 2015. – № 3 (41). – С. 16–22.

282. Сальников, В. П., Соколов, Н. Я. Юристы и правовая информированность личности / В. П. Сальников, Н. Я. Соколов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел : сборник научных трудов. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1993. – С. 28–36.

283. Сальников, В. П., Стремоухов, А. В. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека / В. П. Сальников, А. В. Стремоухов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19–22.

284. Сальников, М. В., Реуф, В. М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) / М. В. Сальников, В. М. Реуф. – Текст : непосредственный // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе : Ирфон, 2014. – С. 160–164.

285. Свиных, Е. А., Яковлев, М. А. Обеспечение безопасности государства как законная цель ограничения прав и свобод человека / Е. А. Свиных, М. А. Яковлев. – Текст : непосредственный // Право в Вооруженных Силах. – 2020. – № 3. – С. 79–90.

286. Сергеева, Т. Н. Ценность права и его влияние на благополучие человека / Т. Н. Сергеева. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2 (40). – С. 174–177.

287. Синев, А. В. Проблемы совершенствования денежного довольствия военнослужащих в современной России / А. В. Синев // Вопросы совершенствования государственного управления в современной России : международный сборник научных статей. – Москва, 2017. – С. 364–369. – Текст : непосредственный.

288. Скрипилев, Е. А. Права личности в России до октября 1917 г. / Е. А. Скрипилев. – Текст : непосредственный // Права человека : время трудных

решений. – Москва, 1991. – С. 151–168.

289. Старовойтова, О. Э., Сальников, М. В., Захарцев, С. И. Проблемы права и справедливости в условиях глобализации (по материалам XXII Всемирного конгресса) / О. Э. Старовойтова, М. В. Сальников, С. И. Захарцев. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 169–188.

290. Старовойтова, О. Э., Чудин-Курган, Ф. О. Права человека: философские основы и правовые аспекты / О. Э. Старовойтова, Ф. О. Чудин-Курган. – Текст : непосредственный // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 9. – С. 155–176.

291. Степашин, С. В. Роль юристов в формировании дружественного цивилизационного пространства / С. В. Степашин. – Текст : непосредственный // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. – Москва : Росконгресс, 2024. – С. 24–25.

292. Строгович, М. С. Вопросы теории прав личности / М. С. Строгович. – Текст : непосредственный // Философия и современность. – Москва, 1976. – С. 33–35.

293. Хабибулин, А. Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России / А. Г. Хабибулин // Теория государства и права. – 2024. – № 3-2 (40). – С. 200–204. – Текст : непосредственный.

294. Хабибулин, А. Г., Чернобель, Г. Т. Интересы государства и его охранно-защитная функция / А. Г. Хабибулин, Г. Т. Чернобель // Журнал российского права. – 2008. – № 5 (137). – С. 18–27. – Текст : непосредственный.

Диссертации и авторефераты диссертаций

295. Арсентьева, А. Г. Нравственно-правовая культура и ее формирование у сотрудников внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Арсентьева. – Санкт-Петербург, 1996. – 179 с. – Текст : непосредственный.

296. Басик, В. П. Правовой статус граждан и иностранцев на территории Российской Федерации : социально-правовые основы и сравнительный анализ : дис. ... докт. юрид. наук / В. П. Басик. – Москва, 2006. – 468 с. – Текст : непосредственный.

297. Баумова, М. Г. Функции правовой культуры : дис. ... канд. юрид. наук / М. Г. Баумова. – Ярославль, 2005. – 220 с. – Текст : непосредственный.

298. Галиев, Ф. Х. Синкретизм правовой культуры современной России : теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Ф. Х. Галиев. – Москва, 2014. – С. 12. – Текст : непосредственный.

299. Гирская, М. В. Воспитание правовой культуры курсантов – будущих офицеров внутренних войск МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. В. Гирская. – Владикавказ, 2004. – 26 с. – Текст : непосредственный.

300. Глоба, В. В. Правовое воспитание военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Глоба. – Москва, 1997. – 18 с. – Текст : непосредственный.

301. Грачев, В. С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права : дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Грачев. – Санкт-Петербург, 1996. – 191 с. – Текст : непосредственный.

302. Даничев, Н. В. Формирование правовой культуры офицера: на материале военного института ВВ МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Даничев. – Новосибирск, 2005. – 22 с. – Текст : непосредственный.

303. Джамалова, Э. К. Историко-правовой анализ основ формирования правосознания молодежи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. К. Джамалова. – Махачкала, 2005. – 26 с. – Текст : непосредственный.

304. Грачев, В. С. Правовая культура как субъективный фактор реализации права : дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Грачев. – Санкт-Петербург, 1996. – 191 с. – Текст : непосредственный.

305. Глоба, В. В. Правовое воспитание военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Глоба. – Москва, 1997. – 18 с. – Текст : непосредственный.

306. Даничев, Н. В. Формирование правовой культуры офицера : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Даничев. – Новосибирск, 2005. – 22 с. – Текст : непосредственный.

307. Загородский, В. В. Правовая культура в контексте прав человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Загородский. – Краснодар, 2010. – 23 с. – Текст : непосредственный.

308. Зорченко, Е. А. Формирование правовой культуры личности в трудовом коллективе : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Зорченко. – Минск, 1982. – 195 с. – Текст : непосредственный.

309. Климентьева, Н. А. Юридическая ответственность как элемент правового статуса военнослужащих (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Климентьева. – Саратов, 2003. – 167 с. – Текст : непосредственный.

310. Кониченко, Е. Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Б. Кониченко. – Владимир, 2005. – 23 с. – Текст : непосредственный.

311. Лебедева, Е. Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Лебедева. – Саратов, 2002. – 207 с. – Текст : непосредственный.

312. Левин, О. В. Стимулирование в праве : теоретические и практические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Левин. – Саранск, 2006. – 173 с. – Текст : непосредственный.

313. Магденко, А. Д. Правосознание сотрудников внутренних дел в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Д. Магденко. – Нижний Новгород, 2004. – 32 с. – Текст : непосредственный.

314. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве : теоретико-информационный аспект : дис. ... докт. юрид. наук / А. В. Малько. – Саратов, 1995. – 362 с. – Текст : непосредственный.

315. Лебедева, Е. Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Лебедева. – Саратов, 2002. – 207 с. – Текст : непосредственный.

316. Мирошник, С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Мирошник. – Ростов-на-Дону, 1997. – 26 с. – Текст : непосредственный.

317. Мирошник, С. В. Теория правового стимулирования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / С. В. Мирошник. – Ростов-на-Дону, 2003. – 40 с. – Текст : непосредственный.

318. Петровский, А. В. Институционно-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование : дис. ... докт. юрид. наук / А. В. Петровский. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. – 597 с. – Текст : непосредственный.

319. Петручак, Л. А. Правовая культура современной России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Л. А. Петручак. – Москва, 2012. – 53 с. – Текст : непосредственный.

320. Подмарев, А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. А. Подмарев. – Саратов, 2001. – 235 с. – Текст : непосредственный.

321. Молчанов, А. А. Правовая культура в деятельности советской милиции (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Молчанов. – Алма-Ата, 1989. – 182 с. – Текст : непосредственный.

322. Павлов, О. Ф. Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудников милиции) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Ф. Павлов. – Нижний Новгород, 2005. – 29 с. – Текст : непосредственный.

323. Приходько, И. М. Ограничения в российском праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. М. Приходько ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2002. – 26 с. – Текст : непосредственный.

324. Провалинский, Д. И. Гранты в системе правовых стимулов: общетеоретический и сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук / Д. И. Провалинский. – Пенза, 2017. – 184 с. – Текст : непосредственный.

325. Пынзарь, А. Г. Правовая культура в сфере реализации административно-правовых норм работниками милиции : дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Пынзарь. – Москва, 1993. – 217 с. – Текст : непосредственный.

326. Султыгов, М. М. Запрет как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / М. М. Султыгов. – Санкт-Петербург, 1996. – 150 с. – Текст : непосредственный.

327. Рыбушкин, Н. Н. Реализация запрещающих норм советского общенародного права : дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Рыбушкин. – Казань, 1986. – 172 с. – Текст : непосредственный.

328. Сальников, В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект : дис. ... докт. юрид. наук / В. П. Сальников. – Ленинград, 1990. – 402 с. – Текст : непосредственный.

329. Семенюта, Н. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Семенюта. – Омск, 2000. – 215 с. – Текст : непосредственный.

330. Семитко, А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А. П. Семитко. – Екатеринбург, 1996. – 36 с. – Текст : непосредственный.

331. Сизый, А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных : дис. ... докт. юрид. наук / А. Ф. Сизый. – Рязань, 1995. – 468 с. – Текст : непосредственный.

332. Суворов, Л. К. Правовая культура и роль советской юридической системы в ее формировании : дис. ... канд. юрид. наук / Л. К. Суворов. – Москва, 1982. – 180 с. – Текст : непосредственный.

333. Султыгов, М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук / М. М. Султыгов. – Санкт-Петербург, 1996. – 150 с. – Текст : непосредственный.

334. Суменков, С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Суменков. – Саратов, 2002. – 26 с. – Текст : непосредственный.

335. Шашин, А. Г. Правовая культура в правовой системе общества : дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Шашин. – Санкт-Петербург, 2006. – 191 с. – Текст : непосредственный.

336. Яковлев, М. В. Профессиональная правовая культура : теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Яковлев. – Саратов, 2021. – 191 с. – Текст : непосредственный.

337. Яковлева, М. А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Яковлева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. – 23 с. – Текст : непосредственный.